

ТЕРРИ

ПРАТЧЕТТ

Телерадиопрограммы

МЕЛКИЕ
БОГИ

ТЕРРИ

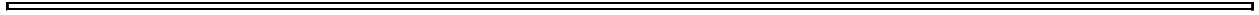
Annotation

Великая империя бога Ома. Пылающие костры, инквизиция, войны во Имя Ома и Именем Его. Вот только... никто не спросил самого Ома, как он относится к кострам. И тем более к войнам. А также к тому, что когда он собрался воплотится вновь, всей веры его народа — веры именно в Ома, а не в инквизицию, пророков или святые книги — хватило лишь на маленькую, безобидную черепашку. И решил Ом, размахивая лапками и пытаясь перевернуться рядом с закипающим котлом: «Если только Я выберусь отсюда... вашей первой заповедью станет — Да не вкусишь ты черепахового супа!»

Эта история произошла давным-давно, когда по пустыне еще бродили горящие кусты и разговаривали со случайными прохожими (человек, который имеет привычку гулять по пустыне, ни чуточки не удивится, если с ним вдруг заговорит ящерица, булыжник, а тем более куст).

Именно тогда церковь Великого Бога Ома ждала пришествия очередного пророка, который вот-вот должен был явиться, поскольку пророки — весьма обязательные люди и четко следуют установленному расписанию. Именно тогда юный послушник по имени Брута обнаружил в саду маленькую черепашку, которая на поверку оказалась тем самым Великим Богом Омом... А вообще, эта история про черепах и орлов, а также про то, почему черепахи не умеют летать.

- [Терри Прагчетт](#)
 -
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)

Терри Пратчетт

Мелкие боги

Большинство людей живут, как жили: надеются, что завтра будет не хуже, чем сегодня, что их дети будут жить лучше, чем они. Многие, к примеру, считают, что хозяйка на Кухне Будущего возьмет таблетку, положит ее на блюдо, поставит это блюдо в плиту, нажмет несколько кнопок и получит огромный праздничный торт. Нам говорили, что именно так будет выглядеть наша жизнь в пятидесятых, затем в шестидесятых и, наконец, в семидесятых годах. Странно, но мы чрезвычайно плохо предвидели именно те события, которые *произошли на самом деле*.

Я вновь и вновь возвращаюсь к одной и той же мысли: мы живем в невероятном, фантастическом мире, хотя и не осознаем этого.

Терри Пратчетт

Давайте рассмотрим черепаху и орла.

Черепаха — существо, живущее на земле. Ближе к земле жить невозможно, если, конечно, не закопаться в нее. Черепашьи горизонты ограничены несколькими дюймами, а скорость передвижения вполне достаточна, чтобы догнать лист салата. Пока вся эволюция мчалась вперед, черепаха выжила за счет того, что не представляла ни для кого практически никакой угрозы, в то время как съесть ее было достаточно трудно.

Ну а орел? Это существо неба и горных вершин, поле зрения которого простирается до самого края мира. Зрение орла настолько остро, что он с полумили замечает шевеление мелкого писклявого существа. Абсолютная сила, абсолютный контроль. Молниеносная смерть на крыльях. Острые когти и клюв позволяют съесть все, что меньше размером, и урвать кусок того, что размером побольше.

Тем не менее, орел часами сидит на скале и обозревает свои владения, пока не заметит движение вдаль и не начнет концентрировать, концентрировать, *концентрировать* свой взгляд на маленьком панцире, движущемся по пустыне. Вот он *взлетает...*

И буквально через минуту черепаха чувствует, как мир ее куда-то падает. А потом она видит все тот же мир, но не в дюйме от носа, а с высоты пяти тысяч футов и думает: «Надо же, какого замечательного друга приобрела я в лице орла».

А затем орел ее отпускает.

И почти всегда черепаха падает на землю. Каждый знает, почему черепаха падает. Сила тяжести — это привычка, от которой трудно отказаться. Но никто не знает, почему так поступает орел. Черепаха — не самый плохой ужин, но, если учитывать все приложенные усилия, практически любая другая еда может показаться не менее вкусной. Скорее всего, орлы просто получают удовольствие от мучений черепахи.

Чего орел не осознает, так это того, что на самом деле он является активным участником грубого естественного отбора.

Когда-нибудь черепаха научится летать.

Эта история произошла в пустыне янтарного и оранжевого цвета. Когда она началась и закончилась, сказать проблематично, но по крайней мере одно из ее начал состоялось в тысячах миль от той пустыни — высоко-высоко в горах, что раскинулись вокруг Пупа^[1].

Одним из насущных философских вопросов является следующий:

«Предположим, в лесу падает дерево, так производит ли оно шум, если его никто не слышит?»

Сама постановка вопроса немало говорит о природе философов, ведь в лесу всегда кто-нибудь есть. Это может быть барсук, недоумевающий, что это там так затрещало, или белка, несколько удивленная тем, что весь пейзаж вдруг перевернулся вверх ногами. В общем, обязательно кто-нибудь да есть. А если дело происходит в самой чаще, то шум рухнувшего дерева услышат миллионы мелких богов.

События происходят, одно за другим. Им совершенно все равно, кто о них что знает. Но вот история... с историей дело обстоит по-другому. История требует наблюдения, в противном случае она перестает быть историей и становится... э-э... становится событиями, происходящими одно за другим.

Кроме того, историей нужно управлять, в противном случае она может превратиться во что угодно. Потому что история, вопреки всяческим популярным теориям, — это прежде всего короли, даты и битвы. Все должно происходить в строго определенное время, что достаточно трудно. В объятый хаосом вселенной много чего случается не вовремя. Боевой конь генерала запросто может потерять подкову, кто-то не расслышит приказ,

или курьера, перевозящего жизненно важное сообщение, перехватят по дороге грозные мужики с дубинами и денежными проблемами. А еще существуют всякие нелепые небылицы, которые паразитируют на древе истории и стараются изогнуть его по-своему.

Однако у истории есть свои опекуны.

Они живут... в общем-то, они живут где попало, но их *духовный* дом находится в скрытой от глаз долине, что затерялась в Овцепикских горах Плоского мира. В этой долине хранятся книги истории.

Исторические книги бывают разные. Есть такие, которые нашпигованы событиями прошлого, будто классеры марками. Но эти книги — другие. Из них происходит сама история. Всего здесь книг двадцать тысяч; каждая высотой десять футов, переплетена в свинец, а буквы на страницах настолько мелкие, что их можно разглядеть только через увеличительное стекло.

Есть такое выражение: «Как говорится...» Ну так вот, говорится это именно здесь.

Метафор на свете значительно меньше, чем принято полагать.

Каждый месяц аббат и два старших монаха спускаются в пещеру, где хранятся книги. Сначала это являлось обязанностью только верховного аббата, но потом ему навязали двух прислужников — после достойного сожаления происшествия с пятьдесят девятым аббатом, который, ставя по мелочи на исход разных событий, сделал порядка миллиона долларов, прежде чем его поймали за руку.

Кроме того, спускаться сюда одному небезопасно. Концентрированная История, хранящаяся здесь и бесшумно просачивающаяся отсюда в мир, может быть опасной. Время — тот же наркотик. Передоз времени — и вы покойник.

Четыреста девяносто третий аббат сложил на груди морщинистые руки и обратился к одному из своих самых старших монахов, которого звали Лю-Цзе. Чистый воздух и лишенная волнений жизнь в долине способствовали тому, что все монахи были старше некуда. Кроме того, когда работаешь с самим Временем, э-э... время летит незаметно.

— Страна называется Омнией, — сказал аббат. — И расположена она на Клатчском побережье.

— Я помню, — кивнул Лю-Цзе. — Паренек по имени Урн, да?

— События подлежат... тщательному наблюдению, — добавил аббат. — Возникли затруднения. Свобода воли, предопределение... торжество символов... поворотные точки истории... В общем, ты сам все знаешь.

— Не бывал в Омнии уже лет семьсот, — покачал головой Лю-Цзе. — Засушливая державка. Во всей стране и тонны плодородной почвы не наберется.

— Медлить нельзя, — напомнил аббат.

— Я возьму с собой горы, — сказал Лю-Цзе. — Климат там для них самый благоприятный.

А еще он взял с собой метлу и циновку. Служащие истории монахи никогда не увлекались частной собственностью, ибо понимали: большинство вещей через век или два безнадежно изнашиваются.

Путь до Омнии занял четыре года. Несколько раз пришлось останавливаться — чтобы понаблюдать за парочкой битв и одним заказным убийством, иначе они бы так и прошли случайными событиями.

Был год Причудливой Змеи, а это значило, что после Завета пророка Бездона прошло целых двести лет.

И миру вот-вот должен был явиться Восьмой Пророк.

Насчет таких вещей церковь Великого Бога Ома никогда не ошибалась. Пророки — крайне пунктуальные люди. По ним можно даже сверять календарь — правда, понадобился бы очень уж большой календарь.

Всякий раз, когда ожидается появление очередного пророка, церковь удваивает свои усилия, дабы выглядеть как можно более свято. Люди бегают, всюду царит суета — точь-в-точь как в большом концерне перед приходом ревизоров. Срочно были выработаны новые нормы набожности, и тех, чья набожность оставляла желать лучшего, без лишних раздумий предали смерти.

Все самые популярные религии очень внимательно следят за благочестием своих прихожан, и церковь Великого Бога Ома не исключение из правил. Верховные иерархи сделали заявления, что общество катится вниз быстрее, чем на чемпионате страны по санному спорту, что ересь должна быть вырвана с корнем, а также с рукой, ногой, глазом и языком и что настало время очиститься от скверны.

Кровь всегда считалась крайне эффективным моющим средством.

И вот настала наконец пора Великому Богу Ому поговорить со Своим Избранным, коего Брутой именовали.

— Эй, ты!

Брута замер на полувзмахе мотыгой и огляделся.

— Что-что? — спросил он.

Стоял погожий весенний денек. Молитвенные мельницы весело

вертелись под дующим с гор ветерком. Пчелы бесцельно кружились вокруг цветов фасоли и громко жужжали, чтобы произвести впечатление тяжелого труда. Высоко в небе парил орел.

Брута пожал плечами и снова занялся дынями.

И тогда Великий Бог Ом снова рек Бруте, Своему Избранному:

— Эй, ты!

Брута замялся — с ним разговаривал кто-то явно бестелесный. Вполне возможно, это был демон. Демоны... любимая тема брата Ньюрода, наставника юных послушников. Нечистые мысли и демоны. Одно вытекает из другого. Брута с тревогой подумал, что, наверное, его искушает демон.

Нужно проявить твердость и решительность. И повторить Девять Фундаментальных Афоризмов.

Но Великий Бог Ом еще раз рек Бруте, Избранному:

— Ты что, парень, совсем оглох?

Мотыга звякнула об иссушенную солнцем почву. Брута быстро развернулся. Были пчелы, был орел, в дальнем конце сада старый брат Лю-Цзе сонно ковырялся вилами в навозной куче. На стенах ободряюще кружились молитвенные мельницы.

Он сделал знак, которым пророк Ишкибль отгонял духов.

— Чур, чур меня, демон, — пробормотал он.

— Что ты вертишься? Слушай, давай просто поговорим. Я прямо у тебя за спиной.

Брута медленно обернулся. Сад был пуст.

Тут Брута не выдержал и удрал.

Многие истории начинались задолго до их начала, и повесть Бруты не исключение. Она началась за многие тысячи лет до того, как он появился на свет.

В мире существуют миллиарды и миллиарды богов. Их тут как сельдей в бочке. Причем многие из богов настолько малы, что невооруженным глазом их ни в жизнь не разглядишь, — таким богам никто не поклоняется, разве что бактерии, которые никогда не возносят молитв, но и особых чудес тоже не требуют.

Это мелкие боги — духи перекрестка, на котором сходятся две муравьиные тропки, или божки микроклимата, повелевающие погодой между корешками травы. Многие из мелких богов остаются таковыми навсегда.

Потому что им не хватает веры.

Но некоторые делают весьма успешную карьеру. Помощь может

прийти буквально отовсюду. Пастух находит в зарослях шиповника потерянного ягненка и, не пожалев пары минут, строит пирамидку из камней, чтобы поблагодарить духов, которые там обитают. Или какой-нибудь корень причудливой формы люди ни с того ни с сего начинают связывать с исцелением от болезней. Или кто-то вырезает спираль на большом валуне.

Богам нужна вера, а людям нужны боги.

Иногда этим все и ограничивается, но иногда идет дальше. Добавляются камни, возводятся купола, на том месте, где некогда росло дерево, строится храм. Бог набирает силу, а людская вера толкает его вверх, как тысяча тонн ракетного топлива. Для некоторых только небо — предел.

А кое-кого даже небо не остановит.

* * *

Брат Ньюрод усиленно боролся с нечистыми мыслями в уединении своей строгой кельи, когда из опочивальни послушников до него донесся чей-то пылкий голос.

Мальчик Брута дрожал и бормотал отрывки молитвы, распростершись лицом вниз перед статуей Ома в Его высочайшем проявлении в виде молнии.

«В этом пареньке всегда было что-то жутковатое, — подумал Ньюрод. — Когда ты что-нибудь говоришь ему, он смотрит на тебя так, будто действительно слушает...»

Ньюрод подошел и ткнул распростертого юношу концом посоха.

— Встань, мальчик! Что ты делаешь в опочивальне посреди дня? Гмм?

Брута мигом развернулся, и в лодыжки жреца впились мальчишечьи пальцы.

— Голос! Голос! Я слышал голос! — взвыл паренек.

Ньюрод облегченно вздохнул. Тема была знакомой. Голоса — это епархия Ньюрода. Он слышал их постоянно.

— Встань, мальчик, — повторил он чуть более ласково.

Брута поднялся на ноги.

Ньюрод поморщился. Эх, лет бы на десять помладше. Слишком паренек большой для послушника. Сам Ньюрод всегда говорил: «Дайте мне мальчика лет семи...» И так далее.

Будущее у паренька незавидное. Так и помрет послушником. Правила

строгие, и никаких исключений никому не делают.

Брута поднял свое большое покрасневшее честное лицо.

— Сядь на кровать, Брута, — велел Ньюрод.

Брута немедленно повиновался. Паренек не знал значения слова «неповиновение». Это слово было одним из многих, значения которых он не знал.

Ньюрод опустился рядом.

— Итак, Брута, — тихо произнес он, — тебе известно, что происходит с людьми, которые говорят неправду?

Брута кивнул и покраснел еще больше.

— Очень хорошо, а теперь расскажи мне про голоса.

Брута нервно мял в руках край рясы.

— Скорее, это был один голос, учитель.

— Один голос... — повторил брат Ньюрод. — И что этот голос говорил? Гм-м?

Брута замялся. Если задуматься, ничего особенного голос не сказал. Просто говорил, и все. А вот общаться с братом Ньюродом было непросто: у наставника имелась неприятная привычка прищурившись смотреть на ваши губы и постоянно повторять несколько последних сказанных вами слов.

К тому же брат Ньюрод постоянно что-то трогал — стены, мебель, людей, — как будто боялся, что вселенная пропадет, если он перестанет за нее держаться. А еще у него было такое количество нервных тиков, что им приходилось выстраиваться в длинные очереди. Хотя для человека, прожившего в Цитадели целых пятьдесят лет, брат Ньюрод был не так уж плох.

— Ну... — начал Брута.

Брат Ньюрод поднял костлявую руку. Брута увидел на ней синеватые вены.

— Надеюсь, ты знаешь, что каждый верующий может слышать голоса двух типов? — осведомился наставник.

Одна бровь у него задергалась.

— Да, учитель, брат Мурдак рассказывал нам об этом, — смиренно признал Брута.

— Рассказывал вам об этом... Да. Иногда Он со свойственной Ему безграничной мудростью Господа выбирает человека и разговаривает с ним. Позднее этот человек становится пророком, — кивнул Ньюрод. — Хотелось бы надеяться, что ты в пророки не метишь. Гм-м?

— Нет, учитель.

— Нет, учитель... Но есть и *другие* голоса, — продолжал брат Ньюрод с некоторой дрожью. — Обманчивые, льстивые, убедительные... Голоса, которые вечно пытаются заставить нас врасплох.

Брута несколько успокоился. Эта тема была более привычной.

О голосах такого типа знали все послушники. Правда, обычно эти голоса нашептывали о достаточно незатейливых вещах — например, об общей привлекательности ночных манипуляций и крайней соблазнительности девичьих тел. Но голоса, которые обычно слышал брат Ньюрод, представляли собой настоящую ораторию. Некоторые послушники посмелее любили вызывать брата Ньюрода на откровенный разговор о голосах, называя эти беседы крайне познавательными. Когда брат Ньюрод особенно распалялся, в уголках его рта появлялись беловатые капли слюны.

Брута стал внимательно слушать.

* * *

Брат Ньюрод был наставником, но не самым главным. Он всего-навсего приглядывал за небольшой группой послушников, в которую входил Брута. А были и другие наставники. Возможно, кто-нибудь в Цитадели знал, сколько наставников всего. Должен же быть человек, в обязанности которого входит знать все-превсе.

Цитадель занимала центр города Ком, расположившегося между пустынями Клатча и равниноджунглями Очудноземья. Она протянулась на многие мили, ее храмы, церкви, школы, опочивальни, сады и башни напоздали друг на друга и вырастали друг из друга так, словно миллиарды трудоголиков-муравьев пытались одновременно построить бесчисленное множество муравейников.

На рассвете от дверей центрального храма ослепительным огнем отражалось солнце. Двери высотой в сто футов были выкованы из бронзы, и на них золотыми буквами в оправе из свинца были нанесены Заповеди. Всего Заповедей насчитывалось уже пятьсот двенадцать, и грядущий пророк, несомненно, должен был внести свою лепту.

Отраженное солнце освещало десятки тысяч истово верующих людей, трудившихся ради еще большего могущества Великого Бога Ома.

Вряд ли кто точно мог сказать, сколько верующих у Ома. Некоторые вещи достигают критических размеров. Но сенобиарх, он же верховный иам, был только один — это сомнению не подлежит. Плюс шесть

архижрецов. И тридцать малых иамов. А еще сотни епископов, дьяконов, поддьяконов и просто жрецов. И послушников, как крыс в зерновом амбаре. И ремесленников, и скотоводов, и пыточных дел мастеров, и девственниц-весталок...

Одним словом, в Цитадели было место человеку любой профессии.

Даже мастерам задавать ненужные вопросы или проигрывать священные войны, и тем отводилось соответствующее место — в печах непорочности или ямах правосудия святой квизиции.

Место для каждого, и каждый на своем месте.

Солнце нещадно жгло храмовый сад.

Великий Бог Ом старался держаться в тени дынных листьев. Возможно, здесь он в безопасности, учитывая высокие стены и молитвенные башни, но осторожность никогда не помешает. Единожды ему повезло, не стоит еще раз испытывать судьбу.

Богу никто не молился, и в этом была его беда.

Сейчас он целеустремленно полз к старику, бросавшему лопатой навоз. Наконец он счел, что подобрался достаточно близко, чтобы быть услышанным.

И рек Великий Бог Ом:

— Эй, ты!

Никакого ответа. Ни малейшего намека на то, что бога услышали.

Тогда Ом вышел из себя и превратил Лю-Цзе в презренного червя, копошащегося в самой глубокой выгребной яме преисподней, — и разозлился еще больше, когда увидел, что старик по-прежнему мирно перекидывает лопатой навоз.

— Да заполнятся твои кости серой! Да возьмут тебя дьяволы бесконечности! — взревел бог.

Ничего особенного не произошло.

— Старый глухой козел, — пробормотал Великий Бог Ом.

* * *

Знать о Цитадели все-превсе очень трудно, однако вполне возможно, что такой человек все ж существовал. Всегда находится такой тип, который копит знания не потому, что ему нравится это занятие, а просто так, из жадности, подобно сороке, таскающей в гнездо все блестящее, или ручейникам, собирающим песчинки и веточки. И всегда найдется человек,

который выполняет то, чем наотрез отказываются заниматься все прочие.

Третье, что бросалось в глаза при виде Ворбиса, — это рост. Ворбис был очень высоким — шесть с лишним футов, но вместе с тем настолько тощим, что казалось: какой-то ребенок сначала вылепил из глины нормального человечка, а потом раскатал его в трубочку.

Второе, что замечали в Ворбисе люди, — это глаза. Предками Ворбиса были члены пустынного племени, которые выработали особый метод затемнения глаз, причем не только зрачков, но почти всего глаза. Определить, куда он смотрит, было крайне трудно. Словно он вставил солнечные очки в само глазное яблоко.

Однако прежде всего внимание привлекал его череп.

Дьякон Ворбис был намеренно лыс. Почти все служители церкви сразу после посвящения в сан начинали отращивать волосы и бороды, в которых потом легко можно было потерять козла. Тогда как Ворбис брился. Череп его всегда блестел. И странное дело, недостаток волос, казалось, только усиливал его власть. Он никогда не угрожал, не пугал. Просто Ворбис вызывал такое ощущение, что его личное пространство распространяется на семь метров вокруг и что каждый приблизившийся к нему вторгается туда, куда вторгаться не стоит. Даже жрецы, которые были старше Ворбиса не только по годам, но и по званию, принимались извиняться, если им случайно приходилось прервать его размышления — каковыми бы эти размышления ни были.

О чем думает Ворбис, догадаться было почти невозможно, да никто его об этом и не спрашивал. И наипервейшей причиной подобного отсутствия любопытства был тот факт, что Ворбис являлся главой квизиции и в обязанности его входило выполнять то, чем наотрез отказывались заниматься все прочие.

Таких людей не стоит спрашивать, о чем они думают, ведь они могут неторопливо повернуться и ответить: «О тебе».

Дьякон был в квизиции высшим званием, и правило это было введено сотни лет назад, чтобы данная ветвь церкви случайно не выросла из своих сапожков^[2]. Все говорили, что со своим-то умом Ворбис давно уже мог стать иамом или даже архиереем.

Однако Ворбиса такие пустяки не интересовали. Он точно знал, что ему предназначено судьбой. Разве не сам Господь сказал ему об этом?

— Ну вот, — заключил брат Ньюрод, похлопывая Бруту по плечу. — Теперь, я полагаю, тебе все понятно.

Брута почувствовал, что от него ожидают какого-то ответа.

— Да, учитель, конечно.

— Конечно... Постоянно противостоять голосам — твоя святая обязанность, — промолвил Ньюрод, все еще похлопывая юношу по плечу.

— Да, учитель. Я так и буду поступать, особенно если они прикажут мне сделать то, о чем вы рассказывали.

— О чем я рассказывал... Хорошо. А если ты услышишь эти голоса снова, как ты поступишь? Гм-м?

— Приду и расскажу все вам, — покорно ответил Брута.

— Расскажешь мне... Прекрасно. Именно это я и хотел услышать, — кивнул Ньюрод. — Я всегда готов выслушать своих подопечных. И помни: я только буду рад помочь тебе решить твои маленькие, но столь насущные проблемы.

— Да, учитель. А можно мне сейчас вернуться в сад?

— В сад... Думаю, что можно. Но никаких голосов, ты понял? — Нахмутив брови, Ньюрод погрозил Бруте пальцем другой, не похлопывающей по плечу руки.

— Да, учитель.

— А чем ты занимаешься в саду?

— Окучиваю дыни, учитель.

— Дыни? А, дыни... — медленно произнес Ньюрод. — Дыни... Дыни... Это в некотором роде объясняет происходящее.

Его веко бешено задергалось.

С Ворбисом говорил не только Великий Бог. Рано или поздно инквизитор любого разговорит. Все зависит от выносливости вашего организма.

Однако в нынешние деньки Ворбис не часто спускался в рабочие помещения, дабы понаблюдать за работой инквизиторов. В обязанности инквизитора это не входит. Он просто диктовал указания и получал отчеты. Но иногда возникали особые обстоятельства, которые требовали его личного присутствия.

Необходимо сказать, что смеяться в подвалах квинизии особо не над чем. Если у вас нормальное чувство юмора. Там не развешаны всякие маленькие красочные плакатики с надписями типа: «Чтобы работать здесь, не обязательно быть безжалостным садистом, но это помогает!!!»

Однако некоторые вещи здесь явно намекали на то, что у Создателя было несколько извращенное чувство юмора.

Взять, к примеру, кружки. Дважды в день инквизиторы прерывали свою работу, чтобы попить кофе. Их кружки, которые были принесены из

дома, стояли вокруг чайника у топки центральной печки, которая, как правило, использовалась для нагрева всяческих железных штырей и ножей.

И на всех кружках без исключения красовались надписи вроде: «Подарок из священного грота Урна» или «Лучшему папочке на свете». Причем большинство кружек были с отбитыми краями.

А на стене висели открытки. Согласно традиции, каждый уехавший в отпуск инквизитор посылал своим коллегам по работе грубо раскрашенную ксилографию местного пейзажа с какой-нибудь сомнительной шуткой на обороте. Рядом с открытками было пришпилено трогательное письмо от инквизитора первого класса Ишмаэля «Хлоп» Квума, в котором всем «ребятам» объявлялась благодарность за сбор целых семидесяти восьми серебряных обол в качестве пенсионного подарка и за подношение огромного букета цветов госпоже Квум. В постскриптуме Квум клятвенно заверял, что никогда не забудет дни, проведенные в подвале номер три, и всегда будет рад помочь, если возникнет нехватка специалистов.

Мораль: нормальный семейный человек, который каждый день ходит на работу и ответственно относится к своим обязанностям, мало чем отличается от самого чокнутого психопата.

И Ворбис это знал. Обладая подобным знанием, вы знаете о людях все, что необходимо.

Сейчас Ворбис сидел рядом со скамьей, на которой лежало легонько подрагивающее тело его бывшего секретаря, брата Сашо.

Он взглянул на дежурного инквизитора, и тот кивнул. Ворбис склонился над закованным в кандалы секретарем.

— Назови их имена, — повторил он.

— ...Я не-е...

— Мне известно, что ты передавал им копии моих писем, Сашо. Это вероломные еретики, которым уготована вечность в преисподней. Ты хочешь к ним присоединиться?

— ...Я не знаю их имен...

— Я верил тебе, Сашо, а ты шпионил за мной. Ты предал церковь.

— ...Не знаю...

— Правда избавляет от мучений, Сашо. Расскажи мне все.

— ...Правда...

Ворбис вздохнул, но тут вдруг заметил сгибающиеся и разгибающиеся пальцы Сашо. Они как бы подзывали его.

— Да?

Он склонился над телом еще ниже.

Сашо открыл оставшийся глаз.

— ...Правда в том...

— Да?

— ...Что все-таки Черепаха Двигается...

Ворбис выпрямился. Выражение его лица не изменилось. Оно никогда не менялось — если только он сам того не хотел. Инквизитор в ужасе смотрел на него.

— Понятно, — сказал Ворбис и кивнул инквизитору. — Как долго он уже здесь?

— Два дня, господин.

— И ты можешь продержат его в живых...

— Возможно, еще два дня, господин.

— Так и поступи, так и поступи. В конце концов, наша прямая обязанность — как можно дольше бороться за человеческую жизнь. Верно?

Инквизитор нервно улыбнулся — так улыбаются в присутствии начальника, одно-единственное слово которого может приковать вас к пыточной скамье.

— Э... Да, господин.

— Кругом ересь и ложь. — Ворбис вздохнул. — А теперь придется еще искать другого секретаря. Столько беспокойств...

Минут через двадцать Брута успокоился. Мелодичные голоса сладострастных соблазнителей куда-то пропали.

Он продолжил обрабатывать дыни. С дынями у него всегда ладилось. Они казались более понятными, чем многое другое.

— Эй, ты!

Брута выпрямился.

— Я не слышу тебя, грязный суккуб.

— Слышишь, мальчик, слышишь. Так вот, я хочу, чтобы ты сделал следующее...

— Я заткнул уши пальцами!

— Тебе к лицу. Очень похож на вазу. А теперь...

— Я напеваю песню! Напеваю песню!

Учитель музыки брат Прептиль как-то сказал, что голос Бруты напоминает крик разочарованного стервятника, слишком поздно прилетевшего к дохлому ослу. Хоровое пение было обязательным предметом для всех послушников, но после неоднократных прошений со стороны брата Прептиля Бруту освободили от этих занятий. Брута с раззявленным ртом — достаточно жуткое зрелище, но много хуже был голос юноши, который обладал достаточной мощью и внутренней

уверенностью, однако имел привычку блуждать по мелодии как попало, ни разу не попадая на правильные ноты.

Вместо пения Брута заработал дополнительные практические занятия по выращиванию дынь.

С одной из молитвенных пашен торопливо взлетела стая ворон.

Исполнив до конца «Он Топчет Неверных Раскаленными Железными Копытами», Брута вынул пальцы из ушей и прислушался.

Кроме удалявшегося раздраженного крика ворон, ничего слышно не было.

Получилось. Главное — верить в Господа, так ему говорили. И он всегда следовал этому совету. Сколько себя помнил.

Брута поднял мотыгу и, облегченно вздохнув, вернулся к своим дыням.

Лезвие мотыги уже готово было воткнуться в землю, когда Брута увидел черепаху.

Черепашка была маленькой, желтого цвета и вся покрытая пылью. Панцирь по краям обколот. У черепахи был всего один глаз-бусинка, второй же она, видимо, потеряла в результате одной из тысяч и тысяч опасностей, которые повсюду подстерегают медленно передвигающееся существо, живущее в дюйме от земли.

Брута огляделся. Сад по-прежнему находился внутри храмового комплекса и по-прежнему был обнесен стенами.

— Как ты сюда попало, маленькое существо? — спросил он. — Прилетело?

Черепаша подняла на него свой единственный глаз. Брута ощутил тоску по дому. В песчаных барханах рядом с его родным домом всегда водилось много черепах.

— Я могу угостить тебя салатом, — предложил Брута. — Но, по моему, черепахам запрещено находиться в садах. Разве ты не вредитель?

Черепаша продолжала таращиться на него. Ни одно животное не способно смотреть так пристально, как черепаха.

Брута почувствовал себя обязанным что-то предпринять.

— А еще есть виноград. Вряд ли я совершу большой грех, если дам тебе одну ягоду. Хочешь винограда, а, маленькая черепашка?

— А ты хочешь стать презренным червем в самой глубокой яме хаоса?

Вороны, облепившие наружные стены, снова сорвались в воздух, услышав яростное исполнение «Безбожники Умирают В Муках».

Брута открыл глаза и вынул пальцы из ушей.

— Я все еще здесь, — сказала черепаха.

Брута растерялся. До него медленно доходило, что демоны и суккубы

не превращаются в маленьких черепашек. В этом нет смысла. Даже брат Ньюрод согласился бы, что одноглазая черепашка — не самый лучший эротический образ.

— А я и не знал, что черепахи разговаривают, — наконец выдавил Брута.

— А они этого и не умеют, — ответила черепаха. — Ты на мои губы посмотри.

Брута пригляделся.

— Но у тебя нет губ, — заметил он.

— Ага. И голосовых связок тоже, — согласилась черепаха. — Мои слова возникают прямо в твоей голове.

— Вот те на!

— Понимаешь, на что я намекаю?

— Нет.

Черепаха закатила единственный глаз.

— Вот странно!.. Впрочем, неважно, я не собираюсь тратить время на всяких садовников. Приведи ко мне самого главного.

— Самого главного? — переспросил Брута и сунул палец в рот. — Ты имеешь в виду брата Ньюрода?

— А кто он такой?

— Наставник послушников.

— О Господи, то бишь Я! — воскликнула черепаха. — Нет, я не имею в виду наставника послушников, — терпеливо-напевно произнесла она. — Я имею в виду верховного жреца или как там он себя называет. Полагаю, здесь таковой имеется?

Брута тупо кивнул.

— То есть верховный жрец у вас есть? — на всякий случай еще раз уточнила черепаха. — Тогда зови верховного жреца.

Брута снова кивнул. Он знал, что верховный жрец в Цитадели есть. Но если между собой и братом Ньюродом Брута еще представлял какое-то подобие иерархических отношений, то что касается иерархических отношений между послушником Брутой и сенобиархом... тут его фантазия начисто отказывала. Теоретически он понимал, что такой человек есть, догадывался о существовании огромной канонической лестницы с верховным жрецом на вершине и Брутой у самого подножия, но взирал он на эту лестницу с позиций амебы, решившей вдруг исследовать цепь эволюции между собой и, к примеру, главным бухгалтером. Тут речь шла не об одном и не о двух отсутствующих звеньях, звенья тут отсутствовали как класс.

— Но я же не могу пойти и попросить его... — начал было Брута, однако сама мысль о разговоре с сенобиархом заставила его в страхе замолкнуть. — Я же не могу пойти и попросить *кого-то*, чтобы он пошел и попросил верховного сенобиарха, чтобы тот пришел и поговорил с какой-то там черепахой!

— Поганая пиявка, гореть тебе в огне страшного суда! — заорала черепаха.

— Ты чего ругаешься? — обиделся Брута.

Черепаша яростно запрыгала вверх-вниз.

— Это было не ругательство, а приказ! Я — Великий Бог Ом!

Брута в растерянности заморгал.

— Ну да... — наконец промолвил он. — Какой же ты Великий Бог? Великого Бога Ома я видел, — и он взмахнул рукой, добросовестно нарисовав знак священных рогов. — На черепаху он совсем не похож. Он способен принимать обличия орла, льва, ну, или могучего быка. У Великого Храма есть его статуя. Высотой в семь локтей. Так вот, она вся из бронзы и топчет безбожников. А как черепаха может топтать безбожников? Что ты вообще можешь с ними сделать? Разве что многозначительно посмотреть на них. А еще у него рога из настоящего золота. В соседней деревне, рядом с той, где я жил раньше, тоже стояла статуя — только в виде быка и в один локоть высотой. Поэтому я знаю, вовсе ты не Великий Бог, — еще один знак священных рогов, — Ом.

Черепаша немного подуспокоилась.

— А сколько говорящих черепах ты видел? — осведомилась она с издевкой.

— Ну, не знаю...

— Как это, не знаю?

— Ну, наверное, они все могут разговаривать, — сказал Брута, наглядно демонстрируя особую логику, которая позволяла ему зарабатывать много-много дополнительных занятий по выращиванию дынь. — Просто ничего не говорят, пока я рядом.

— Я — Великий Бог Ом, — произнесла черепаха угрожающим и неизбежно низким голосом. — И если не хочешь вскоре стать крайне несчастным жрецом, беги быстрее и приведи его.

— Послушником, — поправил Брута.

— Что?

— Послушником, а не жрецом. И меня не пустят к...

— Немедленно приведи сюда своего верховного жреца!

— По-моему, сенобиарх еще ни разу не бывал в нашем огороде. Вряд

ли он даже знает, что такое дыня.

— Детали меня не интересуют, — перебила черепаха. — Приведи его немедленно, иначе начнется землетрясение, луна станет кровавой, человечество охватят бешенство и малярия и прочие жуткие недуги будут насланы на вас всех. И я это серьезно.

— Ладно, ладно, посмотрим, что удастся сделать, — сказал Брута, отступая.

— И помни: в сложившихся обстоятельствах мной были проявлены невероятные рассудительность и терпение! — крикнула ему вслед черепаха.

— Кстати, ты не так уж плохо поешь, — добавила она, немного подумав.

— Слышали пение и похуже! — проорала она, когда грубая ряса Бруты уже исчезала в воротах.

— Вот помню эпидемию чумы в Псевдополисе... — тихонько произнесла черепашка, когда шаги послушника совсем затихли. — Жуткий вой и скрежет зубовой. — Она вздохнула. — Великие времена! Великие дни!

Многие люди посвящают себя служению богу, потому что якобы чувствуют призвание, на самом же деле они слышат всего-навсего собственный внутренний голос: «Работа в тепле, тяжести таскать не надо — или хочешь быть пахарем, как твой отец?»

Но Брута не просто верил. Он действительно Верил. В обычной богобоязненной семье такая вера может вызвать достаточно серьезные затруднения, но у Бруты была только бабушка, и она тоже Верила. Верила точно так же, как железо верит в металл. Священнослужителей бабушка повергала в сущий ужас, поскольку знала все песнопения и все проповеди наизусть. В омнианские церкви женщин пускали только из жалости — при условии, что они будут сидеть тихо в специальном зальчике за кафедрой и будут закутаны с ног до головы, дабы вид женской половины человечества, не дай Бог, не вызвал в головах мужской половины голоса, похожие на те, что ни днем, ни ночью не давали покоя брату Ньюроду. Только бабушка Бруты относилась к тем женщинам, которые способны пробиться сквозь самый прочный щит и самую ярую набожность с легкостью алмазного сверла.

Родись она мужчиной, омнианство обрело бы своего Восьмого Пророка значительно раньше, чем ожидалось. Но мужчиной она не родилась, а потому посвятила всю свою жизнь уборке храмов, полировке

статуй и забиванию камнями заподозренных в прелюбодеянии женщин.

Таким образом, Брута вырос в атмосфере твердого и окончательного знания о Великом Боге Оме. Брута рос, *понимая*, что всевидящее око Господа постоянно следит за ним — особенно в таких местах, как туалет, — и что демоны атакуют его со всех сторон, а спасает от них только сила веры и вес бабушкиной трости, которая в тех редких случаях, когда не использовалась по назначению, стояла за дверью в прихожей. Брута знал наизусть все стихи из всех семи Книг Пророков, мог процитировать любую Заповедь на выбор. Он знал все Законы и все Песни. Особенно Законы.

Омниане были богобоязненными людьми.

Им было чего бояться.

Покои Ворбиса находились в верхней части Цитадели, хотя по сану он был обычным дьяконом. Однако никаких особых привилегий он себе не выпрашивал. Ему вообще редко приходилось просить. Он был избранником судьбы, а судьба заботится о своих избранных.

Периодически Ворбиса посещали некоторые из наиболее могущественных людей в церковной иерархии.

Конечно, шесть архиереев и сам сенобиарх в их число не входили. Они не были столь важны или могущественны, просто находились на вершине. Обычно людей, которые действительно управляют организацией, можно найти несколькими уровнями ниже, где еще остается возможность хоть чем-то управлять.

Быть другом Ворбиса почиталось за честь — в основном из-за уже упомянутого хода мыслей, который тонко намекает вам, что быть врагом Ворбиса вы не хотите.

И вот сейчас у Ворбиса сидели двое весьма важных «друзей». Это были генерал-иам Б'ей Реж, который, что бы там ни говорили официальные табели о рангах, командовал большей частью Божественного Легиона, и епископ Друна, секретарь Конгресса Иамов. Вы можете счесть, что никакой реальной власти должность секретаря не подразумевает, но вы никогда не вели протокол собрания глухих стариков.

Здесь же надо отметить, что в действительности ни один из этих двоих с Ворбисом сейчас не встречался. И ни о чем с эксквизитором не говорил. Эта встреча была именно такого типа. Много кто никогда не встречался с Ворбисом и ни о чем с ним не говорил. Кое-какие аббаты из далеких монастырей были недавно вызваны в Цитадель и тайно проделали путь продолжительностью в неделю по крайне пересеченной местности только для того, чтобы ни в коем случае не присоединиться к темным фигурам,

посетившим комнату Ворбиса. За последние несколько месяцев у Ворбиса перебивало гостей не меньше, чем у Человека в Железной Маске.

Итак, присутствующие (или неприсутствующие) ни о чем не разговаривали. Но если бы они *присутствовали* здесь и у них *состоялся* разговор, то ход его был бы примерно следующим.

— А теперь, — сказал Ворбис, — обсудим Эфеб.

Епископ Друна пожал плечами^[3].

— Несущественная проблема. Так, во всяком случае, говорят. Реальной угрозы нет.

Оба гостя посмотрели на Ворбиса. Понять, о чем думает Ворбис, было крайне трудно — даже после того как он высказывал свои мысли вслух.

— Действительно? Мы в самом деле пришли к такому выводу? — спокойно осведомился Ворбис. Голос его звучал, как всегда, ровно и тихо. — Стало быть, никакой угрозы? И это после того, что произошло с бедным братом Мурдаком? А оскорбления, брошенные Ому? Такое нельзя прощать. Что предлагается сделать?

— Главное — никаких битв, — ответил Б'ей Реж. — Они дерутся как бешеные. Нет. Мы и так слишком много солдат потеряли.

— У них сильные боги, — заметил Друна.

— У них прекрасные лучники, — поправил его Б'ей Реж.

— Нет бога, кроме Ома, — сказал Ворбис. — Эти презренные эфебы поклоняются идолам и демонам. Об истинной вере здесь и речи не идет. Вы вот это видели?

Он передал им свиток.

— И что это? — осторожно спросил Б'ей Реж.

— Ложь. История, которой не существует и которая никогда не существовала. Это... — Ворбис замешкался, вспоминая нужное, но давно не используемое слово. — Это... это типа сказки, которую рассказывают маленьким детишкам... только здесь написаны слова, их произносят вслух и...

— А. Пьеса, — догадался Б'ей Реж.

Взгляд Ворбиса пригвоздил его к стене.

— Значит, ты в курсе подобных дел?

— Ну, я... как-то раз я ездил в Клатч и... — забормотал Б'ей Реж, ежась под огненным взглядом Ворбиса.

Опомнившись, генерал-иам взял себя в руки. Он водил в бой сотни тысяч солдат и ничем не заслужил такого обращения...

Правда, вскоре он осознал, что не может заставить себя поднять глаза и взглянуть Ворбису в лицо.

— Они танцуют танцы, — сломленно пояснил он. — В священные праздники. Женщины вешают колокольчики на свои... Поют песни. Все о древних временах, когда боги...

Генерал-иам окончательно увял.

— В общем, отвратительно, — закончил он и хрустнул суставами пальцев, что было явным признаком волнения.

— *Здесь* действуют их боги, — ткнул пальцем Ворбис. — Которых изображают *люди* в масках. Вы способны в это поверить? У них есть Бог *Вина*. Пьяный старик! И вы смеее утверждать, что Эфеб не представляет угрозы?! А вот это...

Он бросил на стол свиток потолка.

— *Эта*, как ее там, еще хуже. Сейчас эфебы поклоняются ложным богам, однако их ошибка состоит только в выборе богов, а не в поклонении. Но что последует за этим?

Друна осторожно изучил свиток.

— Думаю, есть и другие копии, — хмыкнул Ворбис. — Даже в Цитадели. Этот свиток принадлежал Сашо. Насколько я помню, это ты мне его рекомендовал, Б'ей Реж?

— Он производил впечатление умного и проницательного молодого человека, — ответил генерал-иам.

— Но крайне вероломного, — добавил Ворбис. — И его постигла заслуженная кара. Сожалеть стоит только о том, что мы так и не смогли склонить его назвать имена других еретиков.

Б'ей Реж едва удержался от вздоха облегчения. Его глаза встретились с глазами Ворбиса.

Тишину нарушил Друна.

— «Де Келониан Мобиле», — громко произнес он. — «Черепаша Движется». Что бы это значило?

— Если я скажу, твоя душа рискует провести тысячу лет в преисподней, — откликнулся Ворбис.

Он сверлил взглядом Б'ей Режа, который, в свою очередь, упорно разглядывал стену.

— Я считаю, рискнуть стоит, — сказал Друна.

Ворбис пожал плечами.

— Написавший *это* заявляет, что мир путешествует через бездну на спинах четырех гигантских слонов, — сообщил он.

Друна удивленно открыл рот.

— На спинах слонов? — переспросил он.

— Именно так здесь и написано, — подтвердил Ворбис, не сводя глаз

с Б'ей Режа.

— А на чем они стоят?

— Автор заявляет, что слоны стоят на панцире гигантской черепахи, — сказал Ворбис.

Друна нервно усмехнулся.

— А на чем тогда стоит черепаха?

— Не вижу смысла размышлять, на чем может стоять эта черепаха, — отрезал Ворбис, — потому что такого просто не может быть!

— Конечно, конечно, — быстро согласился Друна. — Обычное праздное любопытство, не более.

— Всякое любопытство есть праздность, — нравоучительно заметил Ворбис. — Ибо оно наводит разум на лишние, ненужные размышления. Тем не менее, написавший это человек гуляет сейчас на свободе — в этом вашем Эфебе.

Друна взглянул на свиток.

— Здесь говорится, что он сел на корабль, который отвез его на остров на краю света, и там он якобы заглянул за...

— Враки, — равнодушно произнес Ворбис. — Впрочем, какая разница... Враки, не враки — не это важно. Истина внутри, а не снаружи. В словах Великого Бога Ома, произнесенных через избранных пророков. Наши глаза способны обманывать, а вот наш Господь — никогда.

— Но...

Ворбис взглянул на Б'ей Режа: генерал-иам обильно потел.

— Но? — поинтересовался он.

— Но... Эфеб. Страна безумцев, которые рождают всякие безумные идеи. Каждому это известно. Может, самым мудрым решением будет оставить их вариться в собственной глупости?

Ворбис покачал головой.

— К сожалению, — промолвил он, — дикие и неустойчивые мысли имеют разрушительную тенденцию распространяться и укореняться.

Б'ей Реж не мог не признать правдивость заключения Ворбиса. Он по собственному опыту знал, что правильные и очевидные мысли — такие как несказанная мудрость и справедливость Великого Бога Ома — кажутся многим людям настолько туманными, что этих неверующих приходится убивать, чтобы они осознали свою ошибку. В то время как опасные, расплывчатые и ошибочные идеи вдруг обретают для некоторых такую привлекательность, — он задумчиво почесал шрам, — что эти фанатики предпочитают прятаться в горах и бросаться оттуда камнями. Даже когда их берут в осаду и морят голодом, они предпочитают умереть, но так и не

увидеть здравый смысл.

Б'ей Реж разглядел этот здравый смысл еще в раннем возрасте. Как считал лично он, тот смысл здравый, который позволяет тебе остаться в живых.

— И что ты предлагаешь? — спросил он.

— Совет выразил желание вступить с Эфебом в переговоры, — сказал Друна. — Как вам известно, я отвечаю за организацию. Делегация выезжает завтра.

— Сколько легионеров? — поинтересовался Ворбис.

— Только охрана. Нам гарантировали безопасный проход, — ответил Б'ей Реж.

— Нам гарантировали безопасный проход... — повторил Ворбис. В его устах это прозвучало как длинное ругательство. — А после того как делегация окажется у них в стране?..

Б'ей Реж хотел было сказать, что разговаривал с командиром эфебского гарнизона и считает его человеком чести, хотя, конечно, этот эфеб не более чем жалкий безбожник, ниже самых распоследних презренных червей... но потом счел, что высказывать такую мысль Ворбису не совсем мудро.

И поэтому пообещал:

— Мы будем начеку.

— А можем мы застать их врасплох?

Б'ей Реж замялся.

— Мы?

— Отряд возглавлю я, — отозвался Ворбис. Генерал-иам и секретарь обменялись быстрыми взглядами. — Мне хотелось бы... на время оставить Цитадель. Сменить обстановку. Кроме того, мы должны дать понять эфебам, что они не заслуживают внимания высшего чина церкви. Я сейчас размышляю над такой возможностью — а что, если нас спровоцируют?

Б'ей Реж нервно щелкнул суставами, словно ударил хлыстом.

— Мы дали слово...

— Перемирие с неверующими невозможно, — перебил Ворбис.

— Но существуют практические соображения, — произнес Б'ей Реж настолько резко, насколько посмел. — Дворец в Эфебе представляет собой лабиринт. Уж я-то знаю. Там полно ловушек. Никто не может войти туда без провожатого.

— А как входит провожатый? — спросил Ворбис.

— Полагаю, он сам себя провожает, — ответил генерал-иам.

— Всегда есть другой путь. Это я знаю из личного опыта, — отрезал Ворбис. — В любое место всегда можно проникнуть другим путем. И

Господь укажет его нам — в нужное время, можете быть уверены.

— Конечно, все значительно упростилось бы, — задумчиво сказал Друна, — если бы в Эфебе возникли беспорядки. Это дало бы нам определенные... преимущества.

— И мы получили бы доступ ко всему побережью, — кивнул Ворбис.

— Ну...

— К Джелю, а затем и к Цорту, — продолжал Ворбис.

Друна старался не смотреть в сторону Б'ей Режа.

— Это наш долг, — подвел итог Ворбис. — Наш священный долг. Мы не должны забывать о бедном брате Мурдаке. Он был один и без оружия.

Огромные сандалии Бруты послушно шлепали по каменным плитам к келье брата Ньюрода.

По пути он пытался придумать, с чего начать. «Учитель, я встретил говорящую черепаху и...», «Учитель, здесь одна черепаха хочет...», «Учитель, угадайте, что мне сказала черепаха, которую я нашел в дынях...»

Брута никогда не считал себя пророком, однако мог довольно точно предсказать итог любой беседы, начатой подобным образом.

Многие люди считали Бруту идиотом. Он и выглядел настоящим придурком — взять хоть круглое простецкое лицо, хоть косолапые ноги. Также за Брутой водилась дурная привычка шевелить губами, словно он репетировал каждое предложение. А происходило это потому, что он действительно репетировал все свои слова. Обдумывание давалось Бруте нелегко. Большинство людей думают автоматически, мысли танцуют по их мозгу, как статическое электричество по туче. Так, по крайней мере, казалось Бруте. Он же, напротив, должен был все обдумывать по частям, словно стену строил. Над ним постоянно смеялись, насмехались над бочкообразным телом и ногами, которые, казалось, готовы разбежаться в разные стороны, поэтому Брута старался тщательно обдумывать все, что собирался сказать.

Брат Ньюрод, заткнув уши пальцами, лежал ничком перед статуей Топчущего Безбожников Ома. Его снова одолевали голоса.

Брута кашлянул. Потом кашлянул еще раз.

Брат Ньюрод поднял голову.

— Брат Ньюрод? — спросил Брута.

— Что?

— Э... Брат Ньюрод?

— Что?

Брат Ньюрод вынул пальцы из ушей.

— Да? — несколько раздраженно спросил он.

— Гм, я хотел бы, чтобы вы взглянули на кое-что в... В саду, брат Ньюрод.

Наставник сел. На лице Бруты была написана искренняя тревога.

— Что ты имеешь в виду? — спросил брат Ньюрод.

— Ну, в саду. Это трудно объяснить. Я нашел... Брат Ньюрод, я нашел, откуда исходят голоса. Вы сами просили, чтобы я вам все-превсе рассказывал.

Старый священнослужитель искоса взглянул на послушника. Но если и жил когда-либо на Диске человек, напрочь лишенный хитрости и коварства, так это Брута.

Страх — достаточно странная почва. В основном на ней вырастает послушание, причем рядами, словно пшеница, чтобы удобнее было пропалывать. Но иногда она дает урожай клубней демонстративного неповиновения, которые пышно разрастаются в подполье.

В Цитадели подполья хоть отбавляй. Во-первых, там имеются темницы и тоннели квизиции. А кроме них в Цитадели есть подвалы, сточные трубы, заброшенные помещения, тупики, пространства за древними стенами и даже естественные пещеры в самом скальном основании.

Это была одна из таких пещер. Дым от горящего по центру костра уходил в щель на потолке и бесследно терялся в лабиринте труб и колодцев.

Среди танцующих теней можно было разглядеть около дюжины фигур. Все присутствующие были в грубых накидках поверх невзрачной, сшитой из тряпок одежды, которую не жалко будет сжечь после встречи — чтобы длинные руки квизиции не нашли ничего инкриминирующего. Манеры движений говорили о том, что собравшиеся в пещере привыкли носить оружие. Характерные жесты. Позы. Обороты речи.

На одну из стен было нанесено изображение. Нечто овальное с тремя маленькими выступами в верхней части, причем средний чуть больше крайних, и тремя выступами внизу, средний тоже чуть больше и заостренный. Детский рисунок черепахи.

— Он отправится в Эфеб, — сказала одна из масок. — Не посмеет не поехать. Реку истины следует перекрыть у самого истока, дабы остановить воду.

— Стало быть, мы должны успеть вычерпать из реки все, что возможно, — промолвила другая маска.

— Скорее, нам следует убить Ворбиса!

— Только не в Эфебе. Это должно произойти здесь. Чтобы люди *знали*. И случится это, когда мы наберем силу.

— А мы когда-нибудь ее наберем? — спросила маска, и ее владелец нервно хрустнул суставами.

— Даже крестьяне чувствуют, что творится нечто странное. Истину не остановить. Запрудить реку истины? Возникнут течи огромной силы. Помните брата Мурдака? Ха! *Убит в Эфебе*, как сказал Ворбис.

— Один из нас должен отправиться в Эфеб и спасти Учителя. Если он действительно существует.

— Существует, ведь его имя написано на книге.

— Дидактилос. Странное имя. Знаете, оно означает «двупалый».

— Его, должно быть, весьма почитают в Эфебе.

— Доставьте его сюда, если такое возможно. И привезите Книгу.

Одна из масок выглядела крайне нерешительно. Снова защелкали суставы.

— Но сплотится ли народ вокруг... обычной книжки? Народу нужно больше, чем просто книга. Это же крестьяне. Они не умеют читать.

— Зато умеют слушать!

— А если и так... Им нужно показать... Нужен символ...

— У нас есть символ!

Все фигуры в масках инстинктивно повернулись к изображению на стене, почти незаметному в тусклом свете костра, но выгравированному в их умах. Они с благоговением взирали на истину, которая зачастую так поразительна.

— И все-таки Черепаха Двигается!

— Черепаха Двигается!

— Черепаха Двигается!

Вождь людей в масках кивнул.

— А сейчас, — промолвил он, — бросим жребий...

Великий Бог Ом разгневался — или, по крайней мере, предпринял энергичную попытку взъяриться. Но гнев наотрез отказывался подниматься выше чем на один дюйм от поверхности земли, поэтому бог очень быстро достиг предела.

Тогда Ом молча проклял жука — но с тем же успехом можно было таскать воду в решете. Проклятие никакого действия не возымело. Жук, тяжело ступая, удалился.

Затем бог проклял дыню до восьмого колена — опять ничего. Он

напрягся изо всех сил и попробовал насрать на нее бородавки. Дыня лежала себе на грядке, продолжая тихонько зреть.

Он попал в крайне затруднительное положение, и мир не замедлил воспользоваться этим — какое коварство! Ничего, вот когда Ом вновь обретет прежнюю форму и могущество — о да, тогда он Предпримет Шаги. Племена Жуков и Дынь пожалеют о том, что были созданы. И что-нибудь особо ужасное случится со всеми орлами на свете. И... и появится новая заповедь, касающаяся выращивания салата...

Когда наконец вернулся тот тупоголовый паренек, ведя за собой восково-бледного мужчину, Великий Бог Ом не испытывал ни малейшей склонности шутить. Да и вообще, с точки зрения черепахи, самый красивый человек представляет собой лишь пару огромных ног, далекую заостренную голову плюс где-то там же, наверху, располагаются крайне неаппетитные ноздри.

— Это еще кто? — прорычал Великий Бог Ом.

— Это брат Ньюрод, — ответил Брута. — Наставник послушников. Он занимает весьма важное положение.

— Я что, велел тебе притащить сюда какого-нибудь старого жирного педераста?! — взорвался голос в его голове. — За это твои глаза будут насажены на огненные стрелы!

Брута опустил на колени.

— Я не могу обратиться к самому верховному жрецу, — вежливо ответил он. — Послушников пропускают в Великий Храм только в особых случаях. Если меня поймут, квизиция сурово накажет меня за Ошибки в Поведении. Это Закон.

— Тупой дурень! — закричала черепаха.

Ньюрод решил, что настало время вмешаться.

— Послушник Брута, — сурово промолвил он, — почему ты разговариваешь с этой черепашкой?

— Ну, потому... — Брута замялся. — Потому, что она разговаривает со мной...

Брат Ньюрод опустил взгляд на торчащую из панциря одноглазую голову.

Вообще-то, он был добрым человеком. Иногда дьяволы и демоны поселяли в его голове дурные мысли, но наружу он их не выпускал, а потому никак не заслуживал быть названным так, как назвала его черепаха, — впрочем, даже если бы он услышал эту характеристику, то скорее всего решил бы, что так называется какой-нибудь недуг ног. Брат Ньюрод прекрасно знал, что можно слышать голоса демонов и иногда

богов. Но черепаший голос — это что-то новенькое. Он даже испытал к Бруте некую жалость — в принципе, паренек совершенно безвреден, туповат, конечно, зато безропотно выполняет все, о чем ни попросишь. Юные послушники частенько отправляются чистить выгребные ямы и клетки быков, причем абсолютно добровольно — из-за странной веры в то, что святость и благочестие каким-то мистическим образом связаны с пребыванием по колено в дерьме. Добровольцем Брута никогда не вызывался, но выполнял подобные работы вовсе не ради того, чтобы произвести впечатление, а потому, что их ему поручали. И вот, паренек уже начал с черепахами разговаривать...

— Думаю, мне следует сказать тебе об этом, Брута... Это не совсем те голоса, о которых я упоминал.

— Неужели вы ничего не слышите?

— Ничегошеньки, Брута.

— Черепаха сказала мне, что на самом деле... — Брута замялся. — Сказала мне, что на самом деле она — это Великий Бог Ом.

Выпалив фразу, Брута сжался. За такие слова бабушка непременно ударила бы его чем-нибудь тяжелым.

— Понимаешь, Брута, — промолвил брат Ньюрод, слегка подергиваясь, — такое иногда происходит с Призванными церковью молодыми людьми. То есть ты был Призван, а стало быть, ты услышал глас Господа, верно? Гм-м?

Брута не понял метафору. Что он точно слышал, так это глас своей бабушки. Он скорее был Послан, чем Призван. Тем не менее, Брута кивнул.

— А учитывая... твои увлечения, вполне естественно, что ты решил, будто слышишь, как с тобой разговаривает сам Бог.

Черепаха вновь принялась скакать, словно мячик.

— Да как ты смеешь! Я поражу тебя молнией! — вопила она.

— Я считаю, что лучшее лекарство — это физические упражнения, — продолжал брат Ньюрод. — И много холодной воды.

— Ты у меня в вечных муках будешь корчиться!

Ньюрод наклонился и перевернул черепаху. Та яростно задргала лапками.

— А как она сюда попала? Гм-м?

— Понятия не имею, брат Ньюрод, — послушно признался Брута.

— Да отсохнут и отвалятся твои клешни! — надрывался голос в его голове.

— Знаешь, а из них получается очень вкусный суп... — сообщил наставник.

Подняв голову, он увидел выражение лица Бруты.

— Слушай, давай посмотрим на все с другой стороны, — предложил брат Ньюрод. — Мог ли Великий Бог Ом, — знак священных рогов, — предстать перед нами в виде столь презренного существа? В виде быка — да, в виде орла — несомненно, может быть, в виде лебедя, но в виде черепахи?..

— На твоих половых органах вырастут крылья! Все, прощайся со своими яйцами!

— В конце концов, — продолжал Ньюрод, ничегошеньки не подозревая о криках в голове Бруты, — на какие-такие чудеса способна черепаха? Гм-м?

— Твои лодыжки перемелют челюсти великанов!

— Что она может? Превратить лист салата в золото? — произнес брат Ньюрод веселым тоном человека, у которого отсутствует всякое чувство юмора. — Устроить чуму в муравейнике? А-ха-ха.

— Ха-ха, — почтительно хихикнул Брута.

— Отнесу-ка я ее на кухню, с твоих глаз долой, — подвел итог наставник послушников. — Из черепах получается замечательный суп. И больше ты не услышишь никаких голосов, можешь мне поверить. Огонь — замечательное средство от безумств, верно ведь?

— Суп?

— Э... — выдавил Брута.

— Твои кишки будут наматываться на дерево, пока не покаешься ты в грехах своих!

Ньюрод оглядел огород. Горизонты полнились дынями, тыквами и огурцами. Он поежился.

— Много холодной воды — вот еще одно надежное средство, — сказал он. — Много-много. — Он перевел взгляд на Бруту. — Гм-м!

И направился в сторону кухни.

* * *

Полузарытый в траве и моркови, Великий Бог Ом валялся вверх лапками в корзине на одной из кухонь.

Лежащая на панцире черепаха, чтобы перевернуться, сначала высунет голову и попробует использовать в качестве рычага шею. Если это не сработает, она примется отчаянно размахивать лапками, пытаясь раскататься.

В рейтинге самых жалких существ во всей множественной вселенной перевернутая черепаха — девятая по счету.

Тогда как перевернутая черепаха, *которая знает, что именно с ней произойдет в следующую минуту*, занимает верное четвертое место.

А самый быстрый способ умертвить черепаху для последующего приготовления из нее черепашьего супа — это опустить бедную рептилию в кипяток.

Цитадель была усеяна кухнями, складами и мастерскими ремесленников^[4]. Это была лишь одна из кухонек — с закопченным потолком, центральное место занимает сводчатая печь. Пламя гудело в трубе. Весело крутились вертела. Топоры поднимались и падали на колоды для рубки мяса.

С одной стороны огромной топки среди разных закопченных котлов стояла маленькая кастрюлька, в которой уже закипала вода.

— Ваши закопченные ноздри сожрут мстительные черви! — заорал Ом, отчаянно дрыгая лапками.

Корзинка качнулась.

Чья-то волосатая рука убрала с нее траву.

— А лично твою печень склюют ястребы!

Рука опустилась ниже и убрала морковь.

— Я поражу тебя тысячей язв!

Рука схватила Великого Бога Ома.

— Людоедские грибы...

— Заткнись! — прошипел Брута, пряча черепаху под рясу.

Он скользнул к двери, незамеченный в общем кулинарном хаосе.

Один из поваров взглянул на юношу и удивленно поднял брови.

— Должен забрать ее назад. Наставник велел. — Брута вытащил из-под одеяний черепашку и весело помахал ею.

Повар было помрачнел, но потом равнодушно пожал плечами. Послушники считались низшей формой жизни, но приказы иерархии выполнялись без лишних вопросов, если, конечно, задающий вопросы не захочет сам ответить на более важные вопросы, как, например, попадешь ли ты на небеса, когда тебя заживо поджарят.

Выйдя во двор, Брута прислонился к стене и перевел дыхание.

— Чтоб твои глаза... — начала было черепашка.

— Еще одно слово, — перебил ее Брута, — и вернешься в корзинку.

Черепашка замолкла.

— У меня, наверное, и так будут неприятности, ведь я пропустил занятия по сравнительной религии, которые ведет брат Велк, — признался

Брута. — Но Великий Бог предусмотрительно сделал его близоруким, и, возможно, наставник не заметит моего отсутствия, но если он его заметит, мне придется сообщить, что я натворил, ведь лгать брату считается большим грехом, за такое прегрешение Великий Бог упечет меня в преисподнюю на миллион лет.

— Ну, в данном случае я мог бы проявить некоторое снисхождение, — успокоила черепашка. — Радуйся, срок будет уменьшен до тысячи.

— Хотя моя бабушка говорила, что я все равно отправлюсь в преисподнюю, — продолжал Брута, не обращая внимания на последнюю фразу. — Жизнь сама по себе греховна. А раз ты живешь, значит, каждый божий день ты совершаешь грех.

Он опустил глаза на черепашку.

— Вряд ли ты Великий Бог Ом, — знак священных рогов, — во всяком случае, я так думаю, потому что, если бы я попытался коснуться Великого Бога Ома, — еще одни священные рога, — у меня бы мигом отсохли руки. Да и брат Ньюрод правду говорил: Великий Бог Ом никогда не стал бы заурядной черепахой. Но в Книге пророка Сены говорится, что, когда он странствовал по пустыне, с ним беседовали духи земли и воздуха. Может, ты один из них?

Черепашка долго смотрела на него одним глазом, а потом спросила:

— Сена — это длинный такой? С густой бородой? Глазки все время рыскают?

— Что? — переспросил Брута.

— По-моему, я его помню, — кивнула черепашка. — Точно. Когда он говорил, глазки его так и бегали. А говорил он все время. С собой. Говорил и постоянно натыкался на камни.

— Он целых три месяца странствовал по диким, необжитым местам, — поделился Брута.

— Тогда это многое объясняет, — хмыкнула черепашка. — Там же жрать почти нечего. Кроме грибов.

— Или ты демон? — снова принялся размышлять Брута. — Семикнижье запрещает нам беседовать с демонами. Соппротивление демонам, как говорит пророк Фруни, делает нас сильными в вере и...

— Да загниют твои зубы раскаленными нарывами!

— Как-как?

— Я самим собой клянусь, что я Великий Бог Ом, величайший из богов!

Брута постучал черепашку по панцирю.

— Демон, дай-ка я тебе кое-что покажу.

Прислушиваясь к себе, Брута с радостью ощущал, как его вера крепнет с каждым мгновением.

Это была не самая величественная статуя Ома, зато самая близкая. И стояла она неподалеку от темниц, где содержались всякие преступники и еретики. А сделана она была из склепанных вместе железных листов.

Вокруг никого не было, лишь пара послушников вдалеке толкала наполненную чем-то тачку.

— Какой здоровенный бычара, — заметила черепашка.

— Точный образ Великого Бога Ома в одном из его мирских воплощений! — гордо заявил Брута. — И ты говоришь, что ты — это *он*?

— В последнее время я много болел, — объяснила рептилия.

Ее тощая шея вытянулась еще дальше.

— У него на спине дверь, — удивилась черепашка. — Зачем ему дверь на спине?

— Чтобы класть туда грешников, — пояснил Брута.

— А зачем еще одна на животе?

— Чтобы высыпать очищенный от скверны прах, — ответил Брута. — А дым выходит из ноздрей — чтобы безбожники видели и чтоб им неповадно было.

Черепашка, вытянув шею, осмотрела ряды зарешеченных дверей. Посмотрела на закопченные стены, перевела взгляд на пустующую сейчас канавку для дров, что была прорыта прямо под железным быком. И пришла к некоему заключению. Черепашка неверяще моргнула единственным глазом.

— Людей? — наконец выдавила она. — Вы жарите в этой штуковине *людей*?

— Так я и думал! — торжествующе воскликнул Брута. — Вот еще одно доказательство, что ты — не Великий Бог! Он бы точно знал, что людей мы здесь не сжигаем. Сжигать людей? Это же неслыханно!

— А, — сказала черепашка. — Тогда что?

— Эта статуя служит для переработки еретических отходов и прочего мусора, — растолковал Брута.

— Весьма интересное применение для статуи, — похвалила черепашка.

— Тогда как *грешники* и *преступники* проходят очищение огнем в темницах квизиции и иногда — перед Великим Храмом, — объяснил Брута. — Уж кто-кто, а Великий Бог должен это знать.

— Да знаю я, знаю, просто забыл, — попыталась вмешаться

черепашка.

— Кто-кто, а Великий Бог Ом, — священные рога, — должен знать, что он сам некогда сказал пророку Стеношпору. — Брута откашлялся и прищурился, сдвинув брови, что, по его мнению, означало глубокий умственный процесс: — «Да спалит священный огонь неверующего, причем начисто». Стих шестьдесят пятый.

— Что, именно так я и сказал?

— А в год Снисходительного Овоща епископ Крибльфор одной силой убеждения обратил в истинную веру демона, — продолжал Брута. — Тот присоединился к церкви и впоследствии даже стал поддьяконом. Так, во всяком случае, пишут в книгах.

— Я никогда не имел ничего против хорошей драки... — начала было черепашка.

— Твой лживый язык не искусит меня, рептилия, — прервал ее Брута. — Ибо силен я верой своей.

Черепашка аж запыхтела от усилий.

— Ну все, сейчас тебя поразит гром!

Над головой Бруты появилась маленькая, очень маленькая тучка, и крошечная, очень крошечная молния обожгла ему бровь.

По своей ударной силе она могла сравниться разве что с искоркой, которая иногда мелькает на кошачьей шкурке в жаркий сухой день.

— Ай!

— Теперь-то ты мне веришь? — осведомилась черепашка.

* * *

На крыше Цитадели дул легкий ветерок. Отсюда открывался чудесный вид на пустыню.

Б'ей Реж и Друна немного помолчали, переводя дыхание. А затем Б'ей Реж спросил:

— Здесь нам ничто не угрожает?

Друна посмотрел вверх. Над высушенными солнцем барханами парил орел. Интересно, насколько острый у орла слух, вдруг задумался он. Что-то у него точно острое. Слух? Способен ли парящий в полумиле над пустыней орел что-либо слышать? Ну и бес с ним, разговаривать-то он все равно не умеет, верно?

— Вряд ли, — ответил он.

— Могу ли я тебе доверять? — уточнил Б'ей Реж.

— А тебе я могу доверять?

Б'ей Реж забарабанил пальцами по парапету.

— Угу, — наконец промолвил он.

Именно в этом и крылась проблема. Проблема всех тайных обществ. Они ведь *тайные*. Сколько последователей у Движения Черепахи? Этого никто точно не знал. Как зовут стоящего рядом человека? Это знали два других члена, представивших его, но кто скрывается под их масками? Всякое знание несет в себе опасность. Квизиция медленно, но верно выдавит из тебя все, что ты знаешь. Поэтому лучше не знать ничего. Хорошо отлаженная система незнания значительно облегчает разговор внутри ячеек и делает его абсолютно невозможным за пределами тайного общества.

Перед всеми заговорщиками стоит одна основная проблема: как устроить заговор, не обмолвившись о нем ни словечком своему ближнему, он же предполагаемый доносчик, который в любой момент может указать на тебя раскаленной докрасна обвиняющей кочергой.

Мелкие капельки пота, которые, несмотря на теплый ветерок, выступили на лбу Друны, предполагали, что секретарь ломает голову именно над вышеуказанной проблемой. Впрочем, капельки пота — это еще не повод для обвинения. Ну а для Б'ей Режа оставаться в живых уже вошло в привычку.

Он нервно защелкал суставами.

— Священная война... — наконец промолвил он.

Данная формулировка была абсолютно безопасна. Предложение не содержало в себе ни единого словесного ключа, свидетельствовавшего об отношении Б'ей Режа к тому, что их ожидало. Он ведь не сказал: «Клянусь богом! Какая священная война? Этот парень просто чокнулся. Какой-то миссионер-идиот сам напросился, чтобы его убили, еще кто-то там насочинял гору чуши касательно формы нашего мира — а мы начинаем войну?» В случае давления, под пытками, он всегда сможет заявить, что имел в виду примерно следующее: «Наконец-то! Ни в коем случае нельзя упустить возможность погибнуть славной смертью во имя Ома, единственного истинного Бога, который Насмерть Затопчет Безбожников Железными Копытами!» Хотя какая разница, что скажет на допросе какой-то генерал-иам; обвинение, предъявленное святой квизицией, весомее всех прочих доказательств — но по крайней мере один или два инквизитора могут засомневаться в собственной неоспоримой правоте.

— Вообще-то, за последнее столетие церковь стала куда менее воинственной, — ответил Друна, глядя на пустыню. — Больше внимания

уделялось мирским проблемам империи.

Утверждение. Ни единственной щели, в которую можно было бы вставить расщепитель костей.

— Был Священный Поход против Крестьянитов, — сухо заметил Б'ей Реж. — А также Покорение Мельхиоритов. Затем состоялось Устранение лжепророка Зеба. И Наказание Пеплелиан, и была наложена Епитимья на...

— Но все это не более чем политика, — прервал его Друна.

— Гм-м. Да, пожалуй, ты прав.

— Хотя, конечно, никто не усомнится в мудрости войны во имя Великого Бога и с целью распространения веры в Него.

— Что ты, никто не усомнится, — подтвердил Б'ей Реж, которому частенько доводилось бродить по полю брани на следующий день после очередной битвы и который не понаслышке знал, как выглядит воистину славная победа.

Омниане строго-настрога запрещают употребление любых стимулирующих средств. И этот запрет кажется особенно строгим, когда ты отчаянно стараешься не заснуть, чтобы не видеть снов, которые обычно следуют за такими прогулками.

— Разве Великий Бог не заявил через пророка Бездона, что не существует более великой и почетной жертвы, нежели отдать жизнь во имя Господа?

— Именно так он и заявил, — согласился Б'ей Реж.

Тут генерал-иам не мог не припомнить, что все пятьдесят лет своего служения Господу, перед тем как тот Избрал его, Бездон безвылазно просидел в Цитадели. На него не нападали, размахивая мечами, визжащие враги. И он никогда не смотрел в глаза человеку, который желал бы ему смерти... впрочем, нет, церковь же встречается со своими прихожанами, вот только сделать эти простолюдины ничего не могут — в отличие от воинов-варваров.

— Умереть смертью храбрых во имя своей веры — это самая благородная смерть, которую только можно себе представить, — нараспев произнес Друна, словно читал слова по некой развернутой внутри головы бумажке.

— Так утверждают пророки, — тихо подтвердил Б'ей Реж.

Б'ей Реж знал, что пути Великого Бога неисповедимы. Разумеется, Он сам избирает Своих пророков, хотя иногда создавалось впечатление, что помощь Господу не помешала бы. Или Он слишком занят, чтобы заниматься какой-то там отбраковкой, и служители церкви уже ему помогают? Во всяком случае, во время служб, проводимых в Великом

Храме, все священнослужители постоянно о чем-то перешептывались, кидали друг на друга многозначительные взгляды и утвердительно кивали друг другу.

Определенно, вокруг молодого Ворбиса присутствует некое божественное свечение — как легко перейти с одной мысли на другую... Этот человек явно отмечен судьбой. «Или еще чем-то», — добавила крошечная часть Б'ей Режа, которая провела свою жизнь в палатках, в которую часто стреляли и которая участвовала в кровопролитных схватках, где могла быть убита как врагом, так и союзником. Этой части генерала-иама была уготовлена участь бесконечные вечности жариться в самых глубоких преисподних, но определенная практика выживания у нее уже была.

— Тебе известно, что я много путешествовал? Когда был моложе? — спросил он.

— Я частенько слышал твои крайне занимательные истории о путешествиях в варварские земли, — вежливо ответил Друна. — Особенно ты любишь рассказывать о колокольчиках.

— А я когда-нибудь рассказывал тебе о Коричневых островах?

— Это о тех, которые находятся за краем всего? — уточнил Друна. — Вроде что-то было. Хлеб там растет на деревьях, а девушки занимаются тем, что ищут в ракушках маленькие белые шарики. По твоим словам, они ныряют за этими своими ракушками без единой нитки...

— Не это главное. Я припомнил еще кое-что, — прервал его на самом интересном месте Б'ей Реж. Вспоминать было тоскливо, особенно здесь, в пустыне, под лиловым небом. — Там на море очень сильное волнение. Волны гораздо выше, чем на Круглом море, и люди выгребают ловить рыбу за прибой на странных деревянных досках. А когда им надо вернуться на берег, они поджидают волну, встают на нее, и она несет их прямо на берег.

— Честно говоря, мне больше понравился рассказ о молодых ныряльщицах, — признался Друна.

— Но иногда приходят очень большие волны, — Б'ей Реж словно не слышал его. — И все живое отступает перед ними. Единственный способ выжить, когда на тебя идет такая волна, — это оседлать ее. И я научился этому.

Друна заметил блеск в его глазах.

— Ах! — воскликнул он, согласно кивая. — Как мудро со стороны Великого Бога разместить на нашем пути столь поучительные примеры!

— Главное — правильно определить силу волны, — продолжал Б'ей Реж. — Потом ты вскакиваешь на доску и едешь.

— А что случается с теми, кто не смог вскочить на доску?

— Они тонут. Часто. Некоторые волны очень большие.

— Абсолютно естественное состояние волн, насколько мне известно.

Орел по-прежнему парил над холмами. Если он и понимал что-нибудь из разговора, то умело скрывал это.

— В языческих землях поджидает нас много опасностей. Кто знает, что спасет тебе жизнь?! — неожиданно бодро воскликнул Друна.

— Разумеется.

С башен, расставленных по всему периметру Цитадели, дьяконы монотонно доносили молитвы.

Брута должен был сидеть на занятиях. Впрочем, наставники иногда делали ему поблажки. В конце концов, он знал наизусть все до единой Книги Семикнижья, а также все гимны и молитвы — и все это благодаря своей бабушке. Вот и сегодня, возможно, наставники сочли, что он занимается общественно полезным трудом. Делает то, что другие делать не хотят.

Брута обработал мотыгой грядку бобов — просто так, для красоты. Тем временем Великий Бог Ом, временно утративший свое величие, закусил листиком салата.

«Всю жизнь, — думал Брута, вяло нарисовав знак священных рогов, — я считал, что Великий Бог Ом — это... огромная борода в небе, а если Он спускается на землю, то становится гигантским быком или львом... ну, или чем-то крупным. Чем-то, на что обычно смотришь снизу вверх».

Почему-то он не воспринимал черепашку. «Я так стараюсь... но ничего не получается. А когда эта рептилия говорит о семиархах как о лишившихся ума стариках, это похоже на сон...»

В субтропических лесах подсознания Бруты вылупилась и для пробы взмахнула крылышком бабочка сомнения, совершенно не сведущая, что гласит о такой ситуации теория хаоса...

— Я чувствую себя значительно лучше, — заявила черепашка. — Лучше, чем за последние несколько месяцев.

— Месяцев? — переспросил Брута. — И долго ты... того... болел?

Черепашка наступила на лист.

— А какой сегодня день? — спросила она.

— Десятое грюня, — ответил Брута.

— Да? А какого года?

— Э... Умозрительной Змеи. Что ты имеешь в виду?

— Стало быть, три года, — подсчитала черепашка. — Хороший салат. Это говорю тебе я. В горах нет салата. Иногда бананы, но в основном — колючки. Пожалуй, от еще одного листочка я не откажусь.

Брута общипал ближайшее растение. «Так рек Он, — подумал он, — и явился еще один лист».

— А почему ты не принял образ, скажем, быка? — уточнил он.

— Понимаешь, я открыл глаза... вернее глаз... и увидел себя черепахой.

— Как такое могло случиться?

— Откуда мне знать? Понятия не имею, — соврала черепашка.

— Но ты ведь... всеведущ, — удивился Брута.

— Это еще не значит, что я знаю все-превсе.

Брута, задумавшись, прикусил губу.

— Гм. А по-моему, именно это и значит.

— Ты не путаешь?

— Нет.

— Никак не могу запомнить, чем «всемогущий» отличается от «всеведущего».

— «Всемогущий» — это когда ты все-все можешь. Но ты и всемогущ тоже. Так говорится в Книге Урна. Он был одним из Великих Пророков. Надеюсь, тебе об этом известно, — добавил Брута.

— А кто сказал ему, что я всемогущ?

— Ты сам и сказал.

— Я не говорил.

— Ну, во всяком случае, он утверждал, что это был ты.

— Урн? Что-то не припомню никого с таким имечком, — пробормотала черепашка.

— Ты разговаривал с ним в пустыне, — начал объяснять Брута. — Должен помнить. Он был восьми футов ростом. С очень длинной бородой. С огромным посохом. И со сверкающими на голове священными рогами...

Брута вдруг замолчал. Да нет, все верно, рога точно были, он же видел статуи и священные иконы. Они не могут врать.

— Никогда не встречал подобного уroda, — ответил мелкий бог Ом.

— Ну, может, он был чуть меньше ростом, — уступил Брута.

— Урн, Урн... — задумчиво повторила черепашка. — Нет... Нет... Не могу сказать, что...

— Он утверждает, что ты говорил с ним из огненного столба, — добавил Брута.

— Ах этот Урн... — облегченно произнесла черепашка. — Из

огненного столба. Ну да.

— И ты продиктовал ему Книгу Урна, — продолжал Брута, — которая содержит Указания, Введения, Отречения, и Наставления. Всего сто девяносто три главы.

— А вот этого я не припомню, — с сомнением откликнулась черепашка. — Если б я кому-то надиктовал сто девяносто три главы, то, думаю, всяк запомнил бы такое...

— Что же ты тогда *сказал* ему?

— Ну, просто крикнул: «Эй, смотри, как я умею!»

Брута не сводил глаз со смущенной, если такое вообще возможно, черепашки.

— Что пялишься? Богам тоже нужно время от времени расслабляться, — огрызнулась она.

— Сотни тысяч людей проживают свои жизни согласно Отречениям и Наставлениям! — прорычал Брута.

— Я же им этого не запрещаю, — парировал Ом.

— Если ты ему ничего не диктовал, то кто тогда это был?

— Мне-то откуда знать? Повторяю, я — *не* всеведущ!

Брута дрожал от ярости.

— А пророк Бездон? Он что, тоже получил свои Кодициллы от случайного прохожего?

— Ну, во всяком случае не от меня...

— Они были написаны на свинцовых плитах высотой десять футов!

— И это, по-твоему, означает, что такое мог сотворить только я?! Ну да, у меня всегда под рукой тонна-другая свинцовых плит на тот случай, если встречу кого в пустыне.

— Что? Если их ему дал не ты, то кто же?

— Понятия не имею. И почему я должен это знать? Я не могу быть везде одновременно!

— Но ты же вездесущ.

— Кто сказал?

— Пророк Хашими!

— Никогда не встречал такого!

— Да? Что? То есть это не ты дал ему Книгу Сотворения?

— Какую-такую Книгу Сотворения?

— Ты что, не знаешь?

— Нет.

— Тогда кто дал ее ему?

— Не знаю! Может, он сам ее написал!

Брута в ужасе закрыл рот ладонью.

— Это ве бохофульфо.

— Что?

— Я сказал, что это же богохульство!

— Богохульство? Как я могу богохульствовать, если я сам бог?

— Я тебе не верю.

— Ха! Хочешь схлопотать еще одну молнию?

— И ты называешь это молнией?

Брута весь покраснел, его била дрожь. Черепашка печально повесила голову.

— Хорошо, согласен. Признаю, молния получилась не слишком убедительной, — сказала она. — Но если бы я чувствовал себя лучше, от тебя осталась бы лишь пара дымящихся сандалий. — Черепашка выглядела совсем жалкой. — Не понимаю... Ничего подобного никогда со мной не происходило. Я намеревался стать на недельку-другую гигантским белым быком, а в результате на целых три года застрял в облике черепахи. Почему? Я не знаю, а предполагается, что я знаю все. По крайней мере, если верить твоим пророкам, с которыми я якобы встречался. Да со мной вообще отказывались говорить! Я пытался обращаться к козопасам, еще к кому-то, но меня просто не замечали! Я даже начал подумывать, что я — черепаха, которой пригрезилось, будто она — бог. Настолько плохо мне было.

— Возможно, все так и есть, — сказал Брута.

— Твои ноги распухнут и уподобятся стволам деревьев! — рявкнула черепашка.

— То есть... то есть, — перебил Брута, — ты утверждаешь, что пророки... это обычные люди, которые что-то там написали?!

— Ну да!

— И ты им ничего не говорил?

— Говорил, наверно, — откликнулась черепашка. — За последние несколько лет я столько всего забыл...

— Но если ты ползал в виде черепахи, кто ж тогда слушал обращенные к тебе молитвы? Кто принимал жертвоприношения? Кто судил мертвых?

— Не знаю, — ответила черепашка. — А раньше кто всем этим занимался?

— Ты!

— Да?

Брута заткнул уши пальцами и открыл их только на третьем стихе

«Безбожники, Убойтесь Гнева Омьего».

Через пару минут черепашка высунула голову из панциря.

— Послушай, — сказала она, — а сжигая безбожников... вы им тоже что-то поете?

— Нет!

— Слава мне. Они умирают без мучений. Можно я кое-что скажу?

— Если ты еще хоть раз поставишь под сомнение мою веру...

Черепашка замолчала. Ом покопался в своей увядающей памяти. Потом провел по земле лапкой.

— Я помню день... Солнечный летний день... Тебе было... тринадцать...

Бесстрастный тоненький голос говорил монотонно. От удивления рот Бруты открывался все шире и шире.

— Откуда тебе это известно? — наконец спросил он.

— Ты ведь веришь в то, что Великий Бог Ом следит за всеми твоими поступками?

— Ты — черепаха, ты не мог...

— Незадолго до того, как тебе исполнилось четырнадцать, твоя бабушка выпорола тебя за то, что ты украл сливки из кладовой, хотя ты этого не делал. Она заперла тебя в твоей комнате, а ты пробормотал ей вслед: «Чтоб ты...»

«Должно явиться знамение, — думал Ворбис. — Знамение всегда является, главное — знать, куда смотреть. Пути Господа неисповедимы, но мудрец умеет сделать так, чтобы Бог повстречал его на Своем пути».

Он шел по Цитадели. Ворбис каждый день обходил нижние уровни, но, разумеется, всегда в разное время, и всякий раз он следовал другим маршрутом. Одним из удовольствий в жизни — по крайней мере, из более или менее понятных нормальным людям — Ворбис находил рассматривание лиц скромных членов духовенства, когда священнослужители, ничего не подозревая, выныривали из-за угла и сталкивались лицом к подбородку с дьяконом святой квизиции Ворбисом. За этим всегда следовал судорожный вдох, свидетельствующий о нечистой совести. Ворбис любил выявлять и искоренять всякую нечистую совесть. Впрочем, какая совесть никогда не страдала виной? А вина — это смазка, при помощи которой вращаются колеса власти.

Он вышел из-за угла и увидел на противоположной стене грубое изображение овала с грубыми лапками и еще более грубыми головой и хвостом.

Ворбис улыбнулся. В последнее время таких изображений становилось все больше. Пусть ересь нагноится, пусть выйдет на поверхность, как нарыв. Ворбис умел управляться с ланцетом.

За этими раздумьями он прошел нужный поворот и вдруг очутился на солнце.

На мгновение ему показалось, будто он заблудился, несмотря на доскональное знание всех темных закоулков Цитадели. Он стоял посреди одного из обнесенных стеной огородов. Окружая со всех сторон ухоженный лоскут высокой декоративной клатчской пшеницы, тянулись ввысь красно-белые цветы бобов, а между бобовыми грядками на пыльной почве жарились на солнечном свете нежные дыни. В обычных обстоятельствах Ворбис не преминул бы отметить и одобрить столь эффективное использование земли, но в обычных обстоятельствах он не увидел бы пухлого молодого послушника, катающегося в пыли с заткнутыми пальцами ушами.

Некоторое время Ворбис смотрел на паренька, а потом тронул его носком сандалии.

— Что мучает тебя, сын мой?

Брута открыл глаза.

Из всех высших церковных чинов в лицо он знал лишь пару человек. Даже сенобиарх был для него далеким мутным пятном в толпе. Но эксквизитора Ворбиса знали все без исключения. Что-то в его облике внедрялось в ваше подсознание в первые же дни после прихода в Цитадель. Бога по привычке лишь боялись, в то время как Ворбис внушал людям сущий ужас.

Брута потерял сознание.

— Как все странно... — задумчиво промолвил Ворбис.

Его заставило оглянуться какое-то необычное шипение.

Рядом со своей ногой он увидел маленькую черепаху. Задрвав свою головку, она старалась отползти назад и шипела, будто чайник.

Ворбис поднял рептилию и внимательно осмотрел со всех сторон, а потом выбрал участок огорода на самом солнцепеке и положил черепашку на спину. Подумав еще немного, он взял с цветочной клумбы пару камушков и подложил их под панцирь так, чтобы рептилия не смогла перевернуться.

Ворбис считал, что нельзя упускать ни малейшей возможности пополнить свои эзотерические знания, а потому решил про себя обязательно заглянуть сюда несколькими часами позже и посмотреть, как движется процесс, — если, конечно, работа позволит.

Затем Ворбис вновь обратил свое внимание на Бруту.

Есть своя преисподняя для богохульников. Своя — для людей, оспаривающих законную власть. Несколько разных преисподних для врунов. Возможно даже, существует своя преисподняя для маленьких мальчиков, которые некогда желали своей бабушке смерти. В общем, всяких преисподних хватает — самых разнообразных, на любой вкус.

А еще существует следующее определение вечности: это промежуток времени, определенный Великом Богом Омом для того, чтобы каждый успел получить заслуженное наказание.

Чего-чего, а преисподних у омниан хватало.

В данный момент Брута проходил через все из них по очереди.

Брат Ньюрод и брат Ворбис внимательно наблюдали, как он мечется по кровати, словно выброшенный на берег кит.

— Это все солнце, — сказал Ньюрод. Он почти отошел от первоначального шока, который испытал, подняв глаза и увидев перед собой эксквизитора. — Бедный парнишка целый день работал на огороде. Это должно было случиться.

— А наказывать ты его пробовал? — поинтересовался брат Ворбис.

— Должен признаться, пороть молодого Бруту все равно что стегать матрас, — ответил Ньюрод. — Он, конечно, дерет глотку, кричит что-то, но, как мне кажется, только для того, чтобы продемонстрировать усердие. Очень усердный и прилежный паренек. Это о нем я как-то упоминал.

— Выглядит не слишком сообразительным.

— Так оно и есть, — признал Ньюрод.

Ворбис одобрительно кивнул. Чрезмерную сообразительность послушника вряд ли стоит считать счастливым даром. Иногда ее можно направить во славу Ома, но зачастую она становится причиной... нет, не неприятностей, потому что Ворбис точно знал, как следует поступать с излишней сообразительностью, просто не любил выполнять дополнительную ненужную работу.

— Тем не менее ты утверждал, что наставники о нем весьма высокого мнения, — продолжил он.

Ньюрод пожал плечами.

— Очень послушный паренек, — пояснил он. — Кроме того, у него такая память...

— Какая память?

— Слишком хорошая, — сказал Ньюрод.

— У него хорошая память?

— Хорошая не то слово — великолепная. Он знает наизусть все Семи...

— Гм-м? — спросил Ворбис.

Нюмрод почувствовал на себе взгляд дьякона.

— Идеальная, если хоть что-то может быть идеальным в этом самом неидеальном из миров, — пробормотал он.

— Значит, начитанный юноша... — подытожил Ворбис.

— Э... Не совсем так, — поправил его Нюмрод. — Он не умеет читать. Ни читать, ни писать.

— А, *ленивый* юноша...

Дьякон был не из тех людей, которые любят изъясняться двусмысленностями. Нюмрод несколько раз открыл и закрыл рот, подбирая правильные слова.

— Нет, — выдавил он наконец. — Паренек старается. В этом мы абсолютно уверены. Просто, как нам кажется, он не способен... не может понять связь между звуками и буквами.

— Ну хоть за это вы его наказывали?

— Наказание никаких плодов не принесло.

— Как же тогда он выбился в способные ученики?

— Он слушает, — ответил Нюмрод.

Никто не умел слушать так, как Брута. Вот почему учить его было трудно. Словно... словно ты оказывался в огромной пещере и все произносимые тобой слова бесследно исчезали в безбрежных глубинах головы Бруты. Незнакомые с Брутой наставники могли начать заикаться или даже замолкали перед лицом столь полного, концентрированного впитывания каждого звука, срывающегося с их губ.

— Он все слушает, — продолжал Нюмрод. — Все видит. И все впитывает.

Ворбис перевел взгляд на Бруту.

— Кроме того, я ни разу не слышал, чтобы он произнес хоть одно недоброе слово, — добавил Нюмрод. — Другие послушники иногда насмеются над ним. Называют Тупым Быком или вроде того.

Ворбис внимательно осмотрел похожие на окорока руки Бруты, его толстые, как стволы деревьев, ноги.

Казалось, он глубоко задумался.

— То есть ты утверждаешь, что он не может читать и писать, зато отличается крайней преданностью?

— Преданностью и верностью.

— И хорошей памятью... — пробормотал Ворбис.

— Более чем, — подтвердил Ньюрод. — Это даже нельзя назвать памятью.

Судя по всему, Ворбис пришел к некоему решению.

— Как очнется, пришлешь его ко мне, — велел он.

Ньюрод смертельно побледнел.

— Я с ним только поговорю, — успокоил его Ворбис. — Возможно, паренек мне пригодится.

— Слушаюсь.

— Ведь пути Великого Бога Ома столь таинственны, столь неисповедимы...

Высоко в небе. Только свист ветра в перьях.

Орел парил на ветру и смотрел вниз на игрушечные здания Цитадели.

Он где-то ее выронил и теперь никак не мог отыскать. Она где-то там, внизу, на этом крошечном зеленом пятнышке.

Пчелы весело жужжали в бобовых цветах. Солнце немилосердно жгло панцирь Ома.

И для черепах тоже имеется своя преисподняя.

Он слишком устал, чтобы шевелить лапками. Но другого способа не было. Или высунуть голову как можно дальше и мотать ей в надежде перевернуться.

Если не остается верующих в тебя, ты умираешь. Основную проблему мелких богов всегда составляли верующие. Но ты так же умираешь, когда умираешь.

Частью мозга, не занятой мыслями о нестерпимой жаре, он воспринимал ужас и замешательство Бруты. Не следовало так поступать с пареньком... Он и не думал следить за ним. Да и какой бог станет заниматься подобной ерундой? Кого волнует, чем там заняты люди? Вера — вот что главное. Он просто заглянул пареньку в голову и извлек оттуда воспоминания, как фокусник извлекает из своего уха яйцо. Просто фокус, просто хотел произвести впечатление.

«Я лежу на спине, становится все жарче, и скоро я умру...

И тем не менее... и тем не менее этот поганый орел выпустил меня прямо над компостной кучей. Клоун какой-то, а не орел. Все вокруг построено из камня, на камне и в каменистой местности, а он умудрился отпустить меня над тем единственным местом, которое прекратило мой полет, но не мою жизнь. Мало того, я тут же умудрился наткнуться на самого настоящего верующего.

Очень странно. Можно было бы принять за промысел божий, если б я сам не был богом... пусть лежащим на спине, страдающим от жары и готовящимся к смерти...»

А этот человек, который его перевернул. Выражение его мягкого лица. Ом хорошо его запомнил. Выражение не жестокости, нет, но какого-то другого уровня существования. Выражение абсолютного, ужасного умиротворения...

Солнце закрыл чей-то силуэт. Ом прищурился на Лю-Цзе, а тот в свою очередь взирал на рептилию с добрым, хоть и перевернутым сочувствием. А потом он взял и поставил черепашку на лапки. После чего поднял метлу и ушел, даже не оглянувшись.

Ом, с трудом переводя дыхание, припал к земле, но затем, отдышавшись, немного повеселел.

«И все-таки кто-то там, наверху, любит меня, — подумал он. — И этот „кто-то“ — Я».

Сержант Симони наконец вернулся к себе домой и только там развернул свой клочок бумаги.

И нисколько не удивился, увидев маленькое изображение черепахи. Ему повезло.

Этого момента он ждал всю жизнь. Кто-то должен привести в Омнию носителя Истины, дабы он стал символом движения. И это сделает он, сержант Симони. Жаль только, Ворбиса нельзя убить.

Нет, это должно произойти на глазах у всех.

Перед Великим Храмом. Иначе никто *не поверит*.

Ом ковылял по занесенному песком коридору.

После исчезновения Бруты он немножко побездельничал. Бездельничество — это еще одно умение, которым в совершенстве владеют черепахи. Возможно даже, они мировые чемпионы в этом виде спорта.

«От паренька никакого проку... — думал Ом. — И чего я завел разговор с каким-то несмышленным послушником?»

Но этот тощий старик его не слышал. Как и шеф-повар. Со стариком все понятно, совсем оглох. А вот что касается повара... Ом пометил для себя: после возвращения божественной силы придумать для поваров что-нибудь этакое, особое. Он еще не знал, что в точности, но не последнюю роль в судьбе всех поваров должен был сыграть кипяток, а может, и морковке место найдется.

Некоторое время он тешил себя мечтами о жуткой участи, ожидающей

злодея-повара, но потом вдруг опомнился. Все это несбыточные мечтания. Он по-прежнему находится посреди огорода в облике черепахи. Он прекрасно помнил, как попал сюда, и даже с ужасом взглянул на темную точку в небе, которая, как подсказывала ему память, была орлом. Следует найти более приземленный способ убраться отсюда, если, конечно, он не собирается провести следующий месяц жизни, прячась под дынным листом.

И тут его поразила еще одна мысль. Еда! Вкусная еда!

Вернув былое могущество, некоторое время он посвятит конструированию новых преисподних. А также выдаст на-гора парочку свежих Заповедей. Не Возжелай Мяса Черепахового. Неплохо, очень неплохо. И как это не пришло ему в голову раньше? С чувством перспективы у него всегда были проблемы.

Если бы всего несколько лет назад он придумал заповедь вроде: «Да Отнеси Ты, Придурок, Любую Бедствующую Черепаху Туда, Куда Она Захочет, Если Ты, а Это Особо Важно, Не Орел» — вот если бы он тогда позаботился придумать что-нибудь похожее, то не находился бы сейчас в столь нелепом положении.

Однако выхода нет... Придется искать сенобиарха самому. Верховный жрец непременно его услышит.

Он должен быть где-то здесь. Верховные жрецы не уходят далеко от насиженных мест. И найти сенобиарха будет достаточно несложно. Он все-таки еще бог, пусть и в облике черепахи. Неужели он не справится с такой простой задачей?

Нужно лишь ползти вверх. Суть иерархии именно в этом и состоит. Самый главный всегда на самом верху.

Слегка покачивая панцирем, бывший Великий Бог Ом отправился исследовать возведенную в его честь Цитадель.

Он не мог не заметить, что за последние три тысячи лет здесь произошли серьезные перемены.

— Со мной? — удивленно воскликнул Брута. — Но, но...

— Мне кажется, он не собирается тебя наказывать, — подбодрил его Ньюрод. — Хотя наказания ты как раз заслуживаешь. Мы все заслуживаем, — добавил он с чувством.

— Но зачем он хочет со мной встретиться?

— ...Встретиться? Он упомянул, что хочет просто поговорить.

— Но я не могу сказать ничего такого, что могло бы заинтересовать квизитора! — завопил Брута.

— ...Квизитора. Ему лучше знать. Ты же не собираешься противиться желаниям дьякона.

— Нет, нет. Конечно нет, — торопливо произнес Брута и повесил голову.

— Молодец. — Ньюрод похлопал Бруту по спине, вернее, по той части, до которой смог дотянуться. — Давай, беги, — велел он. — Уверен, все будет в порядке.

— Скорее всего в порядке, — чуть погодя добавил он, потому что привычку к честности привили ему с детства.

Лестниц в Цитадели было немного. Для процессий, являвшихся неотъемлемой частью сложных ритуалов в честь Великого Бога Ома, требовались длинные пологие склоны. Если ступени и были, то настолько низкие, что их с легкостью мог одолеть даже немощный старик, каковых в Цитадели было немало.

Из пустыни постоянно приносило песок. На ступеньках и во дворах, несмотря на усилия целой армии вооруженных метлами послушников, постоянно громоздились песчаные наносы.

Черепашьи лапки славятся своей низкой эффективностью.

— И Строй Ступени Пониже, — прошипел бог, с трудом взбираясь на очередную ступеньку.

Всего в нескольких дюймах от него куда-то спешили ноги. Это была одна из самых оживленных улиц Цитадели, она вела к Месту Сетований, и по ней каждый день проходили тысячи паломников.

Несколько раз черепаший панцирь задевала чья-нибудь сандалия, после чего бог Ом некоторое время крутился на месте.

— Чтоб твои ноги оторвались от тела и приземлились прямо в муравейник! — гневно орал он вслед.

Выразив таким образом свой протест, он чувствовал себя несколько лучше.

Чья-то нога поддела его, и бог быстро заскользил по камням, пока со звоном не ударился об изогнутую металлическую решетку, вмонтированную в стену. Только молниеносное движение челюстей спасло его от падения. Покачиваясь, бог завис над подвалом.

У черепах небывало сильные челюсти. Бог немного покачался, помахал лапками. Все нормально. Годы, проведенные в испещренной трещинами гористой местности, подготовили его к подобным ситуациям. Главное — зацепиться хоть лапкой...

Его внимание привлекли какие-то неясные звуки. Звон металла, потом

раздался сдавленный крик.

Ом вывернул свой единственный глаз.

Окошко, забранное решеткой, располагалось под самым потолком очень длинной комнаты, которую заливал яркий свет, просачивающийся сюда через световые колодцы, каковые пронизывали всю Цитадель.

Сюда же свет провели специально. Ворбис настоял на этом. Инквизиторы, как говорил он, должны работать не в тени, а на свету.

Они должны отчетливо видеть то, чем занимаются.

Вот как Ом сейчас.

Некоторое время повисший на решетке бог никак не мог оторвать взгляд от ряда скамеек-верстаков.

В целом Ворбис не поощрял использование раскаленного железа, цепей с шипами и всяких штукотин с отверстиями и большими винтами, если, конечно, пытка не производилась публично, скажем во время Поста. Он всегда говорил, что самым обычным ножом можно добиться поистине удивительных результатов...

Но многим инквизиторам больше нравились старые, проверенные способы.

Скоро Ому наконец удалось чуточку подтянуться — ценой жуткой судороги, которая немедля свела шейные мышцы. Однако он этого даже не заметил: его мысли были заняты совсем другим. Ом попробовал зацепиться за прут сначала одной передней лапкой, потом другой. Его задние лапки занесло, однако ему удалось вонзить коготь в крошащийся камень.

Последнее усилие — и он снова выбрался на солнечный свет.

Бог шел медленно, стараясь прижиматься к стене, чтобы его не затоптали. Впрочем, он бы и так шел медленно, особого выбора у черепахи нет, но сейчас он никуда не спешил, потому что напряженно думал. Немногие боги умеют думать и идти одновременно.

Любой человек может направиться к Месту Сетований. Это одна из великих свобод, даруемых омнианством.

Также существует много способов подать петицию Великому Богу, и зависят они в основном от того, какие траты вы можете себе позволить — что, в принципе, весьма и весьма разумно. В конце концов, люди, достигшие в своей жизни успеха, сделали это с одобрения Великого Бога, ведь вряд ли такое может быть, что они добились успеха с Его *неодобрения*. Аналогично работа квизиции лишена даже малейшей возможности ошибки. Подозрение — уже доказательство. А как иначе? Великий Бог не заронил бы семена подозрения в умы Своих эксквизиторов, если б оно не

было оправданно. Для человека, верящего в Великого Бога Ома, жизнь могла быть очень простой. И нередко — весьма краткой.

Впрочем, всегда есть жадные или глупые люди, а также те, кто в связи с некими оплошностями, допущенными в этой или прошлой жизни, не могут позволить себе купить даже щепотку ладана. И таковым людям Бог Ом, Великий в Своей мудрости и милосердии, даровал последнюю возможность исправиться.

На Месте Сетований принимались всевозможные просьбы и мольбы. Гарантировалось, что все просьбы будут услышаны. Может быть, на них даже обратят внимание.

За Местом Сетований, представлявшим собой квадрат со стороной в двести метров, возвышался сам Великий Храм.

Там-то и пребывал Великий Бог.

Ну, или где-то рядом...

Ежедневно Место Сетований посещали тысячи паломников.

Каблук ударил Ома по панцирю и отбросил черепашку к стене. При отскоке бог угодил краем щитка в костыль и завертелся среди людских ног, словно монета. Остановился он, только когда врезался в скатанный матрас какой-то старухи, которая, подобно многим другим верующим, полагала, что действенность ее молитвы напрямую зависит от времени, проведенного на площади.

Бог одурело заморгал. Он ощущал себя так, словно вновь оказался в когтях у орла — или повис на решетке над подвалом квизиции... Впрочем, нет, ничего худшего, чем увиденное в подвале, просто быть не могло...

Он успел уловить несколько слов, прежде чем чья-то нога отбросила его в сторону.

— Уже три года засуха свирепствует в нашей деревне... Пошли хоть маленький дождичек, а, Господи?

Вращаясь на верхушке панциря и смутно пытаясь сообразить, прекратят ли люди пинать его, если он им таки ответит, Великий Бог пробормотал:

— Нет проблем.

И тут же, заработав очередной пинок, завертелся, невидимый для верующих, среди леса ног. Мир вокруг помутнел.

До него донесся старческий, полный безнадежности голос:

— Бог, а Бог, почему моего сына забрали в твой Божественный Легион? Кто теперь будет работать на поле? Разве ты не мог призвать другого мальчика?

— Э-э, я постараюсь все уладить... — пропищал Ом.

Сандалия ударила его под хвост, и бог отправился в краткий полет над площадью. Под ноги никто из молящихся не смотрел. Все свято верили в то, что, если, бормоча молитву, уставиться на золотые рога на крыше храма, это придаст словам действенности. На удар черепахой по лодыжке люди автоматически отвечали пинком.

— ...Моя жена, страдающая...

— И поделом ей!

Бум...

— ...Очисти колодец в нашей деревне, который полон...

— Так вам и надо!

Бум...

— ...Каждый год налетает саранча, и...

— Обещаю, если только...

Бум...

— ...Пропал в море пять месяцев назад...

— ...*Хватит меня пинать!*

Черепашка приземлилась на левый бок посреди свободного залитого солнцем пятачка.

Сразу попав в поле зрения...

Большую часть жизни животного занимает распознавание образов — форм охотника и добычи. Лес, на взгляд существа случайного, остается обычным лесом, но для голубки этот лес — ничего не значащий расплывчатый зеленый фон, а вот на переднем плане у нее — сидящий на ветке дерева сокол, которого *вы* совершенно не заметили. Для крохотной точки парящего в высоте канюка вся панорама мира — серый туман, значение имеет лишь добыча, которая пытается укрыться в траве.

Сидевший на священных Рогах орел взлетел в небо.

К счастью, благодаря той же самой связи, которая возникает между охотником и жертвой, черепашка в ужасном предчувствии вовремя подняла свой единственный глаз.

Орлы — существа достаточно целеустремленные. Если им в голову втемяшилась мысль об обеде, она останется там, пока не будет удовлетворена.

Двое божественных легионеров охраняли покои Ворбиса. На Бруту они посмотрели косо, словно в поисках предлога наброситься на потенциального мятежника.

Тщедушный седой монах отворил дверь, провел Бруту в маленькую, бедно обставленную комнатку и многозначительно указал на табурет.

Брута послушно сел. Монах исчез за шторой. Брута обвел взглядом комнату, и...

Тьма поглотила его. Однако, едва он успел пошевелиться, — рефлексы Бруты оставляли желать лучшего даже в обычных обстоятельствах, — чей-то голос у самого его уха тихо произнес:

— Не паникуй, брат. Я приказываю тебе не паниковать.

Лицо Бруты закрывала плотная ткань.

— Просто кивни, мальчик.

Брута кивнул. Ему надели на голову мешок. Каждый послушник знал об этой традиции. О ней рассказывали в опочивальнях, перед тем как заснуть. Мешок на голове нужен затем, чтобы инквизиторы не знали, кого пытаются...

— Молодец. А сейчас мы перейдем в другую комнату. Ступай осторожно.

Чьи-то руки подняли его с табурета и куда-то повели. Сквозь туман непонимания он почувствовал мягкое прикосновение шторы, затем ощутил под ногами ступени, по которым спустился в помещение с засыпанным песком полом. Руки крутанули его несколько раз, твердо, но беззлобно, а затем потащили по коридору. Прошуршала еще одна штора, после чего его охватило необъяснимое ощущение, что он оказался в какой-то просторной зале.

Только потом, много позже, Брута осознал: страха не было. Мешок надели ему на голову в покоях главы квизиции, а он даже не подумал испугаться. Потому что у него была вера.

— За твоей спиной стоит стул. Садись.

Брута сел.

— Можешь снять мешок.

Брута повиновался.

И прищурился от яркого света.

В дальнем конце комнаты на табуретах, каждый из которых охранялся двумя божественными легионерами, сидели три фигуры. Брута сразу же узнал орлиное лицо дьякона Ворбиса, по одну сторону от него сидел коренастый мужчина, по другую — какой-то толстяк, но не крепкого телосложения, как сам Брута, а настоящая бочка с салом. Все трое были облачены в простые серые рясы.

Раскаленных щипцов нигде поблизости видно не было. Как и острых ланцетов.

Все пристально смотрели на него.

— Послушник Брута? — уточнил Ворбис.

Брута кивнул.

Ворбис усмехнулся — так усмеваются очень умные люди, подумав о чем-то не слишком смешном.

— Еще настанет тот день, когда мы будем называть тебя братом Брутой... — сказал он. — Или даже отцом Брутой? Впрочем, как мне кажется, это чересчур. Лучше этого избежать. Думаю, нам следует сделать все возможное, чтобы ты как можно скорее стал поддьяконом Брутой. Твое мнение?

У Бруты не было никакого мнения. Он лишь смутно понимал, что сейчас обсуждается его продвижение по службе, но разум словно отключился.

— Впрочем, достаточно об этом, — промолвил Ворбис с легким раздражением человека, понимающего, что основная часть работы в этом разговоре ложится на его плечи. — Узнаешь ли ты просвещенных отцов, что сидят слева и справа от меня?

Брута покачал головой.

— Прекрасно. У них имеются к тебе кое-какие вопросы.

Брута кивнул.

Толстяк слегка наклонился вперед.

— У тебя есть язык, мальчик?

Брута кивнул, потом, вдруг подумав, что этого недостаточно, предъявил свой язык для осмотра.

Ворбис предостерегающе положил ладонь на руку толстяка.

— Очевидно, наш молодой друг пребывает в благоговейном страхе, — мягко пояснил он и улыбнулся юноше. — Но, Брута, отбрось свой страх, прошу тебя, я хочу задать тебе несколько вопросов. Понимаешь меня?

Брута кивнул.

— Перед тем как тебя сюда привели, несколько секунд ты находился в приемной. Опиши ее.

Брута тупо смотрел на него. Но турбины памяти уже пришли в движение без всякого его участия, и в переднюю часть мозга потоком хлынули слова.

— Комната примерно три квадратных метра. С белыми стенами. Пол усыпан песком, только в углу у двери видны каменные плиты. На противоположной стене окно, на высоте примерно двух метров. На окне — решетка из трех прутьев. Табурет на трех ногах. Святая икона пророка Урна на стене, вырезана из афации с серебряным окладом. На нижнем левом углу рамы — царापина. Под окном на стене — полка. На полке ничего нет, кроме подноса.

Ворбис скрестил длинные пальцы под орлиным носом.

— А на подносе? — спросил он.

— Прошу прощения, господин?

— Что было на подносе, сын мой?

Изображения закрутились перед глазами Бруты.

— На подносе был наперсток. Бронзовый наперсток. И две иголки. Тонкий шнур с узлами. С тремя узлами. А еще на подносе лежали девять монет. Серебряная чаша с узором из листьев афации. Длинный кинжал. Стальной, как мне кажется, с черной рукояткой, семигранный. Клочок черной ткани. Перо и грифельная доска...

— Опиши монеты, — пробормотал Ворбис.

— Три из них были цитадельскими центами, — не задумываясь ответил Брута. — Две с Рогамы, одна с короной о семи зубцах. Четыре монеты — очень маленькие и золотые. На них была надпись, которая... Ее я прочитать не могу, но, если мне дадут перо и пергамент, думаю, я мог бы попробовать...

— Это какая-то шутка? — спросил толстяк.

— Уверяю, — произнес Ворбис, — мальчик имел возможность видеть комнату не более секунды. А другие монеты, Брута? Расскажи нам о них.

— Другие монеты были большими. Бронзовыми. То были эфебские дерехмы.

— Откуда ты знаешь? Они достаточно редки в Цитадели.

— Я видел их однажды, о господин.

— И когда же?

Лицо Бруты исказилось от напряжения.

— Я не совсем уверен... — наконец выдавил он.

Толстяк торжествующе посмотрел на Ворбиса.

— Ха!

— Кажется... — сказал Брута. — Кажется, это было днем... или утром. Скорее всего, около полудня. Третьего грюня в год Изумленного Жука. В нашу деревню пришли торговцы и...

— Сколько лет тебе тогда было? — перебил Ворбис.

— Три года без одного месяца, господин.

— Этого не может быть! — воскликнул толстяк.

Брута пару раз открыл и закрыл рот. Почему этот толстяк так говорит? Его же там не было!

— А ты не ошибаешься, сын мой? — уточнил Ворбис. — Сейчас ты почти взрослый человек... Семнадцати, восемнадцати лет? Вряд ли ты мог настолько четко запомнить чужеземную монету, которую видел мимолетно

целых пятнадцать лет назад.

— Нам кажется, ты все это придумываешь, — подтвердил толстяк.

Брута промолчал. Зачем что-то придумывать, если все находится в голове?

— Неужели ты помнишь все, что когда-либо с тобой происходило? — спросил коренастый мужчина, внимательно наблюдавший за Брутой во время разговора.

Брута был рад его вмешательству.

— Нет, господин, не все. Но почти.

— Ты что-то забываешь?

— Э... Да. Кое-что я никак не могу вспомнить.

Брута слышал о забывчивости, но с трудом представлял, что это такое. Однако в его жизни случались моменты — особенно это касалось самых первых ее лет, — когда не было... ничего. Однако это не память стерлась, нет, то были огромные запертые комнаты в особняке, построенном сплошь из воспоминаний. События не были забыты, ибо в таком случае запертые комнаты сразу прекратили бы свое существование, просто комнаты кто-то... запер.

— Расскажи нам о своем самом раннем воспоминании, сын мой, — ласково попросил Ворбис.

— Я увидел яркий свет, а потом кто-то меня шлепнул, — ответил Брута.

Все трое тупо уставились на него. Обменялись взглядами. Сквозь мучительный страх до сознания Бруты донеслись отрывки ведущегося шепотом обсуждения.

— ...А что мы теряем?.. Безрассудство, возможно, это все происки демонов... Но ставки слишком высоки... Любая случайность, и мы пропали...

И так далее.

Брута оглядел комнату.

Обстановке в Цитадели никогда не придавали особого значения. Полки, табуреты, столы... Среди послушников ходили слухи, что у жрецов, занимавших в иерархии высшие посты, мебель вся сделана из золота, но в этой комнате Брута ничего подобного не обнаружил. Обстановка была такой же строгой и простой, как и в комнатах послушников, хотя строгость эта была... более пышной, если можно так выразиться. Здесь царила не вынужденная скудность, а скорее умышленная пустоватость.

— Сын мой?

Брута поспешно повернулся.

Ворбис посмотрел на своих коллег. Коренастый кивнул. Толстяк пожал плечами.

— Брута, — сказал Ворбис, — возвращайся к себе в опочивальню. Перед твоим уходом слуга даст тебе поесть и попить. Завтра на рассвете явишься к Вратам Рогов, ты отправляешься со мной в Эфеб. Ты что-нибудь слышал о делегации в Эфеб?

Брута покачал головой.

— Возможно, ты и не должен был о ней слышать, — кивнул Ворбис. — Мы едем туда, чтобы обсудить с тамошним тираном кое-какие политические вопросы. Понимаешь?

Брута снова покачал головой.

— Хорошо, очень хорошо. Кстати, Брута?..

— Да, господин?

— Об этой встрече ты должен забыть. Ты никогда не был в этой комнате. И нас здесь не видел.

Брута в изумлении уставился на Ворбиса. Ерунда какая-то... Нельзя же захотеть — и забыть! Некоторые вещи забываются сами — ну, те, что хранятся в запертых комнатах, — но это происходит по воле какого-то непонятного для него механизма. Что имел в виду этот человек?

— Хорошо, господин, — послушно откликнулся Брута.

Ему показалось, что так будет проще.

Богам не к кому обратиться за помощью, и, если ты сам бог, никому ты не помолишься.

Вытянув шею и торопливо перебирая неуклюжими лапками, Великий Бог Ом мчался к ближайшей статуе. Статуя оказалась им самим, только в виде топчущего безбожника быка, но это не утешало.

В любое мгновение орел мог прекратить кружиться и камнем пасть на жертву.

Ом был черепахой всего три года, но вместе с формой унаследовал целый мешок инстинктов, большинство из которых крутились вокруг ужасного страха перед существом, нашедшим способ обедать черепахами.

Богам не к кому обратиться за помощью.

Ом никогда не думал, что окажется в подобной ситуации.

Но каждое живое существо порой нуждается в дружеской поддержке.

— Брута!

Брута был не слишком уверен в своем ближайшем будущем. Дьякон Ворбис явно отстранил его от занятий, а поэтому занять остаток дня было

абсолютно нечем.

Тогда Брута снова устремился к саду. Пора было подвязывать бобы, и этот факт он воспринимал с радостью. С бобами он чувствовал себя уверенно. Они не отдавали невыполнимых приказаний, типа «а ну забудь!». Кроме того, если ему придется куда-то там уехать, прежде нужно докучить дыни и растолковать кое-что Лю-Цзе.

Лю-Цзе был неотъемлемой частью сада.

Подобный человек есть в каждой организации. Он может подметать мрачные длинные коридоры, бродить среди полок на магазинных складах (и только такой человек знает, где что находится) или состоять в неоднозначных, но крайне важных и запутанных отношениях с котельной. Этому человека знают все до единого, ходят слухи, что он работал здесь *всегда*. А еще никто не имеет ни малейшего представления, куда подобные люди деваются, когда их нет там... ну, там, где они обычно находятся. Лишь иногда тот, кто понаблюдательнее всех прочих (научиться наблюдательности совсем не так трудно, как говорят), вдруг останавливается и задумывается о странном работнике... чтобы в следующее мгновение заняться чем-нибудь другим.

Лю-Цзе плавно передвигался из сада в сад вокруг всей Цитадели — и при этом он практически не интересовался растениями, что было, мягко говоря, необычным. Он занимался почвой, навозом, перегноем, компостом, глиной, песком и пылью, а также средствами их перемещения с места на место. Обычно он работал метлой или ворочал кучи. Но как только кто-то сажал в одну из вышеперечисленных субстанций семена, Лю-Цзе мигом терял к ней всякий интерес.

Когда появился Брута, Лю-Цзе разравнивал дорожки граблями. У него это получалось очень и очень неплохо. После Лю-Цзе оставалась рубчатая поверхность и плавные мягкие повороты. Брута всегда чувствовал себя чуть-чуть виноватым, шагая по такой дорожке.

Они с Лю-Цзе почти не общались, потому что от слов тут ничего не зависело. Старик лишь кивал и улыбался однозубой улыбкой.

— Я на какое-то время уеду, — громко и отчетливо произнес Брута. — Наверное, в сад пришлют кого-нибудь другого, но кое-что тут нужно обязательно сделать...

Кивок, улыбка. Старик терпеливо шел следом по грядкам, пока Брута объяснял ему насчет бобов и овощей.

— Ты понял? — спросил он после десяти минут сплошных объяснений.

Кивок, улыбка. Кивок, улыбка, манящий жест.

— Что?

Кивок, улыбка, манящий жест. Кивок, улыбка, *манящий жест*, улыбка.

Лю-Цзе боком продвигался в дальний конец обнесенного стеной сада, где хранились его любимые компостные кучи, груды цветочных горшков и другие косметические садовые средства. Как подозревал Брута, старик и спал здесь же.

Кивок, улыбка, манящий жест.

Рядом с вязанкой из бобовых стеблей стоял небольшой столик.

Он был застелен соломенной циновкой, на которой стояли с полдюжины остроконечных камней, каждый высотой не более фута.

Вокруг камней через равные промежутки были установлены палочки. Тонкие щепочки заслоняли от солнца одни участки, тогда как маленькие зеркала отбрасывали солнечный свет на другие. Размещенные под разными углами бумажные конусы направляли ветер в определенные точки.

Брута никогда не слышал об искусстве бонсай, особенно применительно к камням.

— Они... Очень красиво, — неуверенно произнес он.

Кивок, улыбка, маленький камень в руке, улыбка, возьми, возьми.

— Не, я не могу принять...

Возьми, возьми. Ухмылка, кивок.

Брута взял крошечный камень, похожий на небольшую гору. Он обладал странной, нереальной тяжестью — рука ощущала вес в фунт или около этого, а мозг фиксировал тысячи *очень, очень маленьких* тонн.

— Э... Спасибо. Большое спасибо.

Кивок, улыбка, ласковый толчок в спину.

— Камень... он как гора, только небольшая.

Кивок, ухмылка.

— Это что такое у него на верхушке? Неужели настоящий снег? Но...

— *Брута!*

Голова дернулась вверх, однако голос раздавался внутри нее.

«О нет!» — Брута почувствовал себя несчастным.

Он вернул маленькую гору Лю-Цзе.

— Прибереги ее для меня, ладно?

— *Брута!*

«Нет, нет, все это было сном... Который приснился мне перед тем, как я стал влиятельным и разговаривал с дьяконами».

— *Какой, к черту, сон?! Помоги мне!*

Когда орел пролетел над Местом Сетований, молящиеся бросились

врассыпную.

Он описал круг всего в нескольких футах над землей и сел на статую Великого Ома, Топчущего Безбожников.

Птица была великолепною, золотисто-коричневой и с желтыми глазами, взирающими на толпу с явным пренебрежением.

— Это знамение? — спросил старик с деревянной ногой.

— Да! Знамение! — воскликнула стоявшая рядом девушка.

— Знамение!

Вокруг статуи собралась толпа.

— Сволочь это, а не знамение, — донесся откуда-то из-под ног слабый голосок, которого никто не услышал.

— Но знамение чего? — спросил пожилой мужчина, проживший на площади уже три дня.

— Что значит *чего*? Это знамение! — воскликнул старик с деревянной ногой. — Это не должно быть знамением *чего-либо*. Очень подозрительный вопрос, спрашивать, чего именно это знамение...

— Но это должно что-то знаменовать, — возразил пожилой. — Знамение обязано к чему-то относиться. Знамение чего-то. Кого, чего. Этот, как его, рождающий падеж.

У края толпы появилась костлявая фигура, двигавшаяся словно незаметно, но с поразительной скоростью. Она была одета в джелибу пустынных племен, но несла на ремне лоток. Лоток содержал нечто зловещее, смахивающее на липкие сласти, покрытые пылью.

— А может, это посланец от самого Великого Бога?! — воскликнула девушка.

— Это просто долбаный орел, — раздался полный безнадежности голос откуда-то из-под бронзовых трупов, раскиданных у подножия статуи.

— Финики? Фиги? Шербет? Святые мощи? Чудесные свежие индугенции? Ящерицы? Леденцы-напалочники? — с надеждой в голосе вопрошал торговец с лотком.

— А я думал, Он явится в мир в образе лебедя или быка, — произнес старик с деревянной ногой.

— Ха! — раздался проигнорированный всеми возглас черепашки.

— А вот я насчет этого всегда сомневался, — сказал молодой послушник, переминающийся в задних рядах толпы. — Эти лебеди... Им как-то не хватает... мужественности, что ли?

— А может, это тебе не хватает быть забитым камнями за богохульство? — горячо парировала девушка. — Великий Бог слышит каждое произнесенное тобой непочтительное слово!

— Ха! — раздалось из-под статуи.

Торговец с лотком протиснулся чуть дальше.

— Клатчская Услада? Осы в меде? Хватайте, пока холодненькие! — продолжал разоряться он.

— Хотя здесь есть свой смысл... — произнес пожилой мужчина занудным, надоедливym голосом. — Есть в орле что-то *божественное*. Он ведь царь птиц!

— Тот же индюк, только чуть покрасивше, — произнес голос из-под статуи. — И мозг размером с орех.

— Очень благородная птица, этот орел, — произнес пожилой. — К тому же умная. Интересный факт: только орлы додумались до того, как можно съесть черепаху. И знаете, что они делают? Хватают ее, поднимают на огромную высоту и бросают на камни. Панцирь разлетается вдребезги. Поразительно!

— В один прекрасный день, — раздался из-под статуи мрачный голос, — когда я снова буду в форме, я вернусь, и ты пожалеешь о своих словах. О, ты будешь долго жалеть. Специально ради этого я даже создам еще одно Время, чтоб ты у меня вволю нажалелся. Или... нет, я превращу в черепаху *тебя*. Посмотрим, как тебе это понравится. Свистящий вокруг панциря ветер, приближающаяся с каждым мгновением земля... То-то ты поразишься!

— Как отвратительно, — нахмурилась девушка, глядя орлу прямо в глаза. — Бедная черепашка, интересно, что первым приходит в голову, когда тебя сбросят с такой ужасной высоты?

— Ваш панцирь, госпожа, — ответил Великий Бог Ом, стараясь забиться подальше под бронзовый выступ.

Человек с лотком выглядел удрученным.

— Знаете что? — спросил он. — Два пакета засахаренных фиников по цене одного. Ну, что скажете? Учтите, только ради вас, я, можно сказать, руку себе отрубая.

Девушка взглянула на лоток.

— Да у тебе там все в мухах!

— Ошибаетесь, госпожа, это смуродина.

— Так почему же она разлетается? — не сдавалась девушка.

Торговец опустил взгляд и тут же вновь вскинул глаза на девушку.

— О чудо! Свершилось чудо! — воскликнул он, взмахнув руками. — Воистину грядет время чудес!

Орел нетерпеливо переступил с лапы на лапу.

В людях он видел лишь движущиеся предметы пейзажа, которые в

сезон выпаса овец могли ассоциироваться с метко брошенными камнями, когда он пытался стащить новорожденного ягненка, и которые в других ситуациях были такими же незначительными, как те же кусты и скалы. Но он никогда не подлетал настолько близко к такому количеству людей. Его свирепый взгляд беспрестанно скользил из стороны в сторону.

В этот момент у дворца взревели трубы.

Орел дико заозирался, крошечный мозг хищника не справлялся с резкой перегрузкой.

Взмахнув крыльями, орел сорвался со статуи. Верующие, отпихивая друг друга, бросились врассыпную, когда он опустился почти до каменных плит, а потом величественно поднялся к башням Великого Храма и раскаленному солнцем небу.

В очередной раз не устояв перед дыханием Великого Бога (во всяком случае, жрецы уверяли, что роль привратника исполняет сам Ом), бронзовые двери Великого Храма, каждая весом в сорок тонн, распахнулись — тяжеломерно, но абсолютно бесшумно. Со спецэффектами здесь все было в порядке.

Огромные сандалии Бруты шлепали и шлепали по каменным плитам.

Бег всегда давался Бруте с огромным трудом: колени практически не работали, зато стопы молотили по земле, словно гребные колеса.

Нет, это уже слишком. Сначала какая-то черепаха заявляет, что она — Великий Бог, чушь несусветная, но откуда этой рептилии столько известно?.. Потом Бруту допрашивает святая квизиция. Ну, или не совсем допрашивает. В любом случае, все прошло не так болезненно, как он мог предполагать.

— *Брута!*

На площади, обычно заполненной шепотом тысяч и тысяч молящихся, царил тишина. Все паломники повернулись лицом к храму.

Брута, мозг которого уже закипал от такого количества разных событий, упорно протискивался сквозь внезапно замолкшую толпу...

— *Брута!*

У каждого человека имеется амортизатор реальности.

Хорошо известен тот факт, что девять десятых человеческого мозга никак не используются, но как и большинство хорошо известных фактов, данное утверждение совершенно не соответствует действительности. Даже самый тупой Создатель не стал бы утруждать себя и набивать голову человека несколькими фунтами серой каши, единственным предназначением которой было бы, к примеру, служить деликатесом для

туземцев, населяющих всяческие затерянные долины. Нет, мозг используется весь. И одной из его функций является превращение чудесного в обыденное и необычного в обычное.

Иначе при виде всех тех чудес, которыми так насыщена повседневная жизнь, люди вечно ходили бы с идиотскими улыбочками на лицах — скалясь, словно те самые туземцы, на которых власти иногда устраивают облавы с целью скрупулезной проверки содержимого их пластиковых теплиц. Люди часто восклицали бы «Вау!». И никто бы не работал.

Богам очень не нравится, когда люди не работают. Люди должны быть постоянно чем-то заняты, в противном случае они могут начать *думать*.

Якобы недействующая часть мозга существует только для того, чтобы оградить людей от ненужных мыслей. И действует она весьма эффективно. Она способна заставить человека испытать неподдельную скуку при виде самого настоящего чуда.

Как раз сейчас вовсю работала именно эта часть мозга Бруты.

Поэтому он не сразу заметил, что уже протиснулся сквозь последние ряды людей и выбежал на середину широкого прохода... Однако тут его угроздило оглянуться, и он узрел приближающуюся процессию.

Проведя вечернюю службу, вернее покивав на ней, пока капеллан проводил эту службу за него, — в общем, после долгих и тяжких трудов сенобиарх возвращался в свои апартаменты.

Брута крутнулся на месте в поисках путей бегства. Но тут рядом раздался чей-то кашель, и он узрел разъяренные лица пары младших иамов, а затем несколько изумленное и по-стариковски благожелательное лицо самого сенобиарха.

Старик автоматически поднял руку, чтобы благословить Бруту знаком святых рогов, однако не успел, поскольку двое божественных легионеров со второй попытки подняли послушника под локти, убрали с пути процессии и зашвырнули в толпу.

— *Брута!*

Брута перебежал через площадь к статуе и прислонился к бронзе, с трудом переводя дыхание.

— Я попаду в ад, — пробормотал он. — На веки вечные.

— *Да всем плевать на это. А теперь... унеси меня отсюда!*

Сейчас на него никто не обращал ни малейшего внимания. Все наблюдали за процессией. Одно Наблюдение за ней считалось святым деянием. Брута опустил на колени и заглянул под фигуры, разбросанные у основания статуи.

Оттуда на Бруту уставился единственный глаз-бусинка.

— Как ты сюда забрался?

— Был хороший стимул, — ответила черепашка. — Клянусь чем угодно, когда я обрету былую форму, орлы подвергнутся значительной реконструкции.

— А что собирался сделать с тобой орел?

— Унести в гнездо и угостить там обедом, — огрызнулась черепашка. — А по-твоему, что он собирался сделать?

Черепашка замолчала, поняв тщетность использования сарказма в присутствии Бруты. С таким же успехом можно было попытаться сокрушить крепостную стену меренгами.

— Он хотел меня *съесть*, — терпеливо пояснила она.

— Но ты же — черепаха!

— Я — твой Бог!

— Но в виде черепахи, по крайней мере в настоящее время. Я имею в виду, ну, у тебя есть панцирь и всякое такое...

— Панцирь орлов не останавливает, — мрачно произнесла черепашка. — Они хватают тебя, поднимают на несколько сотен футов, а потом... отпускают.

— Бр-р-р.

— Нет. Больше похоже на... хрусть-шлеп. А ты думаешь, каким образом я здесь оказался?

— Тебя сбросили? Но...

— Я приземлился на кучу дерьма в твоём саду. Вот они, ваши хваленые умные орлы. Все вокруг построено из камня, на камне и вымощено камнем, а они промахиваются.

— Повезло тебе. Один шанс из миллиона, — сказал Брута.

— Будучи быком, я никогда не испытывал подобных неудобств. Орлов, способных поднять быка, можно пересчитать по пальцам на одной голове. Кстати, есть твари и похуже орлов, это...

— Знаешь, а они очень вкусные, — произнес чей-то голос за спиной Бруты.

Брута мигом вскочил на ноги — с виноватым видом и черепашкой в руке.

— А, здравствуйте, господин Достаб.

Все в городе знали Себе-Рублю-Руку Достаба — поставщика подозрительно свежих святых мощей, подозрительно несвежих прогорклых леденцов на палочках, начиненных песком фиников и других давно просроченных продуктов. Он в некотором роде представлял собой стихийную силу, вроде ветра. Никто не знал, откуда он приходит и куда

уходит на ночь. Но на рассвете он уже был на месте и всю продавал липкие сласти паломникам. Большинство паломников появлялись в городе впервые, и у них не было самого необходимого для общения с Достабом, а именно — опыта предыдущих встреч с ним. Здесь, на площади, нередко можно было увидеть паломника, пытающегося с достоинством расклеить челюсти. Впрочем, жрецы торговлю Достаба только поощряли. Многие наиболее фанатичные паломники, проделав полный опасности путь в тысячу миль, были вынуждены подавать прошения на языке жестов.

— Прекрасный получится суп. Не хочешь ли прикупить на десерт шербета? — с надеждой в голосе спросил Достаб. — Всего один цент за склянку, и учти: это только ради тебя — я, можно сказать, руку себе отрубаю...

— А это что за дурак? — поинтересовался Ом.

— Я вовсе не собираюсь ее есть, — торопливо произнес Брута.

— Что, хочешь обучить ее каким-нибудь фокусам? — ухмыльнулся Достаб. — Рискованные переползания через горящий обруч и всякое такое?

— Избавься от него, — велел Ом. — Тресни по башке, а труп спрячь за статуей.

— Заткнись, — огрызнулся Брута, снова начиная испытывать некоторые неудобства от разговора с тем, кого никто больше не слышит.

— А вот грубить не надо, — обиженно произнес Достаб.

— Это я не тебе, — пояснил Брута

— А кому? Черепахе? — язвительно спросил Достаб.

Брута выглядел виноватым.

— Моя старуха-мать тоже иногда разговаривала с гербилом, — продолжал Достаб. — Домашние животные прекрасно снимают стрессы. Ну и чувство голода, разумеется.

— Этот человек врет, — вмешался Ом. — Я могу читать его мысли.

— Можешь?

— Что могу? — переспросил Достаб и косо посмотрел на Бруту. — А если ты даже и не съешь ее, будет чем занять время. Ехать-то долго.

— Ехать куда?

— В Эфеб. С тайной миссией. Будут какие-то переговоры с безбожниками.

В принципе, Брута ничему не удивился. В замкнутом мирке Цитадели новости распространялись, как лесной пожар после засухи.

— А, — безразлично откликнулся он. — Ты об этом.

— Говорят, сам Б'ей Реж едет, — добавил Достаб. — И еще этот, как его, сырый кардинал.

— Дьякон Ворбис — очень милый человек, — возразил Брута. — Он был очень добр ко мне, даже попить дал.

— Не может быть... Впрочем, это не важно. Лично я против него ничего не имею, — поспешил заверить юношу Достаб.

— Почему ты до сих пор разговариваешь с этим идиотом? — влез Ом.

— Он... мой друг, — ответил Брута.

— Жаль, у меня нет такого друга, — мечтательно промолвил Достаб, посчитав, что слова были обращены к нему. — С такими друзьями врагов у тебя просто не будет. Может, ты возьмешь кишмиш в сахаре? Или леденцов-напалочников?

В опочивальне Бруты спали еще двадцать три послушника — поскольку иерархи церкви придерживались твердого убеждения, что отдельные опочивальни поощряют греховность. Человеку неискушенному данное утверждение могло показаться весьма и весьма спорным, потому что, если как следует поразмыслить, самые разнообразные грехи более присущи как раз компании. Однако эти самые размышления и считались наипугающим грехом. Люди, предоставленные самим себе, рано или поздно начинают предаваться глубоким раздумьям, тогда как всем известно, что глубокие раздумья приостанавливают рост. И одной из причин такой приостановки является отрубание ваших ног.

Поэтому Брута был вынужден удалиться в сад — под аккомпанемент божественных воплей, доносящихся из его кармана, куда Великий Бог Ом был засунут вместе с мотком шпагата, садовыми ножницами и пригоршней семян.

Наконец Великого Бога вытащили.

— Послушай, — сказал Брута, — пользуясь удобной возможностью, хочу сообщить тебе, что я был избран для выполнения крайне важного задания. Я отправляюсь в Эфеб на переговоры с безбожниками. И меня *выбрал* сам дьякон Ворбис. Он — мой друг.

— А кто он такой?

— Главный эксквизитор. Обеспечивает... надлежащее поклонение тебе.

Ом уловил нерешительность в голосе Бруты и сразу вспомнил решетку. И творившееся под ней...

— Он пытается людей, — холодно заметила черепашка.

— Нет, нет! Этим занимаются *инквизиторы*. Их можно только пожалеть, потому что, как рассказывал брат Ньюрод, они работают очень много и за низкую плату. Нет, эксквизиторы просто... решают вопросы. Как

говорит брат Ньюрод, нет инквизитора, который не мечтал бы стать эксковизитором. Вот почему они готовы работать в любое время. Иногда они работают по несколько дней подряд и даже не спят.

— Пытки... — задумчиво пробормотал Великий Бог.

Нет, такой человек, как тот, которого он видел в саду, не станет мараить руки ножом. Предоставит заниматься этим другим людям. У Ворбиса другие методы.

— Они избавляют людей от *скверны* и *ереси*, — пояснил Брута.

— Но люди... не всегда... выживают в процессе?

— Это не имеет значения, — убежденно произнес Брута. — То, что происходит с нами в этой жизни, в действительности все это нереально. Да, иногда бывает немножко больно, но это неважно. Зато после смерти ты значительно меньше времени проведешь в преисподней.

— А если эксковизиторы ошибаются? — спросила черепашка.

— Они не могут ошибаться, — возразил Брута. — Их направляет рука... твоя рука... твоя передняя нога... вернее, твоя лапка...

Черепашка мигнула единственным глазом. Она вспомнила жар солнца, свою беспомощность и лицо человека, наблюдавшего за происходящим не с жестокостью, нет, куда хуже — с интересом. Кто-то наблюдает за чьей-то смертью только для того, чтобы узнать, сколько времени займет весь процесс. Это лицо Ом никогда не забудет. И разум, стальной сгусток разума.

— И все-таки, предположим, они ошибутся, — продолжала настаивать черепашка.

— Я не слишком силен в теологии, — ответил Брута, — но в завете Урна все объяснено предельно ясно. Эти люди хоть в чем-то да виноваты, иначе ты, в своей мудрости, не направил бы к ним квизицию.

— Правда? — Ом продолжал вспоминать то лицо. — Значит, они сами виноваты в том, что их пытаются? И я действительно так сказал?

— «В жизни нас судят по тому, какие мы в смерти...» Урн Третий, глава VI, стих 56. Бабушка рассказывала мне, что после смерти люди предстают перед тобой, и они должны пересечь ужасную пустыню, а ты взвешиваешь их сердца на каких-то весах, — промолвил Брута. — Если сердце человека тяжелее перышка, ты отправляешь грешника в ад.

— Вот те на, — удивилась черепашка, а потом добавила: — Парень, а тебе не приходило в голову, что я не могу заниматься всем этим и одновременно бродить здесь с панцирем на спине?

— Ты можешь делать все, что захочешь, — возразил Брута.

Ом внимательно посмотрел на него.

«Он действительно верит. Он не умеет врать».

Сила веры горела в Бруте ярким огнем.

А потом правда ударила Ома так, как земля бьет черепаху, выпущенную из орлиных когтей.

— Ты обязан взять меня с собой в Эфеб.

— Я сделаю все, как ты велишь, — кивнул Брута. — И ты покараешь их огненным мечом и железными копытами?

— Очень может быть, — ответил Ом. — Но ты должен взять меня с собой.

Он пытался скрыть свои самые сокровенные мысли, чтобы Брута ничего не услышал. *«Только не оставляй меня здесь!»*

— Но ты можешь попасть туда значительно быстрее, если я оставлю тебя в Цитадели, — продолжал Брута. — В Эфебе живут одни нечестивцы. Чем быстрее он будет очищен, тем лучше для всех. Ты можешь перестать быть черепахой, налететь на них огненным ветром и уничтожить эту страну.

Ом думал об огненном ветре, а черепашка думала о бескрайних просторах пустыни, о чирикании и грустных вздохах богов, которые угадали до обычных джиннов и голосов в воздухе.

Боги, у которых не осталось верующих...

Ни одного. Даже одного верующего — и то достаточно.

Боги, которых оставили...

А что касается пламени веры, горящего в Бруте... Целый день Великий Бог Ом бродил по Цитадели, и за весь день ему удалось найти только одного верующего.

Б'ей Реж пытался помолиться.

Он давно уже не пробовал этим заниматься.

Да, конечно, были восемь обязательных ежедневных молитв, но, когда на землю спускалась чернильная ночь, вместе с ней приходили мысли: генерал-иам прекрасно понимал, что такое эти обязательные молитвы. Привычка. Возможно, удобная пауза для размышлений. А еще — метод измерения времени.

Молился ли он когда-нибудь по-настоящему? Открывал ли душу и сердце чему-то вне себя или над собой? Наверное, да. Быть может, когда был молодым. Он даже не помнил, когда это было. Кровь смыла все воспоминания.

Он сам во всем виноват. Иначе быть не может. Он уже бывал в Эфебе. Столица, возведенная из белого мрамора на скале, что нависала над синим

Круглым морем, даже понравилась ему. А еще он посещал Джелибейби, этих безумных жителей речной долины, которые верили в богов со смешными головами и помещали своих мертвых в пирамиды. Он бывал даже в Анк-Морпорке, на другом берегу моря; жители этого города верили в любого бога, пока у него или у нее были деньги. Да, в Анк-Морпорке были целые улицы, на которых теснились всевозможные храмы, словно карты в колоде. И никто никого не пытался сжечь — пожары, конечно, случались, но только в тех случаях, которые считались нормальными для Анк-Морпорка. Никто никого не трогал, каждый сам выбирал себе свой рай и свой ад, куда и направлялся той тропой, которая ему больше нравилась.

Сегодня он выпил слишком много вина. Обнаружь его тайные запасы квизиция, он бы через десять минут оказался на пыточном станке.

Да, в этом старине Ворбису не откажешь. Когда-то, давным-давно, квизицию можно было подкупить, но не сегодня. Главный эксквизитор вернулся к основам. В нынешние дни царила демократия острых ножей. А наиболее активно иски ереси велись на высших уровнях церкви. Ворбис объяснил все крайне ясно: выше по дереву — тупее пила.

О, куда же ушла та старая, добрая вера...

Он снова закрыл глаза, но продолжал видеть то рога на крыше храма, то фрагменты предстоящей бойни, то... лицо Ворбиса.

Ему понравился тот белый город.

Даже рабы там были довольны жизнью. Обращение с рабами подчинялось определенным правилам. Некоторые поступки по отношению к ним были запрещены. Рабы даже имели собственную цену.

О Черепахе он узнал именно там — и уловил в этом здравый смысл. «Вроде все разумно, — подумал он тогда. — Имеет смысл». Смысл, не смысл, а подобные размышления приведут его напрямик в преисподнюю.

Ворбис все о нем знает. Иначе и быть не может. Шпионы эксквизитора повсюду. Жаль Сашо, он принес немалую пользу. Интересно, сколько Ворбису удалось из него вытянуть? Неужели он все рассказал?

Ну конечно, а как же еще? Он наверняка все рассказал.

Что-то внутри Б'ей Режа оборвалось.

Генерал-иам посмотрел на висевший на стене меч.

А почему бы и нет? Все равно ему уготованы вечности вечностей в огненных преисподних...

И это знание в некотором роде дарует свободу. Когда самое меньшее, что с тобой могут сделать, — это все, что угодно, самое большее уже не кажется столь ужасным. Если его собираются сварить, как ягненка, почему бы не быть зажаренным, как барану?

Генерал-иам с трудом поднялся на ноги и после пары попыток снял ножны со стены. Покои Ворбиса неподалеку, если, конечно, он сумеет подняться по лестнице. Один удар, и все будет кончено. Он мог разрубить Ворбиса пополам без малейшего усилия. А потом... возможно, потом ничего не случится. Где-то живут люди, разделяющие его взгляды. В любом случае можно спуститься к конюшням, а к рассвету его ищи-свищи. Может, ему даже удастся добраться до Эфеба, пересечь пустыню...

Он протянул руку к двери, попытался нащупать ручку.

Та повернулась сама собой.

Дверь приоткрылась, и Б'ей Реж в страхе отшатнулся.

За ней стоял Ворбис, лицо его, озаренное мерцающим светом масляной лампы, выражало мягкую озабоченность.

— Прощу простить меня за столь поздний визит, господин, — промолвил эксквизитор. — Но мне показалось, что нам просто необходимо поговорить. О завтрашнем дне...

Меч выпал из руки Б'ей Режа.

Ворбис наклонился вперед.

— Что-нибудь не так, брат?

Он улыбнулся и вошел в комнату. Два инквизитора в капюшонах скользнули следом.

— Брат, — повторил Ворбис.

И закрыл дверь.

— Ну, как тебе там? — участливо осведомился Брута.

— Буду греметь, как горошина в горшке, — проворчала черепашка.

— Могу добавить соломы. И смотри, что еще принес.

Пучок зелени упал на голову Ома.

— Взял на кухне, — пояснил Брута. — Шелуха и капустные листья. Я их украл, а потом подумал, что это ведь не может считаться воровством, раз я взял их для тебя...

Дурной запах полусгнивших листьев явно свидетельствовал о том, что Брута совершил преступление, когда овощи находились уже на полпути к помойке, но Ом ничего не сказал. Не сейчас.

— Все верно, все верно... — только и пробормотал он.

Должны быть другие, утешал он себя. Обязательно. За городом. А здесь все извращенно и неестественно. Но... перед Великим Храмом собралось столько паломников. Это были не просто сельские жители, то были самые преданные из самых преданных. Целые деревни складывались деньгами, чтобы послать сюда паломника, который бы помолился за всех.

Но пламени веры не было. Был страх, благоговейный ужас, было страстное желание, была надежда. Все эти эмоции имеют свои запахи. Но пламени веры не было.

Орел бросил его недалеко от Бруты. Спустя некоторое время он... очнулся. Первые смутные воспоминания касались того, как он жил в образе черепахи. А сейчас он помнил, как был богом. На каком расстоянии от Бруты эти воспоминания начнут затухать? В миле от мальчика? В десяти? Как это произойдет? Почувствует ли он, как из него уходят знания, как он вновь превращается в жалкую рептилию? Но, возможно, останется часть, которая будет помнить — всегда и безнадежно...

Великий Бог Ом содрогнулся.

Ом сидел в плетеном коробе, висевшем на плече Бруты. Там и в лучшие времена было не слишком удобно, а сейчас короб часто трясся, поскольку Брута пританцовывал от утреннего морозца.

Некоторое время спустя появились конюхи, ведущие лошадей. Кое-кто одарил Бруту странным взглядом. Ну а Брута всем улыбался. Это показалось ему лучшим поведением в такой ситуации.

Он уже начинал испытывать голод, однако оставить свой пост не смел. Ему приказали стоять здесь. Но потом донесшиеся из-за угла звуки заставили его таки сделать несколько шагов, чтобы выяснить, что там происходит.

От площади его отделяло крыло здания, и похоже было, что там готовится к походу еще один отряд.

О существовании верблюдов Брута знал. В деревне, где жила его бабушка, была пара этих животных. Но здесь, как ему показалось, собрались сотни верблюдов, и все они выражали недовольство, словно плохо смазанные насосы, и воняли как тысячи промокших половиков. Среди верблюдов ходили люди в джелибах и периодически лупили животных палками, что является наиболее надежным и не раз апробированным методом общения с верблюдами.

Брута подошел к ближайшему животному. Мужчина привязывал к горбу бурдюки с водой.

— Доброе утро, брат, — поздоровался Брута.

— Отвали, — ответил мужчина, не оборачиваясь.

— Пророк Бездон говорит нам (глава XXV, стих 6): «Горе тому, кто поганит свой рот проклятиями, ибо слова его не что иное, как пыль», — нравоучительно промолвил Брута.

— Правда? Тогда бери его с собой и отваливайте оба, — равнодушно ответил мужчина.

Брута замялся. Формально мужчина только что заработал гарантированное место в тысяче преисподних и месяц или два пристального внимания квизиции, но, присмотревшись, Брута заметил, что разговаривает с членом Божественного Легиона: из-под накидки воина торчал меч.

А легионеры, как и инквизиторы, пользовались особыми уступками. Частые близкие контакты с нечестивцами влияли на их разум и подвергали их души смертельной опасности. Брута решил проявить великодушие.

— Куда же вы отправляетесь со всеми этими верблюдами в такое чудесное утро, брат?

Воин затянул веревку.

— Скорее всего, в ад, — ответил он с мерзкой ухмылкой. — Вслед за тобой.

— Правда? А по словам пророка Ишкибля, для поездки в преисподнюю человеку не требуется ни верблюд, ни лошадь, ни мул. Он может въехать туда на своем языке. — В голосе Бруты послышались нотки неодобрения.

— А никто из старых пророков не говорил, что всякие любопытные придурки заслуживают хорошего удара по уху? — осведомился легионер.

— «Горе тому, кто поднимет руку свою на брата, поступая с ним аки с Безбожником», — процитировал Брута и добавил: — Это Урн. Наставления XI, стих 16.

— «Отваливай побыстрее и забудь, что видел нас здесь, иначе не миновать тебе беды, друг мой», — откликнулся легионер. — Сержант Актар, глава I, стих 1.

Брута нахмурился. Такого пророка он что-то не припоминал.

— Уходи отсюда, — раздался в его голове черепаший голос. — Неприятности нам совсем ни к чему.

— Надеюсь, поездка будет приятной, — вежливо произнес Брута. — Куда бы вы ни направлялись.

Он вернулся на свое прежнее место.

— Насколько я могу судить, этому человеку суждено провести долгое время в преисподней исправления, — пробормотал Брута.

Бог благоразумно промолчал.

Группа путешественников в Эфеб уже начала собираться. Брута стоял по стойке смирно и старался никому не мешать. Он увидел с дюжину воинов на лошадях, но в отличие от погонщиков верблюдов эти были одеты в надраенные кольчуги и желто-черные плащи, которые легионеры надевают только в особо торжественных случаях. Бруте показалось, что

выглядят они очень впечатляюще.

Наконец к нему подошел один из конюхов.

— Что ты здесь делаешь, послушник? — спросил он.

— Отправляюсь в Эфеб.

Конюх еще раз смерил его взглядом и усмехнулся.

— Неужели? Да ты даже обряд посвящения еще не прошел! И ты едешь в Эфеб?

— Ага.

— С чего это ты взял?

— Потому что я так сказал ему, — раздался за спиной у конюха голос Ворбиса. — И вот он здесь, согласно моим пожеланиям.

Бруте хорошо было видно лицо конюха. Выражение его стремительно изменилось — так масляная пленка растекается по поверхности лужи. Потом человек развернулся, словно ноги его были приколоты к гончарному кругу.

— Мой господин Ворбис, — пролепетал он льстиво.

— И ему нужен конь, — сказал Ворбис.

Лицо конюха пожелтело от ужаса.

— С превеликим удовольствием. Лучший, что найдется в конюшне...

— Мой друг Брута всего-навсего скромный служитель Ома, — ответил Ворбис. — Ему достаточно обыкновенного мула. Правда, Брута?

— Я... я не умею ездить верхом, мой господин, — смущенно произнес Брута.

— На муле может ездить каждый, — успокоил Ворбис. — И на него легко забраться, когда упадешь. Итак, мне кажется, все в сборе.

Он вопросительно поднял бровь на сержанта стражи, который тут же отрапортовал:

— Ждем только генерала-иама Б'ей Режа, господин.

— А, сержант Симони, не так ли?

Ворбис обладал кошмарной памятью на имена. Он помнил буквально всех. Сержант немного побледнел, затем твердо отдал честь.

— Так точно! Мой господин!

— Мы выступаем без генерала-иама Б'ей Режа.

Буква «н», входящая в слово «но», появилась было на губах сержанта, но тут же исчезла.

— У него возникли другие дела, — пояснил Ворбис. — Очень важные и неотложные. Заниматься которыми может только он сам, лично.

Когда Б'ей Реж открыл глаза, все вокруг было серым.

Он видел комнату вокруг себя, но только смутно — в виде каких-то воздушных граней.

Меч...

Он уронил меч, но, наверное, клинок будет нетрудно найти. Генерал-иам сделал шаг вперед и, почувствовав слабое сопротивление вокруг лодыжек, посмотрел вниз.

А вот и меч. Но пальцы генерала-иама прошли прямо сквозь рукоять. Как будто Б'ей Реж был пьян, но пьян он не был. Но и трезвым он тоже не был. Вдруг он ощутил... необычайную ясность мыслей.

Он обернулся и посмотрел на то, что задержало на миг его движение.

— О, — выразился Б'ей Реж.

— ДОБРОЕ УТРО.

— О.

— СНАЧАЛА ВСЕГДА ВОЗНИКАЕТ ЛЕГКОЕ СМУЩЕНИЕ МЫСЛЕЙ. ТАК ПРОИСХОДИТ СО ВСЕМИ.

К своему ужасу, Б'ей Реж увидел, как высокая черная фигура в плаще повернулась и шагнула прочь сквозь серую стену.

— Подожди!

Из стены высунулся череп в черном капюшоне.

— Да?

— Ты ведь Смерть?

— НЕСОМНЕННО.

Б'ей Реж собрал все, что осталось от достоинства.

— Я тебя знаю, мы неоднократно встречались!

Смерть долго смотрел на него.

— ЧТО-ТО НЕ ПРИПОМИНАЮ.

— Уверяю тебя...

— ТЫ ВСТРЕЧАЛСЯ С ЛЮДЬМИ. ЕСЛИ БЫ ТЫ ВСТРЕТИЛСЯ СО МНОЙ... МЫ БЫ СЕЙЧАС НЕ РАЗГОВАРИВАЛИ.

— Но что теперь со мной будет?

Смерть пожал плечами.

— ТЕБЕ ЛУЧШЕ ЗНАТЬ, — ответил он и исчез.

— Подожди!

Б'ей Реж бросился на стену и, к своему величайшему удивлению, почувствовал, что она для него не препятствие. Он оказался в пустом коридоре. Смерти нигде не было.

А потом он понял, что это вовсе не тот коридор, который он помнил так хорошо — с вечными тенями и песком под ногами.

В конце того коридора не было свечения, которое сейчас притягивало

его, как магнит притягивает железные опилки.

Неизбежному невозможно сопротивляться. Рано или поздно ты все равно попадешь туда, где тебя уже ждет это самое неизбежное.

Так и случилось.

Б'ей Реж вышел сквозь свечение в пустыню. Небо было черным и усыпанным крупными звездами, но черный песок, уходящий в никуда, был тем не менее ярко освещен.

Пустыня. После смерти — пустыня. Пустыня. И никаких тебе преисподних. Может, еще есть надежда?

Он вспомнил песню из далекого детства. Странно, но она повествовала вовсе не о муках. Никто в ней не корчился под железными копытами. И рассказывала она не об Оме, ужасном в своей ярости. То была простая домашняя песня, внушающая неподдельный ужас своим постоянным повторением:

И ты пойдешь по наводящей грусть пустыне...

— Где я? — спросил он хрипло.

— **ЗДЕСЬ НЕТ ПОНЯТИЯ «ГДЕ»**, — ответил Смерть.

Пойдешь по ней совсем один...

— А что в конце пустыни?

— **СУДИЛИЩЕ**.

И никто не пройдет ее за тебя...

Б'ей Реж оглядел бесконечный унылый простор.

— И я пойду по ней совсем один? — прошептал он. — Но в песне говорится, что это поистине ужасная пустыня...

— **НЕУЖЕЛИ? ВПРОЧЕМ, МНЕ ПОРА, Я НЕСКОЛЬКО ЗАДЕРЖАЛСЯ ЗДЕСЬ...**

Смерть исчез.

Б'ей Реж по привычке глубоко вздохнул. Может, ему удастся отыскать пару камней. Маленький — чтобы взять в руку, а большой — чтобы спрятаться за ним, пока он будет поджидать Ворбиса...

Эта мысль пришла ему в голову тоже по привычке. Месть? *Здесь?*

Он улыбнулся.

«Прояви благоразумие. Ты же был легионером. Это просто пустыня. Сколько ты их пересек в свое время?»

И ты выжил, познавая их. В самой безжизненной пустыне обитают целые племена. Они умеют слизывать воду с теневой стороны барханов и все такое прочее... Такие пустыни они считают своим домом. Посели их на огороде, и они решат, что ты сошел с ума...»

В голове мелькнуло некое давно слышанное изречение: пустыня — это

то, что у тебя в голове, не то, что вокруг. Итак, очистим мысли и...

«Здесь нет места для лжи. Нет места притворству. Так всегда в пустынях. Остаешься только ты — и то, во что ты веришь.

А во что я всегда верил?

Я верил, что, если человек в общем и целом живет правильно, не в соответствии с тем, что твердят жрецы, а в соответствии с тем, что ему кажется пристойным и честным, в конце концов все обернется к лучшему».

Несколько запутанно для жизненного кредо. Но пустыня разом стала выглядеть более привлекательной.

Б'ей Реж отправился в путь.

Мул был невысоким, а ноги Бруты — длинными. При желании юноша мог встать и пропустить животное под собой.

Порядок процессии был не совсем таким, каковым мог представить его непосвященный. Сержант Симони и его легионеры ехали впереди, по обе стороны дороги.

За ними следовали слуги, чиновники и мелкие жрецы. Ворбис ехал позади всех, как и подобало эксквизитору, следящему за своим стадом.

А Брута ехал рядом. Впрочем, от такой чести он бы с радостью отказался. Брута относился к тем людям, которые потеют даже в морозный день, и пыль прилипала к нему, словно вторая песчаная кожа. Но Ворбис, казалось, получал какое-то извращенное удовольствие от его компании. Иногда он даже задавал ему вопросы:

— Слушай, Брута, сколько, по-твоему, миль мы уже прошли?

— Четыре мили и пять эстадо, господин.

— А откуда ты знаешь?

Ответа на этот вопрос у него не было. Откуда он знает, что небо голубое? Знает, и все тут. Невозможно думать о том, как ты думаешь. Это словно открывать сундук ломом, который заперт внутри самого сундука.

— И сколько времени это у нас заняло?

— Чуть больше семидесяти девяти минут.

Ворбис рассмеялся. Честно говоря, Брута не понял причину его смеха. Для него загадка состояла не в том, каким образом он все помнит, а в том, каким образом другие умудряются столько забыть.

— Твои предки обладали столь же блестящим даром?

Молчание.

— Они тоже все-все помнили? — терпеливо переспросил Ворбис.

— Не знаю. Я помню только бабушку. И у нее была... хорошая память.

На некоторые вещи.

Особенно на проступки.

— И хорошее зрение и слух.

То, что она могла видеть и слышать через две стены, казалось ему просто феноменальным.

Брута осторожно повернулся в седле. В миле позади над дорогой поднималось облако пыли.

— А вон и остальные легионеры, — заметил он невзначай.

Его слова, казалось, поразили Ворбиса. Возможно, впервые за несколько лет кто-то посмел обратиться к нему столь непосредственно.

— Остальные? — уточнил он.

— Сержант Актар и его люди. Всего девяносто восемь верблюдов, навьюченных бурдюками с едой, — перечислил Брута. — Я видел их перед тем, как мы выступили.

— Ты их не видел, — сказал Ворбис. — Они не с нами. И ты должен забыть о них.

— Слушаюсь, господин.

Снова просьба совершить невозможное...

Через несколько минут облако пыли сместилось с дороги и начало подниматься по пологому склону, ведущему вглубь пустыни. Некоторое время Брута тайком наблюдал за ним, а потом поднял глаза на небеса.

В небе упорно кружила какая-то точка.

Он поспешно прикрыл ладонью рот.

Но Ворбис все же расслышал его вздох.

— Тебя что-то беспокоит, а, Брута?

— Я вспомнил о Господе, — не задумываясь ответил он.

— О Господе мы всегда должны помнить. Помнить и верить, что Он сопровождает нас в этом нелегком пути.

— Конечно, он нас сопровождает, — ответил Брута, и абсолютная убежденность юноши заставила Ворбиса улыбнуться.

Брута прислушался, ожидая услышать ворчливый внутренний голос, но — тишина. На мгновение ему в голову пришла ужасная мысль: черепашка вывалилась из короба и... Но короб все так же давил на плечо.

— И мы должны нести в себе уверенность, что Господь пребудет с нами в Эфебе, среди тамошних безбожников.

— Вряд ли он нас там оставит, — ответил Брута.

— Грядет пришествие очередного пророка. Мы должны быть готовы, — продолжил Ворбис.

Облако пыли достигло вершины бархана и исчезло в безмолвных просторах пустыни.

Брута пытался забыть о нем, но с таким же успехом можно было пытаться опустошить опущенное под воду ведро.

В пустыне еще никому не удавалось выжить. Виной тому были не только бесконечные барханы и безумная жара. В самом ее центре, куда не забредали даже самые безумные кочевники, обитали ужасы ужасные. Океан без воды, голоса без ртов...

Впрочем, ближайшее будущее Бруты содержало в себе достаточно ужасов...

Он уже видел море раньше, хотя омниане море не поощряли. Возможно потому, что преодолеть пустыню значительно труднее, чем переплыть море. Пустыни не дают людям разбежаться. Но иногда препятствие в виде пустыни становилось проблемой, и тогда приходилось путешествовать по морю.

Иль-дрим представлял собой несколько жалких лачуг вокруг каменной пристани, у которой стояла трирема под священным знаменем. Путешественники от церкви были, как правило, людьми весьма высокопоставленными, а Церковь предпочитала путешествовать с шиком.

Забравшись на очередной бархан, отряд остановился.

— Мы стали мягкими, Брута. Изнеженными, испорченными, — сказал Ворбис.

— Да, господин Ворбис.

— И открытыми для пагубного влияния. Это море, Брута. Оно омывает нечестивые берега, служит источником крамольных мыслей. Люди не должны путешествовать, Брута. Истина содержится в центре. Чем дальше ты от него уходишь, тем больше ошибок совершаешь.

— Да, господин Ворбис.

Ворбис вздохнул.

— Во времена Урна мы плавали в одиночку на лодках из шкур и попадали туда, куда посылали нас Господь и ветер. Вот как должен путешествовать поистине святой человек.

Крохотная искра неповиновения, разгоревшаяся в Бруте, сообщила, мол, ради того, чтобы твои ступни и морские волны разделяли две надежные палубы, она бы, пожалуй, пошла на риск совершить пару-другую ошибок.

— Я слышал, Урн однажды доплыл до острова Эребос на мельничном жернове, — промолвил Брута для поддержания разговора.

— Нет ничего невозможного для сильного в вере, — отвечивал Ворбис.

— А ты попробовал зажечь спичку об желе?

Брута замер. Не может быть, чтобы Ворбис не услышал этот голос! Голос черепашки, казалось, раскатился по всем окрестностям.

— Это что еще за козел?

— Пошевеливайтесь, — велел Ворбис. — Нашему другу Бруте не терпится подняться на борт.

Он послал лошадь вперед.

— Где мы? Кто это такой? Здесь жарко, как в аду, можешь мне поверить, я знаю, о чем говорю.

— Я не могу сейчас разговаривать! — прошипел Брута.

— Эта капуста воняет, как какое-то болото! Я хочу салата! Немедленно дай мне листочек!

Лошадей выстроили вдоль пристани и начали по одной заводить на судно. Короб на плече Бруты принялся бешено раскачиваться. Брута заозирался с виноватым видом, но никто не обращал на него внимания. Не замечать Бруту было довольно просто. Существовали тысячи занятий куда более привлекательных, чем наблюдение за Брутой. Даже Ворбис оставил его и сейчас разговаривал с капитаном.

Брута нашел себе место на остроконечной корме, где одна из мачт с парусом загораживала его от случайных взглядов. Потом с некоторым страхом он открыл короб.

— Орлов поблизости нет? — раздался из недр панциря осторожный вопрос.

Брута посмотрел на небо.

— Нет.

Из панциря высунулась голова.

— Ты... — начала черепашка.

— Я не мог разговаривать! — попытался оправдаться Брута. — Вокруг было слишком много народу. А ты разве... разве ты не можешь брать слова прямо у меня из головы? Ты же должен уметь читать мысли.

— Мысли смертных совсем другие, — отрезал Ом. — Думаешь, слова в голове возникают как на небе? Ха! С таким же успехом можно искать смысл в куче отбросов. *Намерения* — да. *Эмоции* — да. Но не мысли. Если зачастую ты сам не знаешь, о чем думаешь, почему это должен знать я?

— Потому что ты — Бог, — резонно ответил Брута. — Бездон, глава LVI, стих 17: «Он знает о мыслях смертного, и нет от Него секретов».

— Бездон — это тот, у которого были гнилые зубы?

Брута повесил голову.

— Послушай, — сказала черепашка. — Я — это я. И я не виноват, если люди думают иначе.

— Но ты же знал о моих мыслях... Там, в саду... — пробормотал Брута.

Черепашка несколько помедлила с ответом.

— Тогда было совсем по-другому, — наконец сказала она. — Это были... не мысли. Это была вина.

— Я верую в Великого Бога Ома и Справедливость Его, — сказал Брута. — И буду продолжать верить, что бы ты там ни говорил и кем бы ты ни был.

— Приятно слышать, — горячо поддержала черепашка. — Придерживайся этих убеждений и дальше. Кстати, где мы находимся?

— На корабле, — ответил Брута. — В море, и нас болтает.

— Мы плывем в Эфеб на корабле? А чем пустыня вам не угодила?

— Ни один человек не может перейти пустыню. В ее сердце не выживает никто.

— Но я-то там выжил.

— Плавание займет всего пару дней, — успокоил Брута, и его желудок сжался, хотя судно едва отошло от пристани. — Говорят, Господь...

— ...То есть я...

— ...Послал нам попутный ветер.

— Я посылал? О да, послал. В общем, доверься мне. И не волнуйся, море будет гладким, как мельничный поток.

— Я имел в виду мельничный пруд! Мельничный пруд!

* * *

Брута словно прилип к мачте.

Некоторое время спустя рядом с ним на бухту троса опустился матрос и с интересом посмотрел на юношу.

— Можешь ее отпустить, святой отец, она сама прекрасно стоит.

— Море... Волны... — пробормотал Брута, стараясь не открывать рот, хотя блевать уже было нечем.

Матрос задумчиво сплюнул.

— Ага, — кивнул он. — Наверное, они такой формы, чтобы лучше гармонировать с небом.

— Но корабль весь трещит!

— Это ты точно подметил.

— То есть... то есть это не шторм?

Матрос вздохнул и удалился.

Через какое-то время Брута рискнул отпустить мачту. Никогда еще ему не было так плохо.

И дело было не только в морской болезни, он не понимал, где находится. А Брута всегда знал, где находится. Место, где он находится, и существование Ома были единственными несомненными фактами в его жизни.

Этим он походил на черепах. Понаблюдайте, как передвигается черепаха, и вы заметите, что периодически она останавливается, словно запоминает пройденный путь. Где-то в множественной вселенной наверняка существуют маленькие приборы передвижения, контролируемые электрическими разумными двигателями под названием «черепахи».

Брута всегда знал, где находится, — он помнил, где был до этого, постоянно подсчитывал шаги и подмечал все ориентиры. Внутри его головы находилась особая нить памяти, которая, если обратно подключить ее к тому, что управляет ногами, заставила бы Бруту пятиться назад по дорогам жизни к самому месту рождения.

Лишившись контакта с землей, эта нить оборвалась.

Ома в коробе принялось швырять из стороны в сторону и подбрасывать — это Брута неверными шагами двинулся к лееру.

Всем, за исключением юного послушника, казалось, что судно резво несется по волнам, а погода для морского путешествия стоит самая благоприятная. В кильватере — где бы это ни было — кружили морские птицы. Справа от судна из воды выскочила стайка летучих рыб, спасаясь от назойливого внимания дельфинов. Брута смотрел на серые силуэты, проскакивающие под килем, — это был мир, где никогда ничего не нужно считать, ничего не нужно делать...

— А, Брута, — привел его в чувство голос Ворбиса. — Кормишь рыб, как я посмотрю.

— Нет, господин, — ответил Брута. — Мне очень плохо, господин.

Он обернулся.

Сержант Симони — мускулистый молодой человек с непроницаемым лицом настоящего профессионального солдата — стоял рядом с каким-то человеком, в котором Брута с трудом узнал «главного морского волка» — хотя, возможно, эта должность называлась как-то по-другому. Тут же стоял улыбающийся эксквизитор.

— *Это он! Это он!* — раздался в голове Бруты панический вопль черепашки.

— Кажется, наш молодой друг не очень хороший моряк, — заметил

Ворбис.

— *Это он! Я его сразу узнал!*

— Господин, я бы предпочел вообще никогда не становиться моряком, — сказал Брута.

Короб весь затрясся от яростных прыжков.

— *Убей его! Срочно найди что-нибудь острое! Сбрось его за борт!*

— Пойдем с нами на нос, Брута, — пригласил Ворбис. — Судя по словам капитана, нам предстоит увидеть много интересного.

На лице капитана застыла глупая улыбка человека, попавшего между молотом и наковальней. И тем, и другим Ворбис владел в совершенстве.

Брута потащился за ними.

— В чем дело? — рискнул шепнуть он.

— *Это он! Лысый! Сбрось его за борт!*

Ворбис полуобернулся, увидел смущенное лицо Бруты и улыбнулся:

— Уверен, это значительно расширит наш кругозор.

Он повернулся к капитану и указал на крупную птицу, скользящую над гребнями волн.

— Альбатрос бесцельный, — с готовностью пояснил капитан. — Летает от самого Пупа до самого Кра...

Он осекся. Но Ворбис с видимым удовольствием наслаждался видом.

— Он меня перевернул на самом солнцепеке. *Ты только посмотри на его мысли!*

— От одного полюса мира до другого, — неловко закончил слегка вспотевший капитан.

— Правда? — спросил Ворбис. — Но зачем?

— Никто не знает.

— За исключением Господа, конечно, — сказал Ворбис.

Лицо капитана стало болезненно желтым.

— Разумеется. Несомненно.

— *Брута!* — орала черепашка. — *Ты меня слышишь?*

— А вон то? — спросил Ворбис.

Моряк проследил за его вытянутой рукой.

— О. Летучие рыбы, — быстро ответил он. — Хотя на самом деле летать они не умеют. Просто набирают скорость, выскакивают из воды и какое-то время планируют в воздухе.

— Одно из чудес Божьих, — кивнул Ворбис. — Бесконечное многообразие, правда?

— О да! — Волна облегчения пробежала по лицу капитана, словно шеренги дружественной армии.

— А там, внизу? — спросил эксквизитор.

— Морские свиньи, они же дельфины, — ответил капитан. — Похожи на рыб.

— Они всегда так плавают вокруг корабля?

— Часто. Особенно в водах Эфеба.

Ворбис склонился над леером и на некоторое время замолк. Симони смотрел на горизонт, лицо его было совершенно неподвижным. Это пробило брешь в разговоре, которую капитан по своей глупости попытался заполнить:

— Они будут плыть за кораблем несколько дней.

— Удивительно.

Еще одна пауза, ловчая яма тишины, готовая поглотить мастодонтов необдуманых слов. Раньше эксквизиторы орали на людей и напыщенными речами пытались выбить из них признание. Ворбис никогда так не поступал. Он просто выкапывал глубокие ямы тишины и ждал.

— Наверное, им это нравится, — сказал капитан и нервно взглянул на Бруту, который тщетно пытался заглушить черепаший вопли, заполнившие его голову.

Со стороны юноши подмоги ждать не приходилось.

Но тут ему на помощь неожиданно пришел Ворбис.

— Должно быть, это очень удобно в дальних путешествиях, — предположил он.

— Гм. Да? — не понял его капитан.

— С точки зрения снабжения продовольствием, — пояснил Ворбис.

— Мой господин, я не совсем...

— Это то же самое, что иметь походную кладовую.

Капитан улыбнулся:

— Нет, господин, мы их не едим.

— Правда? На *мой* взгляд, они выглядят вполне питательно.

— Да. Но есть старинное предсказание, мой господин...

— Предсказание?

— Говорят, что души моряков после смерти становятся...

Перед капитаном разверзлась бездна, но словесная инерция — ужасная штука, ей невозможно сопротивляться.

Тишину нарушали только волны, далекие всплески дельфинов и сотрясающий небеса стук сердца капитана.

Ворбис прислонился к лееру.

— Впрочем, — улыбнулся он, — все это не более чем предрассудки, не правда ли?

— Конечно, — ухватился за эту спасительную соломинку капитан. — Обычные моряцкие байки. Если услышу еще хоть раз, выпорю виновного как...

Ворбис посмотрел куда-то поверх его уха.

— Эй, ты! Да, я к тебе обращаюсь.

Один из матросов кивнул.

— Принеси-ка мне гарпун.

Матрос посмотрел на своего капитана, после чего поспешно удалился.

— Но, гм... но ваше преосвященство... э... а... вряд ли вам пристало утруждать себя подобным занятием, — попытался вмешаться капитан. — А... э... Гарпун — очень опасное оружие в неумелых руках. Можно серьезно пораниться и...

— Уверяю, я даже пальцем его не коснусь, — успокоил капитана Ворбис.

Капитан повесил голову и протянул руку за гарпуном.

Ворбис похлопал его по плечу.

— А затем, — сказал он, — мы славно пообедаем. Верно, сержант?

Симони отдал честь:

— Как прикажете, господин.

— Вот именно.

Брута лежал на спине среди тросов и парусов где-то под палубой. Было жарко и воняло так, словно здесь сконцентрировался весь воздух, который когда-либо бывал в трюмах кораблей.

Целый день Брута ничего не ел. Сначала он слишком плохо себя чувствовал, а потом... как-то не захотелось.

— Жестокое отношение к животным совсем не означает то, что он... плохой человек, — высказал он свое мнение, хотя по тону было понятно, что он сам не верит в свои слова.

Дельфин был таким маленьким...

— Он перевернул меня на панцирь, — напомнил Ом.

— Да, но люди главнее животных, — возразил Брута.

— Этой точки зрения часто придерживаются именно люди.

— Глава IX, стих 16 Книги... — начал было Брута.

— Да кого волнует, что говорится в этих твоих книжках?! — завопила черепашка.

Брута был потрясен.

— Но ты же сам не исключение! Ты ни разу не говорил ни одному из своих пророков о том, что люди должны быть добры с животными! —

воскликнул он. — Во всяком случае, ничего подобного я не припоминаю. Даже когда ты был... больше! Ты хочешь, чтобы люди были добры с животными вовсе не потому, что это животные. А потому, что одним из них можешь быть *ты*.

— Неплохая идея!

— Кроме того, ко мне он проявил доброту. Хотя не должен был.

— Ты так думаешь? Именно так ты и думаешь! А ты видел *мысли* этого человека?

— Конечно нет! Я не умею видеть мысли!

— Не умеешь?

— Нет! Люди не...

Брута замолчал. Судя по всему, Ворбис это умел. Ему достаточно было одного взгляда на человека, чтобы понять, какие именно нечестивые мысли он прячет. Такой же была бабушка Бруты.

— Да, люди этого не могут. Мы не умеем читать мысли.

— Я не имею в виду читать, я имею в виду *видеть*, — сказал Ом. — Видеть их форму. Мысли читать невозможно, с таким же успехом можно пытаться прочесть реку. Но увидеть их форму очень *легко*. Взять, к примеру, ведьм — именно этим они и снискали себе славу.

— «Путь ведьмы да усеян будет терниями», — важно произнес Брута.

— Урн? — уточнил Ом.

— Именно. Вот видишь, ты помнишь. Ты сам ему это сказал.

— Ничего подобного я не говорил, — с горечью произнесла черепашка. — А угадать было нетрудно. Элементарная логика.

— Как скажешь, — согласился Брута. — Я по-прежнему считаю, что ты не можешь быть Омом. Бог не стал бы отзываться так о Своих Избранных.

— Я никогда никого не избирал, — возразил Ом. — Они сами себя избрали.

— Если ты действительно Ом, тогда перестань быть черепахой.

— Говорю же, я не могу! Думаешь, я не пробовал? Три года! Все это время мне казалось, что я — простая черепаха.

— А может быть, так оно и есть. Может, ты и в самом деле черепаха, которая *думает*, что она бог.

— Нет. Оставь философию в покое. Начнешь так думать и додумаешься до того, что ты — бабочка, которой кажется, будто она прыщ. Нет. Когда-то все мои мысли были только о том, сколько мне предстоит проползти до ближайшего растения со свежими листочками и чтоб они росли пониже, а затем вдруг... Вдруг в мою голову хлынули все эти

воспоминания. О том, что было до того, как меня угораздило застрять в этом мире. И только посмей сказать, что я — обычная черепаха, которая слишком много о себе возомнила!

Брута замялся. Он понимал, что спрашивать о таком нечестиво, но ему не терпелось узнать, что это были за воспоминания. Кстати, а так ли нечестивы подобные расспросы? Если учесть, что рядом сидит сам Господь и разговаривает с тобой, можно ли произнести что-то действительно нечестивое? Почему-то подобные опасения будто бы пропадали — когда Бог находится на облаке или где-то там еще, ты куда больше боишься оскорбить его.

— Насколько я помню, — сказал Ом, — я намеревался стать большим белым быком.

— Топчушим безбожников, — кивнул Брута.

— Такое в мои изначальные планы не входило, хотя, несомненно, кое-кого следовало бы хорошенько потоптать. Или быком, или лебедем. В общем, кем-то величественным. А через три года я очнулся, и оказалось, что все это время я был черепахой. Полагаю, ниже падать некуда.

«Аккуратно, осторожно... Тебе нужна его мощь, но не следует открываться ему до конца! Главное, не рассказывай ему о своих подозрениях!»

— А когда ты стал думать... вернее, когда все это вспомнил? — с жаром поинтересовался Брута.

Забывчивость казалась странным и захватывающим феноменом, примерно так же другие люди относятся к идее полета при помощи обыкновенных взмахов руками.

— На высоте двухсот футов над твоим огородом, — ответил Ом. — Не совсем подходящее место, чтобы обрести разум, должен тебе признаться.

— Но как такое могло случиться? Как ты мог забыть, что ты — Бог? — упорно не понимал Брута. — Ведь настоящий Бог может перестать быть черепахой в любой момент!

— Сам не знаю, — соврал Ом.

«Если он обо всем додумается, мне конец, — подумал он. — Один шанс из миллиона. Если я ошибусь, все, назад к жизни, где счастье — это листик, до которого сумел дотянуться».

Часть его вопила: «Я бог! Такие мысли мне не пристали! Зависеть от обычного человечка — какой позор!»

Но другая часть, которая прекрасно помнила, что такое три года в образе черепахи, шептала: «Нет. Ты должен. Если хочешь подняться обратно. Он тупой и бестолковый, в его огромном рыхлом теле нет ни

капли амбиции. И именно с ним тебе выпала участь работать...»

Часть бога говорила: «С Ворбисом было бы проще. Рациональнее. Такой ум способен на все!»

«Он перевернул меня на спину!»

«Нет, он перевернул на спину черепаху».

«Да. Меня!»

«Нет. Ты — бог».

«Ага, бог. Застрявший в облике черепахи».

«Если бы он знал, что ты — бог...»

Но Ом еще помнил увлеченность, горящую в серых глазах Ворбиса, за которыми скрывались мысли, неотвратимые, как падающий стальной шар. Он никогда не наблюдал подобных мыслей у обычного прямоходящего существа. Ворбис был способен перевернуть на спину бога только ради того, чтобы посмотреть, а что из этого получится, нисколечки не задумываясь о последствиях, он мог перевернуть целую вселенную — так, ради того, чтобы узнать, а что произойдет, когда вселенная будет валяться на спине, суча лапками в воздухе.

Но работать предстояло с Брутой, отличавшимся пронизательностью меренги. И если Брута узнает...

Или если Брута вдруг умрет или погибнет...

— Ты как себя чувствуешь? — участливо осведомился Ом.

— Плохо.

— Залезай под парус, — строго велел Ом. — Нам только простуды не хватало.

«Должен же быть кто-то еще, — думал он. — Не может быть, чтобы он единственный...»

Конец мысли был настолько ужасен, что Ом попытался выбросить его из головы — но ничего не вышло.

«...Верил в меня.

Действительно в меня. А не в какую-то там пару золотых рогов. И не в огромное величественное здание. Не в страх перед раскаленным железом и ножами. Не в уплату храмовых податей, которые ты обязан платить, потому что так надо. А только в тот факт, что Великий Бог Ом действительно существует.

И этот единственный верующий человек связался с другим человеком, самым гнусным из тех, кого я встречал. С человеком, который убивает только ради того, чтобы полюбоваться на смерть. Этот человек чем-то похож на орла, если такое вообще возможно...»

До ушей Ома донеслось какое-то бормотание.

Брута лежал на палубе лицом вниз.
— Что ты там делаешь? — спросил Ом.
Брута повернулся к нему.
— Молюсь.
— Это хорошо. А зачем?
— Будто ты не знаешь!
— О...

Если Брута вдруг умрет...

Черепаший панцирь вздрогнул. Если Брута вдруг умрет... Черепашка явственно услышала, как свистит в ушах ветер горячей, безмолвной пустыни.

Пустыни, в которую уходят все мелкие боги.

Откуда приходят боги? И куда они уходят?

Попытка ответа на этот вопрос была предпринята религиозным философом Кууми Смельским в книге «Эго-Видео Либер Деорум», что в грубом переводе на простонародный язык означает: «Боги: Справочник Наблюдателя».

Люди утверждают, что Высший Разум просто обязан быть, иначе откуда взялась вселенная, а?

Кууми Смельский соглашался: да, Высший Разум обязан существовать. Но в связи с тем, что вселенная, мягко говоря, представляет собой хаос, напрашивается вывод, что Высший Разум вряд ли создал ее сам. Иначе, учитывая его всемогущество, он создал бы ее много лучше, вложил бы больше мысли. Возьмем в качестве случайного примера устройство обычной ноздри — разве так делают? Если выразить данную мысль другими словами, существование плохо собранных часов доказывает существование слепого часовщика.

Достаточно оглядеться, чтобы понять, насколько широк простор для всевозможных усовершенствований.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что вселенную в спешке создавала какая-то мелкая сошка, пока Высший Разум был занят другими делами. Подобным же образом по всей стране на офисной копировальной технике размножаются протоколы какой-нибудь «Ассоциации бойскаутов».

Таким образом, говорит Кууми Смельский, несколько опрометчиво направлять молитвы Создателю, потому что это может только привлечь его внимание, и тогда точно не миновать беды.

Тем не менее вокруг существует достаточное количество богов

помельче. Согласно теории Кууми, боги возникали, росли и процветали только потому, что *в них верили*. Сама вера служит пищей богам. На ранней стадии развития, когда человечество жило первобытными племенами, вероятно, существовали миллионы и миллионы богов. Сейчас их число ограничено самыми могущественными; например, местные боги грома и любви стремятся объединиться, словно капельки ртути, точно так же маленькие примитивные племена стремятся объединиться в большие примитивные племена с более мощным и сложным оружием. Боги все могут объединяться. И все боги начинают с малого. Но с возрастанием числа верующих растет и бог. И уменьшается тоже пропорционально этому числу. Все это похоже на большую игру с лестницами и змеями.

Богам нравятся игры — при условии, что выигрывают они.

Теория Кууми Смельского была основана на старой доброй ереси познания, которая имеет тенденцию появляться в множественной вселенной повсеместно, где люди поднимаются с колен и начинают думать дольше двух минут подряд (а некоторая извращенность подобных теорий объясняется тем, что когда резко поднимаешься, какое-то время мир перед глазами плывет). Всякие ереси познания имеют обычай крайне расстраивать священнослужителей, которые выражают свое неудовольствие вполне традиционными методами.

Прознав о теории Кууми, омнианская церковь постаралась провести его по всем городам своей церковной империи, дабы продемонстрировать явную ущербность его доказательств.

Однако городов было много, всюду не поспеешь, поэтому философа пришлось порубить на очень мелкие кусочки.

По небу неслись рваные облака. Паруса трещали на ветру, и до Ома доносились возбужденные крики матросов, пытавшихся увести судно от шторма.

Шторм обещал быть сильным — даже по моряцким стандартам. Волны венчали белые гребни пены.

Брута мирно храпел в своем гнездышке.

Ом прислушался к матросам. Эти люди не привыкли к сложным логическим построениям. Кое-кто убил дельфина, и все понимали, что это означает. Это означает, что начнется сильный шторм. Это означает, что корабль потерпит крушение и утонет. Причина-следствие. Много хуже, чем какая-то женщина на борту. И куда хуже, чем альбатросы.

Интересно, умеют ли сухопутные черепахи плавать, подумал Ом. Морские могут, в этом он был совершенно уверен. Но у тех сволочей

имеется специальный панцирь.

Было бы слишком просить (если б даже было кого), чтобы тело, предназначенное для ковыляния по пустыне, обладало какими-то гидродинамическими свойствами, отличными от тех, которые необходимы, чтобы камнем пойти на дно.

Ах да. Об этом можно не беспокоиться. Он еще бог. Значит, у него есть *права*.

Ом соскользнул с бухты троса, осторожно подполз к краю раскачивающейся палубы и прижался панцирем к какой-то деревяшке, чтобы иметь возможность смотреть на бушующие волны.

А затем заговорил голосом, не слышным обычным смертным.

Некоторое время ничего не происходило. Потом одна из волн поднялась выше других и принялась расти. Вода устремилась вверх, словно заливая невидимую форму. Это был гуманоид — но только потому, что так волне захотелось. С таким же успехом море могло принять форму водосточной трубы или брандспойта. Море всегда было могущественным. В него верит огромное количество народу. Но оно редко отвечает на мольбы.

Водяной силуэт поднялся до уровня палубы и приблизился к Ому.

Потом появилось лицо и открылся рот:

— Ну?

— Приветствую тебя, о Королева, — начал было Ом.

Водянистые глаза уставились на него.

— Всего лишь мелкий божок... Как ты посмел вызвать *меня*?

Ветер завывал в такелаже.

— У меня есть верующие, значит, я имею право.

Пауза длилась недолго. Потом Морская Королева ответствовала:

— *Один* верующий.

— Один или много — не имеет значения, — возразил Ом. — У меня есть права.

— И что же ты требуешь, маленькая черепашка? — спросила Морская Королева.

— Спаси наш корабль, — откликнулся Ом.

Королева промолчала.

— Ты должна выполнить мою просьбу, — указал Ом. — Таковы правила.

— Но я могу назвать цену, — напомнила Морская Королева.

— Да, таковы правила.

— И она будет высокой.

— Я отплачу сполна.

Колонна воды начала оседать в море.

— Я подумаю.

Ом смотрел вниз на белые волны. Корабль качался, заставляя его скользить по палубе. Передней лапкой Ом ухватился за какую-то доску, край панциря занесло, и задние лапки беспомощно заерзали над водой.

А потом Ом сорвался.

Но в самый последний момент к нему метнулось нечто белое, и он недолго думая изо всех сил вцепился в эту штуквину челюстями.

Брута закричал и вскинул руку с болтавшимся на пальце Омом.

— А кусаться-то зачем?

Корабль налетел на волну и бросил юношу палубу. Ом откатился в сторону.

Поднявшись на ноги, вернее на четвереньки, Брута увидел окруживших его матросов. Когда на палубу накатилась очередная волна, двое членов команды схватили его под локти.

— Что вы делаете?

Они, стараясь не смотреть юноше в глаза, тащили его к лееру.

А где-то около шпигата — во всяком случае, эта штуквина так и напрашивалась, чтобы ее назвали шпигатом — Ом кричал Морской Королеве:

— Таковы правила! *Правила!*

Бруту держали уже четыре матроса. Ому мерещилось, что грохот моря начало окутывать безмолвие пустыни.

— Подождите, — взмолился Брута.

— Поверь, ничего личного, — сказал один из матросов. — Нам совсем не хочется это делать.

— Вот и мне тоже, — кивнул Брута. — Это как-нибудь помогает разрешить ситуацию?

— Море желает чью-нибудь жизнь, — отозвался самый старый и опытный матрос. — Ты оказался ближе всех. Ну, берите его за...

— Могу я хотя бы примириться со своим Богом?

— Что?

— Если вы собираетесь меня убить, могу я хотя бы помолиться Господу напоследок?

— И вовсе мы тебя не убиваем, — возразил матрос. — Тебя убьет море.

— «Рука, совершившая деяние, повинна в преступлении», — процитировал Брута. — Урн, глава LVI, стих 93.

Матросы переглянулись. В такое время вряд ли стоит настраивать против себя каких бы там ни было богов. Корабль покатился вниз с гребня очередной волны.

— У тебя есть десять секунд, — наконец ответил самый старый моряк. — И это ровно на десять секунд больше, чем у многих на моей памяти.

Брута лег на палубу, причем в значительной степени ему в этом помогла ударившая в борт волна.

К своему удивлению, Ом вдруг услышал молитву. Слов он не различал, но сама молитва очень походила на зуд в мозгу.

— Не проси меня ни о чем, — пробормотал он, пытаясь подняться. — Все, что можно, я уже сделал...

Корабль шлепнулся вниз...

...В тихое море.

Шторм все еще свирепствовал, но корабль находился ровно посередине широкого круга абсолютно спокойной воды. Молнии, бившие в море, окружали их словно прутья огромной клетки.

Круг постепенно принялся удлиняться, и корабль теперь скользил по узкому мирному каналу, а по бокам вздымались серые стены шторма в милю высотой. Над головами бушевал электрический огонь.

А потом все исчезло.

Позади в море удалялась серая гора. Они слышали, как постепенно затихает гром.

Несколько неуверенно, раскачиваясь из стороны в сторону, чтобы уравновесить несуществующую качку, Брута поднялся на ноги.

— Вот теперь я... — начал было он.

Он был один. Матросы разбежались и попрятались.

— Ом? — позвал Брута.

— Я здесь.

Брута вытащил своего Бога из кучи водорослей.

— А говорил, что ничего не можешь сделать! — укоризненно воскликнул он.

— Это не я... — Ом замолчал.

«Расплата грядет, — подумал он. — И цена будет высокой. Другой она быть не может. Морская Королева — богиня. В свое время я разрушил несколько городов. Священный огонь и всякое такое. Цена обязана быть высокой — иначе не будут уважать».

— В общем, я кое с кем договорился, — неопределенно выразился он.

Приливные волны. Затопленный корабль. Пара городов, исчезнувших

под водой. Что-то вроде этого. Нет уважения — нет страха, а если тебя не боятся, как ты заставишь людей верить в тебя?

Правда, есть некоторая несправедливость. Один человек убил дельфина. Конечно, Морской Королеве все равно, кого бросят за борт, — точно так же, как ему было все равно, какого именно дельфина убьют. Вот где кроется несправедливость — ведь это Ворбис во всем виноват. Он заставил людей сделать то, что они не должны были делать, и...

«О чем это я думаю? Перед тем как стать черепахой, я знать не знал, что такое „несправедливость“...»

* * *

Открылись крышки люков. На палубу вылезли люди, подошли к лееру. Нахождение на палубе во время шторма связано с риском быть смытым за борт, зато как приятно выйти на нее после нескольких часов пребывания в трюме вместе с испуганными лошадьми и страдающими морской болезнью пассажирами.

Шторм убрался восвояси. Корабль рассекал волны, подгоняемый попутным ветром, над головой распростерлось ясное небо, а море было лишено жизни, словно выжженная солнцем пустыня.

Потянулись бедные на события дни. Большую часть времени Ворбис проводил внизу.

К Бруте команда относилась с осторожным уважением. Такие новости распространяются быстро.

Берег представлял собой сплошную вереницу дюн, иногда встречались солончаки. Жаркое марево повисло над землей. Не было видно ни единой морской птицы. Исчезли даже те, которые всегда сопровождали корабль и питались объедками.

— И никаких тебе орлов, — с довольством констатировал Ом.

Что тут еще сказать?

Ближе к вечеру четвертого дня безрадостную панораму берега нарушили вспышки света высоко в дюнах. Они появлялись в каком-то определенном ритме. Капитан, лицо которого выглядело так, будто сон не всегда был его регулярным ночным товарищем, подозвал Бруту.

— Его... ваше... в общем, дьякон приказал мне ждать этого сигнала. Пойди и позови его немедленно.

Каюта Ворбиса находилась рядом с днищем, воздух здесь был густым, как разбавленный сироп. Брута постучал в дверь.

— Войдите^[5].

Иллюминаторов в каюте не было. Ворбис сидел в темноте.

— Да, Брута.

— Капитан послал меня за вами, господин. Какое-то свечение в пустыне.

— Хорошо. А теперь, Брута, слушай внимательно. У капитана есть зеркало. Ты попросишь его у него.

— Э... А что такое зеркало?

— Дьявольский и запретный прибор, — ответил Ворбис, — который мне приходится использовать для богоугодного дела. Капитан наверняка будет все отрицать. Но человек с такой аккуратной бородкой и крошечными усиками отличается самовлюбленностью, а самовлюбленный человек просто обязан иметь зеркало. Итак, возьми его. Встань на солнце и направь зеркало так, чтобы солнечный свет отражался в пустыню. Ты понял меня?

— Нет, господин.

— Неведение — твоя защита, сын мой. Потом возвращайся — расскажешь, что ты увидел.

Ом дремал на солнышке. Брута подыскал ему уютное местечко на самом конце кормы, где Ом мог нежиться без риска быть увиденным командой. Впрочем, матросы пребывали в сильном нервном напряжении, поэтому особо не шатались по судну в поисках неприятностей.

Черепашка видит сны...

...Возраст которых превышает миллионы лет.

То было время сновидений. Еще не сформировавшееся время.

Мелкие боги щебетали и жужжали, наводняя все пустынные места, холодные места и глубокие места. Они кишели в темноте, не имея памяти, но ведомые надеждой и жаждой одной единственной вещи, которой жаждут все боги, — *веры*.

В глубоком лесу не было средних деревьев, были только гигантские, кроны которых целиком закрывали небо. Внизу, во мраке, света хватало только для мхов и папоротников. Но когда такой гигант падал, оставляя после себя свободное место... сразу начиналось состязание между растущими рядом деревьями-великанами, которые надеялись расширить свои владения, и чахлыми молодыми деревцами, которые стремились побыстрее вырасти.

Впрочем, иногда ты должен сам освободить себе пространство.

От пустыни до леса было очень далеко. Безымянный голос, которому предстояло стать Омом, дрейфовал на границе пустыни и всячески пытался

сделать так, чтобы его услышали среди прочих бесчисленных голосов, чтобы его не затолкали в самый центр. Он мог летать так миллионы лет, потому что у него не было ничего, чем измеряют время. А были у него лишь надежда и определенное чувство присутствия вещей. И еще голос.

А потом настал день. В некотором смысле то был первый день. Ом знавал этого пастуха долгое вре... в общем, какой-то срок. Отара подходила все ближе и ближе. Дожди здесь шли редко. Корма было мало. Голодные рты толкали голодные ноги все дальше в горы, в поисках небольших проплешин до сей поры отвергаемой пожухлой травы.

Это были овцы, возможно, самые тупые животные во всей множественной вселенной, за исключением разве что уток. Но даже их примитивный мозг не улавливал божий глас — просто овцы никогда никого не слушают.

Однако был еще ягненок. Он чуть отбился от отары, а Ом позаботился о том, чтобы он еще больше отстал. Обошел вокруг камня. Направился вниз по склону. Свалился в расщелину.

Его блеяние привлекло мать.

Расщелина была хорошо скрыта от глаз, и овца, забравшись в нее, удовольствовалась тем, что нашла своего ягненка. Она не видела никакой причины блеять, даже когда пастух стал бродить по скалам, звать ее, ругаться и молить. У пастуха была сотня овец, и его готовность провести несколько дней в поисках одной из них могла бы показаться удивительной, но эта сотня была у него как раз потому, что он относился к тем людям, которые готовы потратить несколько дней на поиски одной-единственной овцы.

Голос, которому предстояло стать Омом, ждал.

Был вечер второго дня, когда он спугнул выводок куропаток, гнездившихся рядом с расщелиной, и случилось это как раз в тот момент, когда рядом проходил пастух.

Чудом это можно было назвать с большой натяжкой, но для пастуха и этого было достаточно. Он сложил пирамидку из камней и на следующий день привел к расщелине всю отару. Потом пастух прилег отдохнуть в полуденный зной, и Ом заговорил с ним, заговорил внутри его головы.

Три недели спустя с подачи жрецов Ур-Гиладель, который тогда являлся главным богом этой местности, пастух был забит камнями. Но жрецы опоздали. У Ома уже насчитывалась сотня верующих, и число их постоянно росло...

Всего в миле от той расщелины паслось стадо коз. Лишь незначительная неровность местности стала причиной того, что первым

человеком, услышавшим голос Ома и давшим ему представление о людях, был пастух овец, а не коз. Эти люди смотрели на мир по-разному, и вся история могла бы получить другое продолжение.

А все потому, что овцы глупы, и их надо погонять, а козы умны, и их надо вести.

«Ур-Гиладш... — думал Ом. — Ах, какие это были времена... Когда Урн и его последователи ворвались в храм, разрушили алтарь, а жрица выбросили в окно на растерзание диким собакам, что было правильным решением вопроса...» А потом были громкие причитания, топот множества ног, и последователи Ома разожгли костры среди полуразрушенных стен Гиладша, как предрек пророк — и хотя свое пророчество он сделал всего за пять минут до этого, как раз когда люди отправились искать дерево для растопки, все согласилось, пророчество — это пророчество, и никто не говорил, что надо ждать непонятно сколько времени, дабы оно сбылось.

Великие времена, великие дни. Каждый день свежие новообращенные. Расцвет Ома был неотвратим...

Он внезапно проснулся.

Старина Ур-Гиладш. Кажется, он отвечал за погоду. Да. Нет. Или он был одним из обычных гигантских богов-пауков? Что-то вроде того. Интересно, что с ним произошло?

«А что произошло со мной? И как это произошло? Висишь себе в астральных плоскостях, плывешь по течению, наслаждаешься ритмом вселенной, думаешь, что все эти, ну вы понимаете, люди свято веруют в тебя там, внизу, иногда спускаешься, чтобы расшевелить их немножко, а потом вдруг бац!.. И ты черепаха. Это все равно что войти в банк и узнать, что все твои денежки ухнули благодаря проискам какого-то афериста. Ты спускаешься вниз в поисках удобного ума, а оказываешься черепахой, и совершенно нет силы, чтобы перестать таковой быть.

Три года жизни, когда смотришь снизу вверх буквально на все...»

Старый Ур-Гиладш? Наверное, болтается где-нибудь в виде ящерицы с одним единственным отшельником-верующим. А скорее всего, его сдуло в пустыню. Для мелкого божка один-единственный шанс и то невероятное везение.

Что-то было не так. Правда, Ом не мог ткнуть пальцем, что именно, — и не только потому, что у него не было этого самого пальца. Боги поднимаются и опускаются, как кусочки лука в кипящем супе, но на *этот* раз все было по-другому. На этот раз что-то пошло не так...

Он вытеснил Ур-Гиладша. И поделом ему. Закон джунглей. Но ему-то

никто не угрожал...

А где Брута?

— Брута!

Брута считал вспышки света с берега.

— Как удачно, что у меня оказалось зеркало, правда? — с надеждой в голосе спрашивал его капитан. — Надеюсь, его преосвященство не поставит мне это в вину, ведь оно пришлось так кстати...

— По-моему, он считает иначе, — ответил Брута, не сводя глаз со вспышек.

— Вот и мне так кажется, — уныло согласился капитан.

— Семь, а потом четыре.

— Я попаду в квизицию, — пожаловался капитан.

Брута уже собирался сказать: «Так возрадуйся же тому, что душа твоя наконец очистится», — но передумал. Сам не зная почему.

— Э-э, сочувствую, — промолвил он вместо этого.

Маска удивления на мгновение скрыла печаль капитана.

— Обычно вы говорите что-нибудь об очищении души, которому так способствует квизиция, — сказал он.

— Очистить душу никогда не мешает.

Капитан внимательно следил за его лицом.

— Знаешь, а он ведь плоский, — тихо промолвил он. — Я плавал по Краевому океану. Он — плоский, и я видел Край. И движение. Не Края, а там, внизу. Мне могут отрубить голову, но она... она движется!

— Но для тебя она скоро может перестать двигаться, — ответил Брута. — На твоём месте, капитан, я бы более тщательно выбирал себе собеседников.

Капитан наклонился ближе.

— И все-таки Черепаха Двигается! — прошипел он и бросился бежать.

— Брута!

Вина заставила Бруту резко выпрямиться, так изгибается пойманная на крючок рыбешка. Он быстро обернулся и облегченно вздохнул. Это был не Ворбис, а всего лишь Бог.

Он прошлепал к мачте. Ом свирепо взирал на него единственным оком.

— Да?

— Ты совсем меня забросил, — изрекла черепашка. — Понимаю, ты очень занят... — И добавила язвительно: — Мог бы хотя б разок помолиться.

— Утром я тебя навещал. Пошел к тебе, сразу как проснулся, — возразил Брута.

— Я голоден.

— Вчера вечером ты съел кожуру целой дыни.

— А кто съел дыню, м-м?

— Это не он, — сказал Брута. — Он ест только черствый хлеб и запивает его простой водой.

— А почему он не ест свежий хлеб?

— Потому что ждет, когда тот зачерствеет.

— Ага, так я и думал, — кивнула черепашка. — Очень логично.

— Ом?

— Что?

— Капитан только что сообщил мне нечто странное. Он сказал, что мир — плоский и у него есть Край.

— Да? Ну и что?

— Но, то есть мы-то знаем, что мир — круглый, ведь...

Черепашка мигнула.

— Это не так, — сказала она. — Кто сказал, что мир — круглый?

— Ты сам и сказал, — ответил Брута и добавил: — В Первой Книге Семикнижья, если ей, конечно, можно верить.

«Раньше я никогда не ставил это под сомнение, — подумал он. — Во всяком случае, никогда так не говорил».

— Почему капитан вдруг решил рассказать мне об этом? — спросил он. — Нормальной беседой это не назовешь.

— Говорю тебе, этот мир создал не я, — вздохнул Ом. — Зачем мне было это делать? Он уже был создан. Но если б я и создал мир, то круглым бы его ни за что не сделал. Люди стали бы с него падать. И все море вылилось бы до дна.

— Не вылилось бы, если бы ты приказал ему остаться.

— Ха! Вы только послушайте его!

— Кроме того, сфера — это идеальная форма, — не сдавался Брута, — потому что в книге...

— Не вижу ничего особенного в сфере, — пожала плечами черепашка. — Если подумать, черепаха — вот идеальная форма.

— Идеальная форма для чего?

— Ну, во-первых, это идеальная форма для морской черепахи. Если бы она имела форму мяча, то постоянно выпрыгивала бы на поверхность, как какой-нибудь пузырь.

— Говорить, что мир — плоский, это ересь, — указал Брута.

— Возможно, но это правда.
— И он действительно покоится на спине гигантской черепахи?
— Он действительно там покоится.
— В таком случае, — торжествующе сказал Брута, — на чем стоит сама черепаха?

Черепашка непонимающе уставилась на него.

— Ни на чем она не стоит, — наконец фыркнул Ом. — Ради всего святого, это *морская* черепаха. Она плывет. Именно для этого черепахи и предназначены.

— Я... э... думаю, я лучше пойду, доложу Ворбису о том, что увидел, — пробормотал Брута. — Если его заставлять ждать, он становится чересчур спокойным. Зачем я тебе был нужен? После ужина постараюсь принести тебе что-нибудь перекусить.

— Ты как себя чувствуешь? — участливо спросила черепашка.

— Очень хорошо, спасибо.

— Питаешься нормально и все такое прочее?

— Да, спасибо.

— Очень рад это слышать. А теперь беги. Я просто хотел сказать, я ведь твой Бог, как-никак, — крикнул Ом вслед убегающему Бруте. — И ты мог бы навещать меня почаще!

— И молиться погромче. Мне надоело напрягаться, чтобы тебя расслышать! — уже во весь голос проорал он.

* * *

Ворбис все еще сидел в своей каюте, когда запыхавшийся Брута постучал в его дверь. Ответа не последовало. Подумав немного, Брута решил войти.

Никто не видел, чтобы Ворбис читал. Он писал, это было очевидно, хотя бы по знаменитым Письмам — впрочем, этого тоже никто не видел. Оставаясь один, он проводил время, уставившись в стену или лежа ничком в молитве. Ворбис умел унижать себя в молитве так, что позы одержимых жадной власти императоров выглядели по меньшей мере рабскими.

— Гм, — смущенно произнес Брута и попытался закрыть дверь.

Ворбис раздраженно махнул рукой и встал. Он даже не стал отряхивать пыль с рясы.

— Знаешь, Брута, — сказал он. — В Цитадели не найдется ни единого человека, который посмел бы прервать мою молитву. Квизиции боятся все.

Кроме тебя, как мне кажется. Ты боишься квизиции?

Брута смотрел в черные зрачки глаз с черными белками. А Ворбис глядел на круглое розовое лицо. Лица людей, говорящих с эксквизитором, обычно принимали особое выражение. Они становились тупыми, лишенными всяких чувств и немного блестели, поэтому даже эксквизитор-недоучка легко мог прочесть на них плохо скрытую вину. Брута выглядел запыхавшимся, но паренек почти всегда таким выглядел. Это было просто поразительно.

— Нет, господин, — ответил он.

— Нет?

— Квизиция защищает нас, господин. Так писал Урн, глава VII, стих...

Ворбис склонил голову набок.

— Я знаю, что он писал. Но ты когда-нибудь задумывался, что квизиция ведь может и ошибаться?

— Нет, господин.

— Но почему нет?

— Не знаю, господин Ворбис. Просто никогда не задумывался.

Ворбис сел за маленький письменный стол, который представлял собой доску, откидывающуюся от стены каюты.

— И ты прав, Брута, — кивнул он. — Потому что квизиция ошибаться не может. Все идет так, как того желает Бог. Невозможно представить, чтобы мир развивался по-другому, верно?

В сознании Бруты на мгновение всплыл образ одноглазой черепашки.

Брута никогда не умел врать. Истина порой казалась столь непостижимой, что он не видел причин еще больше усложнять ситуацию.

— Так учит нас Семикнижье, — пробормотал он.

— Если есть наказание, всегда есть преступление, — продолжал Ворбис. — Иногда они меняются местами, и преступление следует за наказанием, но это лишь доказывает предвидение Великого Бога.

— Так всегда говорила моя бабушка, — машинально произнес Брута.

— Правда? Расскажи мне еще об этой поразительной женщине.

— Она всегда порола меня по утрам, так как, по ее мнению, в течение дня я обязательно совершу что-нибудь, заслуживающее порки.

— Вот оно, наиболее *полное* понимание природы человека, — согласился Ворбис, подпирая голову ладонью. — Если бы не ее пол, этот маленький недостаток, из нее получился бы превосходный инквизитор.

Брута кивнул. О да, несомненно.

— А теперь, — промолвил Ворбис тем же мерным голосом, — расскажи, что видел в пустыне.

— Э... Было шесть вспышек, затем пауза, длившаяся пять ударов сердца. Затем восемь вспышек. Еще одна пауза, и еще две вспышки.

Ворбис задумчиво кивнул.

— Три четверти, — подвел итог он. — Хвала Великому Богу. Он опора и поводырь в трудные времена. Можешь идти.

Брута и не надеялся на то, что ему объяснят значение вспышек, поэтому не стал ни о чем расспрашивать. Вопросы задает квизиция. Именно этим она и знаменита.

На следующий день судно обогнуло мыс, вошло в Эфебскую бухту, и город появился перед ними белой кляксой, которую время и постоянно сокращавшееся расстояние вскоре превратили в ослепительно белые дома, усыпавшие гору.

Сержант Симони не отрывал от города глаз. За время путешествия Брута не обменялся с легионером и парой слов. Дружба между духовенством и военными не поощрялась; среди легионеров наблюдалась явная тенденция к *нечестивости*...

Команда начала подготовку к заходу в порт, Брута снова был предоставлен самому себе и мог внимательно понаблюдать за сержантом. Большинство легионеров не отличалось аккуратностью и грубо относилось к младшему духовенству. Симони был другим. Кроме всего остального он просто сиял. Его нагрудник слепил глаза. А кожа была такой, словно ее чистили щеткой с мылом.

Сержант стоял на носу, пристально наблюдая за приближающимся городом. Необычно было видеть его без Ворбиса. Где бы ни находился Ворбис, сержант всегда стоял рядом, рука на мече, внимательно осматривая все вокруг... в поисках чего?

И всегда молчал, если к нему никто не обращался. Брута попытался проявить дружелюбие.

— Выглядит очень... белым, правда? — спросил он. — Город. Очень белый. Да, сержант Симони?

Сержант медленно повернулся и посмотрел на Бруту.

Взгляд Ворбиса наводил ужас. Ворбис смотрел прямо в голову, искал скрытые там грехи, а вы сами интересовали его только в качестве их носителя. Но взгляд Симони был пронизан чистой, простой ненавистью.

Брута сделал шаг назад.

— О... Прошу прощения, — пробормотал он и уныло отошел к корме, чтобы не попадаться легионеру на глаза.

А вскоре легионеров станет еще больше...

Эфебы уже ждали их. Солдаты выстроились на набережной и держали оружие так, словно ждали от вновь прибывших чего угодно, только не мирных переговоров. Солдат было много.

Брута тащился следом за остальными, а в голове его зудел черепаший голос:

— Итак, эфебы хотят мира, верно? — спрашивал Ом. — А вот мне так не кажется. Не похоже, что мы будем диктовать свои условия побежденной, сломленной армии. Скорее, это мы получили взбучку и не желаем ее повторения. И, по-моему, это мы просим мира. По крайней мере, у меня создается такое впечатление.

— В Цитадели все говорят, что мы одержали славную победу, — возразил Брута.

Он только что открыл в себе способность разговаривать, почти не шевеля губами. Ом, казалось, понимал его слова, как только они достигали голосовых связок.

Впереди за дьяконом тенью следовал сержант Симони, подозрительно рассматривавший каждого эфебского стражника.

— Самое смешное, — продолжал Ом, — кто-кто никогда не кричит о славных победах, так это победители. Потому что именно они видят, на что похоже поле битвы после ее окончания. Славными победами хвастаются только побежденные.

Брута не знал, что и сказать.

— Что-то не похоже на речь бога, — вымолвил он наконец.

— Это черепаший мозг все портят.

— Что?

— Ты что, ничего не понимаешь? Тела предназначены не только для того, чтобы содержать твой мозг. Форма влияет на мышление. Во всем виновата эта вездесущая морфология.

— Что?

Ом вздохнул:

— Если я не сосредоточиваюсь, то начинаю думать как типичная черепаха.

— То есть медленно?

— Нет! Все черепахи крайне циничны. Всегда ожидают самого худшего.

— Почему?

— Ну, не знаю. Наверное, горький опыт подсказывает.

Брута разглядывал Эфеб. По обе стороны дипломатической колонны маршировали стражи в шлемах с перьями, похожими на хвосты

испуганных лошадей. С обочины на гостей смотрели несколько граждан Эфеба. Выглядели они удивительно похожими на сограждан Бруты, а не каких-то там двуногих монстров.

— Они — люди, — удивился он.

— Пятерка тебе за сравнительную антропологию.

— А брат Ньюрод говорил, что эфебы едят человеческое мясо, — вспомнил Брута. — А он никогда не лжет.

Маленький мальчик задумчиво разглядывал Бруту и самозабвенно ковырялся в носу. Если это и был демон в человеческом обличье, то актером он был превосходным.

Вдоль дороги через равные промежутки стояли постаменты со статуями. Брута раньше никогда не видел статуй, за исключением, конечно, статуй семиархов, но эти были совсем другими.

— Кто это? — спросил Брута.

— Ну, пузатый в тоге — это Тувельпит, Бог Вина. В Цорте его называют Смитто. Та девка с прической — Богиня Любви Астория. Полная дура. А вон тот страшный — Бог-Крокодил Оффлер. Но этот парень не местный, клатчский, однако, прослышав о нем, эфебы решили, что он им вполне подходит. Обрати внимание на зубы. Хорошие зубки. Классные зубки. А та с прической, похожей на змеиную яму...

— Ты говоришь так, словно они настоящие.

— Они и есть настоящие.

— Нет бога, кроме тебя. Ты сам сказал это Урну.

— Я несколько преувеличил. Но они, конечно, не так хороши, как я. Тоже мне бог — все время сидит и играет на флейте или гоняется за доярками! Я бы не назвал такое поведение божественным. А ты бы назвал? Лично я — нет.

Дорога круто поднималась, огибая каменистый холм. Казалось, большая часть города была построена на каменистых выступах или выдолблена в самой скале, таким образом внутренний пол одного жилища являлся крышей другого. Дороги скорее напоминали низкие ступени, не представлявшие никаких неудобств для людей или ослов, но убийственные для повозок. Эфеб был городом пешеходов.

Люди наблюдали за процессией молча, как и статуи богов. В Эфебе богов было не меньше, чем в иных городах — крыс.

Брута взглянул на лицо Ворбиса. Эксквизитор смотрел прямо вперед. Интересно, что он видит...

Все вокруг было настолько странным и незнакомым!

И, разумеется, дьявольским. Хотя каменные боги нисколько не

походили на демонов, Брута словно наяву услышал голос брата Ньюрода, говоривший, что именно это и делает их еще более демоническими. Грех подкрадывается к тебе, прикинувшись волком в овечьей шкуре.

У одной из богинь, как заметил Брута, были серьезные проблемы с одеждой; если бы ее увидел брат Ньюрод, он бы сразу поспешил куда-нибудь в уединенное место, чтобы отдохнуть там чуток.

— Это Петулия, Богиня Продажного Расположения, — пояснил Ом. — Почитается дамами ночи — ну и любого другого времени суток, если ты меня понимаешь.

Брута в изумлении открыл рот.

— У них и для *крашенных распутниц* есть специальная богиня?

— А почему нет? Очень набожные люди, понимаю. Любят они... это, того... в общем-то, кто не прочь полюбоваться на... Послушай, вера есть вера, и разбрасываться ей не стоит. Какая-никакая, а специализация. Безопасность... Минимальный риск, гарантированный доход. Возьмем, к примеру, бога, покровительствующего салату. Я не имею в виду, что все боги просто мечтают стать покровителями салата. Ты просто находишь деревню, занимающуюся выращиванием салата, и зависаешь там. Боги грома приходят и уходят, но именно к тебе обращаются люди при каждом нашествии салатной мушки. Нужно отдать... гм... должное Петулии. Она нашла хорошую нишу на рынке и заполнила ее.

— А что, Бог Салата действительно существует?

— А почему он не должен существовать? Можно быть богом чего угодно, главное — чтобы как можно больше людей в тебя верили...

Ом резко замолчал — интересно, понял ли Брута то, что он случайно сказал? Но голова Бруты была занята другими мыслями.

— Это неправильно. Нельзя так относиться к людям, ведь... Ой.

Брута наткнулся на спину одного из поддьяконов. Отряд остановился, потому что остановился эфебский эскорт, но в основном потому, что по улице бежал человек.

Он был довольно стар и во многих аспектах напоминал жабу, которую долго-долго высушивали. Что-то в его облике заставило бы вас вспомнить словечко «шустрый», но в настоящий момент скорее всего напрашивались описания «в чем мать родила» и «промокший до костей», причем оба понятия полностью соответствовали действительности. Правда, он был в бороде. Такую бороду, как была у него, можно легко использовать как плащ-палатку.

Нисколечки не смущаясь, человек пронесся по улице и затормозил у гончарной лавки. Гончара явно не взволновал тот факт, что к нему

обращается какой-то голый и мокрый тип. На самом деле никто на улице не обращал на человечка ни малейшего внимания.

— Будь добр, горшок номер девять и веревку, — рявкнул старик.

— Сию секунду, господин Легибий.

Гончар достал из-под прилавка полотенце. Старик с рассеянным видом принял его. У Бруты сложилось впечатление, что подобное происходит не в первый раз.

— А также рычаг бесконечной длины и надежную точку опоры, — продолжил Легибий, вытираясь.

— У меня есть только то, что ты видишь, господин. Горшки и обычные хозяйственные товары, аксиоматические механизмы сейчас в дефиците.

— А кусочек мела у тебя имеется?

— Остался с прошлого раза, — ответил гончар.

Старичок взял мел и принялся чертить на ближайшей стене треугольники. Потом взгляд его случайно упал вниз.

— Почему на мне нет одежды? — осведомился он.

— Мы снова принимали ванну? — спросил гончар.

— Я оставил одежду в ванне?

— Думаю, когда ты был в ванне, тебе пришла в голову очередная замечательная идея, — подсказал гончар.

— Правильно! Правильно! Мне пришла в голову прекрасная идея, как перевернуть мир! — воскликнул Легибий. — Простой принцип рычагов. Должен работать идеально. Осталось только уточнить технические детали.

— Замечательно. Зимой можно будет туда, где теплее, — согласился гончар.

— Могу я одолжить у тебя полотенце?

— Оно и так твое, господин Легибий.

— Правда?

— Ты забыл его здесь в прошлый раз. Помнишь? Когда тебе в голову пришла идея устройства маяка?

— Чудесно, чудесно. — Легибий завернулся в полотенце и провел на стене еще несколько линий. — Замечательно. Я пришлю кого-нибудь забрать стену.

Он обернулся и, казалось, только что заметил омниан, присмотрелся и пожал плечами.

— Гм-м, — только и сказал он и зашагал прочь.

Брута подергал за плащ одного из эфебских солдат.

— Прошу прощения, но почему мы остановились?

— Мы обязаны уступать дорогу философам, — пояснил солдат.

— А кто такой философ? — спросил Брута.

— Тот, у кого хватило ума подыскать себе непыльную работенку, не связанную с подъемом тяжестей, — раздался голос в его голове.

— Безбожник в поисках справедливой участи, которой он, несомненно, заслуживает, — отвечивал Ворбис. — Выдумщик заблуждений. Они слетаются в этот проклятый город, как мухи на навозную кучу.

— На самом деле все дело в климате, — пояснила черепашка. — Сам подумай. Если у тебя есть склонность выпрыгивать из ванны и бежать по улице каждый раз, когда в голову приходит блестящая идея, вряд ли ты захочешь жить в холодном климате. Если бы такие люди жили в холодном климате, они бы давно вымерли. Обычный естественный отбор, не более. Эфеб знаменит своими философами. Это даже лучше, чем уличный театр.

— Что лучше — толпа стариков, бегающая по улицам без одежды? — едва слышно произнес Брута, когда колонна двинулась дальше.

— Вроде того. Проводя все свое время в раздумьях о проблемах вселенной, о менее значительных вещах ты просто забываешь. Например, о штанах. Девяносто девять из ста идей оказываются совершенно бесполезными.

— Почему же никто не додумался надежно запереть их где-нибудь? — спросил Брута. — Лично мне кажется, что они никакой пользы не приносят.

— Потому что сотая идея, — сказал Ом, — обычно бывает гениальной.

— Что?

— Видишь ту высокую башню на скале?

Брута поднял глаза. На самом верху башни металлическими полосами был закреплен сверкающий на солнце большой диск.

— Что это? — прошептал он.

— Причина, по которой у Омнии больше нет флота, — ответил Ом. — Вот почему так полезно иметь под рукой нескольких философов. Они размышляют себе на тему «Истина — это красота, или красота — это истина?» или «Производит ли шум падающее в лесу дерево, если никто его не слышит?», а потом, когда ты уже решишь, что они вообще вот-вот обслоняются, один из них и говорит этак невзначай: «Интересной демонстрацией принципов оптики будет размещение на высоком месте тридцатифутового параболического зеркала, способного направлять солнечные лучи на вражеский флот». Философам приходят в голову удивительные идеи. А незадолго до этого в целях демонстрации принципа

рычага было изобретено замысловатое устройство, способное метать шары горячей серы на расстояние в две мили. А до этого, насколько я помню, было придумано какое-то подводное судно, которое втыкало в днища кораблей заостренные бревна.

Брута снова посмотрел на диск. Из речи Ома он понял не больше трети.

— Так оно производит или нет? — наконец спросил он.

— Что производит? Кого производит?

— Шум. Дерево. Если упадет, когда никто его не слышит?

— А кого это волнует?

Процессия подошла к воротам в стене, которая окружала скалу, как повязка окружает голову. Эфебский капитан остановился и развернулся.

— Глаза... *посетителей*... должны быть завязаны, — провозгласил он.

— Это оскорбительно! — закричал Ворбис. — Мы явились к вам с дипломатической миссией!

— Это не мое дело, — ответил капитан. — Мое дело лишь объявить: «Если вы собираетесь войти в эти ворота, ваши глаза должны быть завязаны». — Можете не завязывать глаза. И оставаться снаружи. Но если вы все же хотите оказаться внутри, то войти вы сможете только с повязкой на глазах. В этом и заключается этот, как его, жизненный выбор.

Один из поддьяконов что-то прошептал Ворбису на ухо. Затем тот провел краткое совещание с командиром омнианских легионеров.

— Хорошо, — согласился он наконец. — Мы повинемся принуждению.

Повязка была очень мягкой и абсолютно светонепроницаемой. Потом Бруту взяли за руку и повели...

...Десять шагов по коридору, потом пять шагов налево, потом вперед по диагонали и три с половиной шага налево, направо сто три шага, три ступени вниз, семнадцать с четвертью оборотов, девять шагов вперед, один шаг налево, девятнадцать шагов вперед, пауза три секунды, два шага вправо, два шага назад, три с половиной оборота, ожидание одна секунда, три ступени вверх, двадцать шагов направо, пять с четвертью оборотов, пятнадцать шагов налево, семь шагов вперед, восемнадцать шагов направо, семь ступеней вверх, по диагонали вперед, пауза две секунды, четыре шага направо, тридцать шагов вниз под уклон в метр на каждые десять шагов, семь с половиной оборотов и шесть шагов вперед...

...«И какой во всем этом смысл?» — недоумевал юноша.

Повязку сняли, и он обнаружил себя в просторном дворе, облицованном каким-то белым камнем. В глаза било яркое, отражающееся

отовсюду солнце. Брута зажмурился.

Двор был окружен лучниками. Стрелы были направлены вниз, но позы лучников предполагали, что в любую секунду луки могут быть переведены в горизонтальное положение.

Здесь их ждал еще один лысый человек. Казалось, Эфеб обладает бесконечным запасом тощих лысых мужчин в тогах. Этот мужчина улыбался, но только одними губами.

«Никому мы не нравимся», — подумал Брута.

— Полагаю, вы простите нас за эти незначительные неудобства, — промолвил тощий. — Меня зовут Аристократ. Я — секретарь тирана. Убедительная просьба оставить все оружие здесь.

Ворбис выпрямился во весь рост. Он был на голову выше эфеба. Его обычно бледное лицо побледнело еще больше.

— Но мы имеем право сохранить наше оружие! — воскликнул он. — Мы — посланцы в чужеземное государство!

— И тем не менее мы не какие-то там варвары, — мягко возразил Аристократ. — Здесь вам оружие не потребуется.

— Не варвары? — переспросил Ворбис. — А кто сжег наши корабли?!

Аристократ поднял руку.

— Этот вопрос будет обсуждаться в другое время. Я должен исполнить приятную обязанность показать вам ваши комнаты. Уверен, после столь длительного путешествия вам захочется отдохнуть. Вы имеете право ходить в пределах дворца где захотите. Если вы вознамеритесь заглянуть туда, где ваше присутствие нежелательно, стражники быстро и тактично сообщат вам об этом.

— А покинуть дворец мы можем? — холодно спросил Ворбис.

Аристократ пожал плечами.

— Ворота охраняются, только когда идет война, — сказал он. — Если запомнили дорогу, можете ей воспользоваться. Но должен вас предупредить, что праздные прогулки по лабиринту вряд ли разумны. Наши предки отличались достойной сожаления подозрительностью и по причине этой врожденной недоверчивости установили множество ловушек, которые мы исключительно из уважения к традициям сохраним в смазанном и взведенном состоянии. А сейчас не сообразите ли последовать за мной?..

Омниане старались держаться вместе, пока Аристократ показывал им дворец. Здесь было много фонтанов. Много садов. Тут и там люди сидели маленькими группками и не занимались ничем, кроме разговоров. Эфебы, казалось, имели весьма смутное представление о понятиях «снаружи» и

«внутри» — за исключением, конечно, опоясывающего дворец лабиринта, призванного четко определять разницу между этими словами.

— Опасность поджидает нас здесь на каждом углу, — тихо произнес Ворбис. — Любой человек, нарушивший дисциплину или вступивший в общение с местным населением, обязан будет объяснить свое поведение инквизиторам. И подробно.

Брута посмотрел на женщину, наполнявшую из колодца кувшин. Ничего воинственного в ее действиях он не углядел.

Он снова испытывал странное чувство раздвоенности. На поверхности находились мысли Бруты, которые полностью соответствовали образу мыслей, одобряемому Цитаделью. Это было гнездо безбожников и нечестивцев, мирская сущность которого служила плодородной почвой для инакомыслия и ереси. Несмотря на яркий солнечный свет, в действительности здесь правили тени.

Но несколько ниже расположились мысли Бруты, который наблюдал за Брутой изнутри...

Ворбис выглядел здесь чужим. Он был слишком резок и неприятен. И Бруте хотелось узнать побольше о городе, где гончар нисколько не удивляется, когда к нему подбегает голый и мокрый человечек и начинает чертить треугольники на стенах его лавки. Брута чувствовал себя большим пустым кувшином. А всякая пустая вещь требует наполнения.

— Это все твои проделки? — шепнул Брута.

Сидящий в коробе Ом посмотрел на форму мыслей Бруты и попытался быстренько что-нибудь придумать.

— Нет, — откликнулся он.

Это, по крайней мере, было правдой. Случалось ли такое раньше?

Неужели так оно и было тогда, в первые дни? Вероятно. А сейчас все было таким смутным, таким расплывчатым. Он не помнил сами мысли, помнил только их форму. Все было окрашено в яркие цвета, все росло не по дням, а по часам, он сам рос, мысли и разум, их вырабатывавший, развивались с одной скоростью. Неудивительно, что он забыл те времена. Это все равно как огонь пытался бы вспомнить форму языков пламени. Но *ощущение* — это он еще помнил...

С Брутой он ничего такого не делал. Брута делал все сам. Он начинал мыслить благочестиво. Начинал становиться пророком.

Эх, посоветоваться бы с кем-нибудь... С кем-нибудь понимающим.

Но он же в Эфебе, не так ли? В стране, где люди зарабатывают на жизнь тем, что пытаются все и вся понять.

Омниан разместили в небольших комнатах, расположенных вокруг центрального внутреннего двора. В центре двора бил фонтан и росла небольшая группа приятно пахнувших сосен. Легионеры подталкивали друг друга локтями. Люди считают, что солдаты думают только о сражениях, но *серьезные* профессиональные солдаты куда чаще думают о еде и теплом местечке для сна — потому что эти две вещи крайне редко встречаются в достатке, тогда как сражений хватает с лихвой.

В комнатухе Бруты стояли ваза с фруктами и блюдо с холодным мясом. Но это потом, сначала нужно позаботиться о ближнем. Он вытащил Великого Бога из короба.

— Здесь есть фрукты, — сказал он. — А что это за ягоды?

— Виноград, — ответил Ом. — Из него делают вино.

— Ты уже упоминал это слово. Что оно значит?

Снаружи раздался крик.

— Брута!

— Это Ворбис. Нужно идти.

Ворбис стоял в центре своих покоев.

— Ты что-нибудь ел? — грозно спросил он.

— Нет, господин.

— Фрукты и мясо, Брута. А сегодня — постный день. Нас пытаются оскорбить!

— Гм. Может, они не знают, что сегодня — постный день? — осмелился высказать свое мнение Брута.

— Невежество — тот же грех, — заявил Ворбис.

— Урн, VII, стих 4, — машинально определил Брута.

Ворбис улыбнулся и похлопал Бруту по плечу.

— Ты просто ходячая книга, Брута. Семикнигус прямоходякус.

Брута уставился на свои сандалии.

«Он прав, — подумал он. — Я совсем забыл о том, какой день сегодня. По крайней мере, не хотел вспоминать об этом».

А потом он услышал эхо собственных мыслей: «Это самые обычные фрукты, мясо и хлеб, не более. Не более того. Постные дни, скромные дни, дни всевозможных пророков, сытные дни... кому это надо? Богу, у которого сейчас одна проблема — как бы дотянуться до еды?»

Может, он перестанет хлопать меня по плечу?»

Ворбис отвернулся.

— Я должен напомнить об этом другим? — спросил Брута.

— Нет. Уверен, нашим посвященным в сан братьям напоминание не потребуется. Что же касается легионеров... думаю, вдали от дома

некоторое отклонение от норм вполне допустимо.

Брута вернулся в свою комнатушку.

Ом по-прежнему сидел на столе, поедая глазами дыню.

— Я чуть было не совершил страшный грех, — сообщил ему Брута. — Чуть было не съел фрукты в день, когда их есть запрещено.

— Ужас, просто ужас, — пробормотал Ом. — Отрежь-ка мне дыни...

— Но ведь сегодня нельзя!

— Можно, можно... Режь.

— Но именно фрукт некогда породил все те пагубные страсти, которые с тех пор терзают наш мир, — возразил Брута.

— Фрукт способен породить только излишнее скопление газов в кишечнике, — ответил Ом. — Режь дыню, говорю.

— Ты меня искушаешь!

— Не искушаю, а даю разрешение. Специальное освобождение от обета! Да разрежешь ты наконец эту проклятую дыню или нет?!

— Только епископ или выше может даровать освобо... — начал было Брута, но вовремя остановился.

Ом свирепо смотрел на него.

— Ага. Вот именно, — кивнул он. — А теперь разрежь, пожалуйста, дыню. — Его тон немного смягчился. — Если тебе так хочется, я могу назвать эту дыню буханкой хлеба. Так уж случилось, что я — единственный бог в пределах прямой досягаемости. Поэтому могу называть все, как захочу. Это хлеб. Правильно? А теперь режь эту проклятую дыню!

— Буханку, — поправил его Брута.

— Ее самую. И очисти мою дольку от семечек.

Брута с опаской разрезал дыню.

— А теперь ешь быстрее, — велел Ом.

— Чтобы Ворбис нас не увидел?

— Чтобы как можно скорее отправиться на поиски какого-нибудь философа, — откликнулся Ом. Его рот был набит дыней, но Брута отлично слышал все его слова. — Знаешь, в пустыне иногда встречаются дикие дыни. Но не такие большие как эта. Маленькие такие, зеленые. Кожура дубовая, настоящая кора. Ни за что не прокусишь, поэтому долгие годы я вынужден был есть мертвые листья, выплюнутые всякими дикими козами, а рядом росли дыни... У дынь должна быть тонкая кожура. Запомни это.

— На поиски философа? — переспросил Брута.

— Правильно. Ты должен найти человека, который умеет думать. И кто поможет мне перестать быть черепахой.

— Но... Я могу понадобиться Ворбису.

— Ты просто отправился на прогулку. Нет проблем. И поторопись. В Эфебе есть и другие боги. Я не хочу с ними встречаться. Во всяком случае, в таком виде.

Брута испытывал легкую панику.

— Как же я найду философа?

— В этом-то городе? Брось наугад камень, тот, в кого ты попадешь, и будет философом.

Лабиринт Эфеба был очень древним и хранил в себе сто одно чудо, которое только можно сотворить при помощи скрытых пружин, острых как бритва ножей и падающих плит. Ни один проводник не знал лабиринт от начала и до конца, проводников было аж шестеро, и каждый отвечал за свою одну шестую часть лабиринта. Раз в год устраивались состязания — после внесения в конструкцию ловушек очередных изменений. Состязание состояло в определении наиболее опасной секции лабиринта. Специальные судьи определяли победителя, которого ждал небольшой приз.

Без проводника самому удачливому человеку удалось пройти по лабиринту девятнадцать шагов. Примерно. Его голова прокатилась еще семь шагов, но это, наверное, не считается.

В каждой точке перехода была установлена небольшая камера. Ловушек здесь не было, зато наличествовал маленький бронзовый колокольчик. Эти камеры представляли собой своего рода залы ожидания, где посетителей передавали другому проводнику. Над наиболее замысловатыми ловушками были предусмотрены смотровые окна — проводники не меньше других любят посмеяться.

Впрочем, Брута и не заметил никаких ловушек. Погруженный в собственные мысли, он прошлепал по тоннелям и коридорам, распахнул ворота и вышел наконец на свежий вечерний воздух.

Вечер был насыщен цветочными запахами. В сумерках порхали ночные бабочки.

— Но как выглядят эти философы? — спросил Брута. — То есть когда не принимают ванну.

— Они очень много думают, — пояснил Ом. — Ищи кого-нибудь с напряженным лицом.

— А может, у человека просто запор, — возразил Брута.

— Ну, здесь все в какой-то мере философы, так что на тебя не обидятся...

Их окружал город Эфеб. Лаяли собаки. Где-то мяукала кошка. Над

городом царила смесь разнообразных приятных звуков, показывающих, что здесь живут самые обычные люди.

Вдруг чуть дальше по улице с треском распахнулась дверь, и раздался звук разбиваемой о чью-то голову большой амфоры для вина.

Тощий старик в тоге поднялся с булыжников, на которые только что приземлился, и с яростью уставился на дверь.

— Я тебе говорю, а ты слушай: ограниченный интеллект не может путем сравнения получить абсолютную истину, потому что, будучи по природе своей неделимой, истина исключает понятия «более» или «менее», — таким образом, ничто, кроме истины, не способно быть точным мерилom этой самой истины. Вот гады...

— Сам гад, — отозвался кто-то изнутри здания.

Старик, не обращая на Бруту ни малейшего внимания, с трудом выковырял из мостовой булыжник и задумчиво взвесил его в руке.

Поднявшись, он решительно нырнул в дверь. Из здания донеслись яростные вопли.

— Философы... — сказал Ом.

Брута осторожно заглянул в дверь.

Внутри две группы практически одинаковых мужчин в тогах пытались разнять двух своих коллег. Эта сцена повторялась миллионы раз в самых разных забегаловках множественной вселенной — оба потенциальных соперника рычали, гримасничали и пытались вырваться из рук своих друзей, но старались, конечно, *не слишком*, потому что нет ничего хуже, чем вырваться-таки из этих рук и оказаться в центре круга наедине с помешанным, который намеревается залепить тебе промеж глаз булыжником.

— Да, — подтвердил Ом. — Вот это настоящая философия.

— Но они же дерутся!

— Полный и свободный обмен взглядами, не более.

Присмотревшись повнимательнее, Брута уловил некоторую разницу между дерущимися. У одного была борода короче и очень красное лицо, и он яростно грозил пальцем другому.

— Ты обвинил меня в клевете! — орал он.

— Ни в чем я тебя не обвинял! — не менее громко орал другой.

— Обвинял! Давай, расскажи всем, что ты мне наговорил!

— Ничего такого я не говорил! Просто предположил, чтобы обозначить возникший парадокс. Если Зенон Эфебский заявляет, что все эфебы — лжецы...

— ...Видите, видите?! Он снова за свое!

— ...Да ты дослушай... Но Зенон сам эфеб, и это означает, что он — тоже лжец, таким образом...

Зенон предпринял отчаянную попытку освободиться. Четверо других философов потащились за ним по полу.

— Ну, парень, сейчас я тебя приложу!

— Прошу прощения... — попытался привлечь к себе внимание Брута.

Философы замерли, а потом повернулись к Бруте. Они несколько расслабились, раздался хор смущенных покашливаний.

— Вы в самом деле философы? — спросил Брута.

Тот, кого назвали Зенон, сделал шаг вперед, поправляя тогу.

— Верно, — сказал он. — Мы действительно философы. Мы думаем, значит, мы существуем.

— Существоем, — машинально поправил его неудачливый выдумщик парадоксов.

Зенон быстро повернулся:

— Я уже вот *посюда* сыт тобой, Ибид! — взревел он и снова взглянул на Брута. — Мы существуем, значит, мы существуем, — заявил он уверенно. — Именно так...

Несколько философов с интересом переглянулись.

— Это действительно любопытно, — изрек один из них. — Свидетельством нашего существования является *факт* нашего существования, ты это хочешь сказать?

— Заткнись, — велел Зенон не оборачиваясь.

— Вы здесь что, дрались? — спросил Брута.

На лицах собравшихся философов отразились разные степени потрясения и ужаса.

— Дрались? Мы? Мы же *философы*! — с пафосом воскликнул потрясенный Ибид.

— Подумать только! — покачал головой Зенон.

— Но вы... — начал было Брута.

Зенон махнул рукой:

— Просто оживленный спор.

— Тезис плюс антитезис равняется истерезис, — добавил Ибид. — Обязательная проверка вселенной. Молотом интеллекта по наковальне фундаментальной истины...

— Заткнись, — перебил Зенон. — Чем можем помочь, молодой человек?

— Спроси у них о богах, — подтолкнул его Ом.

— Э... Мне хотелось бы узнать побольше о богах, — сказал Брута.

Философы переглянулись.

— О богах? — переспросил Зенон. — Боги нас не интересуют. Ха! Пережитки устаревшей системы вероисповедания.

По ясному вечернему небу прокатились раскаты грома.

— Кроме, конечно, Слепого Ио, что повелевает громами, — не меняя тона, произнес Зенон.

Небо распорола вспышка молнии.

— И Кубала, Бога Огня.

Задрожали стекла от порыва ветра.

— Бог Ветра Плоскостопий тоже неплохой парень, — отозвался Зенон.

В воздухе материализовалась стрела и воткнулась в стол рядом с рукой Зенона.

— А Посланец Богов Федекс велик во все времена, — поспешил заметить Зенон.

В дверях появилась птица. По крайней мере, это существо чем-то напоминало птицу. Фут ростом, черно-белое, с изогнутым клювом и выражением на морде, подразумевающим, что самое плохое в жизни с существом уже случилось.

— Что это? — спросил Брута.

— Пингвин, — раздался в его голове голос Ома.

— Богиня Мудрости Патина? О, одна из лучших, — сказал Зенон

Пингвин каркнул на него и уковылял во тьму.

Философы выглядели несколько смущенными.

— А Фургул, Бог Снежных Лавин? — спросил Ибид. — Где находится линия снегов?

— В двухстах милях от нас, — ответил кто-то.

Философы немного подождали. Ничего не произошло.

— Пережиток устаревшей системы вероисповедания.

Стена ледяной белой смерти не спешила обрушиться на Эфеб.

— Глупая персонификация силы природы, — сказал один из философов уже несколько громче.

Все явно расслабились.

— Примитивное поклонение.

— Не дал бы за него и ломаного гроша.

— Простая рационализация неизвестного.

— Ха! Грубый вымысел, пустая болтовня устрашения слабых и глупых!

Слова уже готовы были сорваться с языка Бруты, и он не сдержался:

— А здесь всегда так холодно? Я почему-то начинаю замерзать.

Философы разом отодвинулись подальше от Зенона.

— Хотя, если подумать, — сказал Зенон, — одного у Фургула не отнять, очень отзывчивый бог. Любит пошутить, как и всякий хороший... человек.

Он быстро огляделся. Спустя некоторое время философы успокоились и, казалось, совсем забыли о Бруте.

Только сейчас он смог по-настоящему осмотреть зал. В таверну он попал впервые в жизни, а это была именно таверна. Вдоль одной из стен тянулась стойка, а позади нее располагались обычные для эфебских забегаловок украшения: ряды кувшинов для вина, стеллажи с амфорами и веселые изображения весталок на картонных коробочках для соленого арахиса и козьего вяленого мяса, пришпиленных к стене в надежде на то, что в мире найдутся люди, которые начнут в массовом порядке скупать коробочки с орехами только ради того, чтобы посмотреть на картонный сосок.

— Что это такое? — прошептал Брута.

— Откуда я знаю? Выпусти меня, тогда скажу.

Брута открыл короб и вытащил черепашку. Слезящийся черепаший глаз осмотрел зал.

— О, типичная таверна, — подвел итог Ом. — Замечательно. Закажи мне блюдце того, что все здесь пьют.

— Таверна? Здесь пьют алкоголь?

— Очень на это надеюсь.

— Но... но... Семикнижье не менее семнадцати раз категорически призывает нас воздержаться от...

— Понятия не имею почему, — перебил его Ом. — Видишь человека, который протирает кружки? Просто подойди к нему и скажи: «Дай-ка мне...»

— Но вино делает разум человеческий бесплодным, так сказал пророк Урн. И...

— Повторяю еще раз! Я никогда не говорил ничего подобного! А теперь скажи этому человеку...

Но тут человек сам заговорил с Брутой. Словно по волшебству, он возник напротив него с другой стороны стойки, все еще протирая свою кружку.

— Добрый вечер, господин. Что желаешь?

— Я хотел бы выпить воды, — отчетливо произнес Брута.

— А для черепашки?

— Вина! — раздался голос Ома.

— Не знаю... — протянул Брута. — А что обычно пьют черепахи?

— Те, что живут у нас, обычно пьют молоко с крошками хлеба, — ответил хозяин таверны.

— И у вас здесь много черепах? — спросил Брута, стараясь не обращать внимания на отчаянные вопли Ома.

— Очень полезное с философской точки зрения животное. Обгоняет метафорические стрелы, побеждает зайцев на бегах... Крайне полезное животное.

— Гм... Но у меня... у меня совсем нет денег, — смущенно признался Брута.

Хозяин чуть наклонился к нему:

— Знаешь, что я скажу... Декливитий только что поставил всем выпивку. Он и не заметит.

— *Хлеб и молоко?*

— О, спасибо, большое спасибо.

— У нас здесь все собираются, — сказал бармен откидываясь назад. — Стойки. Циники. Циники любят выпить. Эпикурейцы. Сохастики. Анамаксандриты. Эпистемологи. Перипатетики. Синоптики. Все виды. Я лично всегда придерживался следующего мнения, — он взял очередную кружку и принялся ее протирать, — для создания мира все пригодятся.

— Хлеб и молоко! — заорал Ом. — Ты еще ощутишь на себе гнев божий, это я тебе обещаю. А теперь спроси у него о богах.

— Слушай, — нерешительно промолвил Брута, потягивая воду из кружки, — кто-нибудь из них разбирается в богах?

— С этим лучше обратиться к священнослужителю, — ответил бармен.

— Нет, я имею в виду... Кто такие боги... Как они появляются... В этом кто-нибудь разбирается? — спросил Брута, стараясь подстроиться под манеру речи хозяина таверны.

— Боги это не одобряют... — ответил тот. — Здесь уже случилось такое, когда кто-нибудь пропустит пару-другую кружечек. Космические размышления о том, существуют ли боги. А в следующий момент крышу пробивает молния. Ба-бах — и пара дымящихся сандалий. И еще записка: «Да, мы существуем». Подобные случаи отбивают всякий интерес к метафизическим размышлениям.

— Хлеб даже не свежий, — пробурчал Ом, погрузив нос в блюдо.

— Да нет, я знаю, что боги существуют, — поспешил развеять сомнения Брута. — Просто мне хочется побольше узнать о них.

Хозяин пожал плечами.

— Тогда отойди-ка вот от этих бутылок — они очень дорого стоят. А вообще, какая разница. Ничего не меняется — хоть сто лет пройдет, хоть двести.

Он взял очередную кружку и принялся ее полировать.

— Ты тоже философ? — удивился Брута.

— Пристает. Через какое-то время, — ответил хозяин таверны.

— Молоко кислое, — возмутился Ом. — Говорят, в Эфебе демократия. Черепашки здесь имеют право голоса?

— Вряд ли я найду здесь то, что ищу, — осторожно заметил Брута. — Э-э, прошу прощения, господин Продавец Напитков?

— Да?

— Что это за птица вошла сюда, когда упомянули Богиню, — он попытался вспомнить незнакомое слово, — Мудрости?

— Здесь есть небольшая проблема, — сказал хозяин. — Возникла небольшая путаница.

— Что-что?

— Это был пингвин.

— Это самая мудрая птица из всех?

— Нет, совсем нет, — пожал плечами хозяин таверны. — Чем-чем, а мудростью не славится. Среди птиц стоит на втором месте по непонятности. Говорят, умеет летать только под водой.

— Тогда почему же?..

— Мы неохотно говорим об этом, — откликнулся хозяин. — Людей это огорчает. Проклятый скульптор, так перепутать... — добавил он едва слышно.

У другого конца стойки философы опять затеяли драку.

Хозяин снова наклонился к Бруте:

— Сомневаюсь, что ты здесь чего-нибудь добьешься, если у тебя нет денег. Беседы с философами стоят недешево.

— Но... — начал было Брута.

— А есть еще расходы на мыло и воду. На полотенца, мочалки, пемзу, соли для ванн. Все суммируется.

Из блюдца раздалось бульканье, и украшенная молочными усами голова Ома повернулась к Бруте.

— У тебя что, совсем нет денег? — осведомился он.

— Совсем.

— Мы кровь из носу должны найти философа, — решительно заявила черепашка. — Я в нынешнем моем состоянии просто не могу думать, а ты вообще этого не умеешь. Нам нужно найти такого человека, который

занимается этим постоянно.

— Конечно, можно попробовать обратиться к старому Дидактилосу... — предложил хозяин таверны. — Дешевле не бывает.

— Он что, пользуется самым дешевым мылом? — спросил Брута.

— Думаю, абсолютно не опасаясь впасть в противоречие, — важно промолвил хозяин, — можно сказать, что он вообще не пользуется мылом.

— Понятно, большое спасибо, — кивнул Брута.

— Спроси, где живет этот человек, — потребовал Ом.

— А где я могу найти господина Дидактилоса? — уточнил Брута.

— Во внутреннем дворе дворца. Рядом с библиотекой. Мимо него не пройдешь. Главное — доверься своему обонянию.

— Мы только что прибыли... — начал было Брута, но внутренний голос подсказал, что эту фразу заканчивать не стоит. — В общем, мы пойдем, — сказал он.

— Не забудь черепашку, — напомнил хозяин таверны. — Отличный суп из них получается.

— Да обратится все вино твое в воду! — пронзительно завопил Ом.

— И оно обратится? — спросил Брута, когда они вышли в ночь.

— Нет.

— Объясни еще раз, зачем мы ищем именно философа?

— Я хочу вернуть былую силу.

— Но все и так в тебя верят!

— Верующие в меня люди могут разговаривать со мной. И я им отвечаю. Не могу взять в толк, что же такое случилось. В Омнии ведь никаким другим богам не поклоняются?

— У нас такое не разрешается, — ответил Брута. — За этим следит квизиция.

— Ага, трудноато опуститься на колени, если у тебя их нет.

Брута остановился посреди пустынной улицы.

— Я тебя не понимаю!

— И правильно. Пути богов неисповедимы.

— Квизиция не дает нам сбиться с пути истинного! Она трудится во славу церкви!

— И ты в это веришь? — усмехнулась черепашка.

Задумавшись, Брута вдруг понял, что былая уверенность куда-то подевалась. Он открыл рот и тут же закрыл его — сказать было нечего.

— Пойдем, — ласково, как только мог, промолвил Ом. — Нам пора возвращаться.

Ом проснулся посреди ночи. С той стороны, где стояла кровать Бруты, доносился какой-то шум.

Брута снова молился.

Ом с любопытством прислушался. Молитвы... Когда-то их было так много... Так много, что молитву отдельного человека он не смог бы разобрать, даже если бы захотел, но это не имело никакого значения, потому что главным был этот космический шелест тысяч молившихся, *веривших*. А какая разница, что говорится в молитве?

Люди! Они жили в мире, где трава оставалась зеленой, цветы регулярно превращались во фрукты — но что именно производило на них наибольшее впечатление? Плачущие статуи. Вино, сделанное из воды! Обычный квантомеханический тоннельный эффект — это случилось бы в любом случае, если ты готов подождать несметное количество лет. Как будто превращение солнечного света в вино при помощи виноградной лозы, времени и энзимов менее впечатляюще и происходит повсеместно!

Но сейчас он лишен способности исполнять даже самые примитивные трюки, которыми владеет любой плохенький божок. Молния с силой искры на кошачьей шерсти — такой вряд ли кого поразишь. А в свое время он бил крепко и наверняка... Тогда как в нынешние дни Ом мог разве что пройти сквозь воду и накормить одного-единственного человека.

Молитва Бруты была мелодией флейты в мире тишины.

Ом выждал, когда послушник замолчит, высунул лапки из панциря и, покачиваясь, двинулся навстречу рассвету.

Эфебы, ходившие по внутренним дворам дворца вокруг омниан, вели себя точь-в-точь так, будто охраняли неких крайне опасных заключенных. Это лишь самую малость не дотягивало до оскорбления.

Брута видел, что Ворбис просто вскипает от ярости. Вена на виске лысого черепа эксковизитора нервно подрагивала.

Словно почувствовав на себе взгляд Бруты, Ворбис обернулся.

— Кажется, сегодня ты как-то неважно себя чувствуешь, а, Брута? — заметил он.

— Прошу прощения, господин.

— Заглядываешь во все углы. Что ты ищешь?

— Нет, ничего. Просто интересно. Здесь все так необычно.

— Вся так называемая мудрость Эфеба не стоит и единственной строчки из последнего абзаца Семикнижья.

— А почему бы нам не изучить труды безбожников, дабы встретить ересь во всеоружии? — спросил Брута и сам удивился собственной

смелости.

— О, крайне убедительный аргумент, его инквизиторы слышали много раз, хотя зачастую не совсем отчетливо.

Ворбис сердито уставился на затылок шедшего впереди Аристократа.

— От внимания ереси до сомнений в признанной истине всего один шаг, Брута. Ересь частенько бывает увлекательной. В этом и состоит ее опасность.

— Да, господин.

— Ха! Они высекают запретные статуи, но даже это не могут сделать правильно.

Брута не был специалистом, но и он заметил, что слова Ворбиса соответствуют истине. Сейчас, когда новизна прошла, статуи, украшавшие каждую нишу дворца, стали казаться менее привлекательными. Только что они миновали статую с двумя левыми руками. У следующей одно ухо было больше другого. И дело было вовсе не в том, что кто-то задался специальной целью высечь уродливых богов. Согласно первоначальному замыслу, они должны были выглядеть привлекательно, но скульптор со своей задачей не справился.

— Кажется, это женщина держит в руках пингвина, — заметил Ворбис.

— Это Патина, Богиня Мудрости, — машинально ответил Брута и только потом понял, что произнес эти слова вслух. — Я... я просто слышал, как кто-то упоминал ее имя, — поспешил добавить он.

— Ну конечно, — ответил Ворбис. — Какой у тебя, однако, тонкий слух...

Аристократ остановился у массивной двери и кивнул делегации.

— Господа, — провозгласил он, — тиран примет вас незамедлительно.

— Ты должен запомнить все до единого слова, — шепнул Ворбис.

Брута кивнул.

Двери распахнулись.

В мире существует великое множество правителей, которых именуют не иначе как Мудрейший, Верховный, Его Высочество Того, Их Величество Сего. И только в маленьком государстве, где правитель выбирался обыкновенными людьми и мог быть снят по первому желанию народных масс, — только в этом государстве люди звали своего повелителя тираном.

Эфебы считали, что каждый человек должен обладать правом голоса^[6].

Выборы в тираны проводились каждые пять лет — кандидат должен был доказать свою честность, проявить ум и здравомыслие, а также

убедить всех, что именно он заслуживает народного доверия. Однако каждый раз сразу после выборов выяснялось, что народный избранник на самом деле сумасшедший бандит, который понятия не имеет о взглядах обычного философа, бродящего по улицам в поисках полотенца. Спустя пять лет история повторилась, одного сумасшедшего сменял другой, и можно было только удивляться, как умные люди способны повторять одни и те же ошибки.

Кандидатов в тираны отбирали при помощи черных или белых шаров, опускаемых в специальные амфоры, которые прозвали урнами. Наверное, это и дало толчок к появлению хорошо известного комментария касательно чистоты политики.

Тираном оказался толстый человечек на тощих ножках, который производил впечатление яйца, отложенного вверх ногами. Человечек сидел в своем кресле посреди мраморного зала, вокруг были раскиданы свитки и какие-то бумажные листы. Ножки его не доставали до мрамора, лицо было розовым. Аристократ что-то прошептал ему на ухо, и тиран поднял голову.

— А, омнианская делегация, — сказал он, и улыбка пробежала по его лицу, словно ящерица по камню. — Прошу всех садиться.

Он снова опустил взгляд.

— Я — дьякон Ворбис из квизиции Цитадели, — холодно произнес Ворбис.

Тиран поднял взгляд и наградил его еще одной, такой же стремительной улыбкой.

— Знаю, знаю, — кивнул он. — Зарабатываете на жизнь пытками? Не стесняйтесь, дьякон Ворбис, присаживайтесь. И ваш молодой друг, который словно что-то потерял, тоже пусть присаживается. И все остальные. Служанки сейчас принесут виноград и закуски. Обычно так случается. Остановить их практически невозможно.

Перед троном тирана были расставлены скамьи. Омниане сели. Ворбис предпочел остаться стоять.

Тиран кивнул.

— Что ж, как хотите, как хотите...

— Это возмутительно! — рявкнул Ворбис. — К нам относятся...

— Значительно лучше, чем вы относились бы к нам, — мягко прервал его тиран. — Сидеть или стоять — это ваше дело, ваше святейшество, вы в Эфебе. Можете даже встать на голову, мне до того не будет никакого дела, только не думайте, будто я поверю в то, что, если бы я прибыл в Цитадель в поисках мира, мне бы позволили нечто иное, кроме как ползать перед вами на животе, вернее на том, что от него осталось. В общем, стойте, сидите,

главное — помолчите немножко, я сейчас закончу.

— Что закончите? — спросил Ворбис.

— Мирный договор, — ответил тиран.

— Но мы как раз прибыли его обсуждать.

— О нет, — ящерица улыбки снова пробежала по его лицу. — Вы прибыли его подписать.

Ом глубоко вздохнул и двинулся дальше.

Лестница была довольно крутой, и он прочувствовал каждую ступеньку, пока катился по ней, по крайней мере, слава богам, что, прибыв вниз, он упал на брюхо.

Ом заблудился, правда куда предпочтительнее заблудиться в Эфебе, чем оказаться в подобном положении в Цитадели. По крайней мере, здесь нет таких зловещих подвалов.

— Библиотека, библиотека, библиотека...

Брута говорил, что в Цитадели тоже есть библиотека. Он даже описал ее, так что Ом примерно знал, что искать.

Внутри должна быть по меньшей мере одна книжка.

Мирные переговоры проходили не слишком успешно.

— Вы напали на нас! — утверждал Ворбис.

— Я бы назвал это обороной на упреждение, — возразил тиран. — Мы видели, что произошло с Истанзией, Бетреком и Ушистаном.

— Они познали истину Ома!

— Ага, — согласился тиран. — Видимо, в итоге они ее все-таки познали.

— И сейчас являются достойными членами Империи.

— Ну да, — снова согласился тиран, — в этом мы не сомневаемся, но предпочитаем вспоминать их такими, какими они были. Перед тем как вы послали им свои письма, заковывающие разум людей в кандалы.

— Это направило их на правильный путь, — изрек Ворбис.

— Кандалные Письма, — промолвил тиран. — Кандалные Письма к Эфебам. Забудьте Ваших Богов. Будьте Покорны. Учитесь Бояться. Не хватало только нам, проснувшись как-то утром, обнаружить на своей лужайке перед домом пятьдесят тысяч вооруженных легионеров.

Ворбис откинулся назад.

— Но чего вы боитесь? — спросил он. — Здесь, в вашей пустыне, с вашими... богами? Глубоко в душе вы должны осознавать, что ваши боги изменчивы, как барханы, и...

— О да, — кивнул тиран. — Это мы осознаем. И это говорит только в их пользу. О барханах нам известно все. Тогда как ваш Бог — это скала, а о скалах нам тоже все известно.

Ом ковылял по булыжной мостовой, стараясь держаться в тени, насколько это было возможно.

Сплошные тенистые дворики... У входа в очередной такой дворик бог остановился и прислушался.

До него донеслись голоса. Вернее, один голос, вздорный и визгливый, который с легкостью перекрывал крики конкурентов.

То был голос философа Дидактилоса.

Несмотря на то, что этот человек стал наиболее цитируемым и популярным философом всех времен, уважением у своих коллег Дидактилос Эфеский не пользовался. Они считали, что он сделан из другого материала. Он недостаточно часто принимал ванну, вернее, если говорить другими словами, не принимал ее никогда. И философствовал он совсем не о том, о чем нужно. И *интересовался* он неправильными темами. Опасными темами. Других философов больше занимали вопросы: «Истина — это красота, или красота — это истина?» или «Каким образом наблюдатель влияет на окружающую его действительность?» В то время как Дидактилос пытался решить знаменитую философскую головоломку, выражалась которая примерно следующим образом: «Да, но если честно, зачем все это, я серьезно — зачем?!»

Его учение представляло собой смесь трех знаменитых школ: циников, стоиков и эпикурейцев, и он суммировал все три учения в своей знаменитой речи: «Этим уродам ни на йоту нельзя верить, и с этим ничего не поделаешь, поэтому давай выпьем. Мне двойную, если ты угощаешь. Спасибо. И пакетик орешков. Ее левая ягодица почти открыта, говоришь? Тогда два пакетика!»

Особо известны принадлежащие его перу «Размышления»:

«Это все тот же чудной старей мир. Но смех — вот основа всего. И поэтому я говорю: „Нил иллегитимо карборундум“. Эксперты всего не знают. Или не позволяй этим гадам тебя сожрать. Тем не менее где бы мы оказались, если бы были одинаковыми?»

Ом двинулся на голос и в результате выполз из-за угла, оказавшись во внутреннем дворике.

У дальней стены стояла огромная бочка. Рядом валялся всякий мусор: разбитые амфоры из-под вина, обглоданные кости. Пара дощатых пристроек с покатыми крышами должна была создавать впечатление

жилища. Это впечатление закрепляла надпись, сделанная мелом на доске, что была приколочена к стене сразу над бочкой.

Она гласила:

ДИДАКТИЛОС и Плимянник

Философы-практиологи

Оспорить Можно Все

«Мы Думаем За Вас»

Посли 6 часов вечера — спецрасценки.

Свежие Аксиомы Каждый День

Перед бочкой маленький мужчина, облаченный в тогу, которая была белой примерно тогда же, когда все континенты представляли собой единое целое, пинал ногами человечка, съезжившегося на земле.

— Ленивый мерзавец!

Юноша попытался сесть.

— Дядя, честно...

— Стоило отвернуться на полчаса, как ты заснул прямо на работе!

— На какой работе? У нас никого не было после того крестьянина, господина Пилоксия, что пришел на прошлой неделе, и...

— Откуда ты знаешь? А ты откуда это знаешь? Пока ты тут храпел, куча людей, нуждающихся в персональной философии, могла пройти мимо!

— ...И то он расплатился с нами какими-то маслинами.

— Да, и я выручу за них хорошие деньги!

— Дядя, они все *гнилые*.

— Чепуха! Раньше ты утверждал, что они зеленые!

— Ну да, а должны быть черными.

Голова черепашки моталась из стороны в сторону, как у зрителя, наблюдающего за теннисным матчем.

Юноша наконец поднялся с земли.

— Сегодня утром заходила госпожа Двуось, — сказал он. — Заявила, что пословица, которую ты придумал для нее на прошлой неделе, перестала работать.

Дидактилос задумчиво почесал голову.

— Какая именно?

— Ты придумал для нее «Перед рассветом всегда темней всего».

— Не вижу здесь никакой ошибки. Чертовски хорошая философская фраза.

— А она заявила, что лучше себя от нее не почувствовала. Как бы то ни было, всю ночь ее мучила больная нога, поэтому она глаз не сомкнула. Ну и решила проверить, как оно, перед рассветом. Так вот, сразу перед рассветом оказалось вполне приемлемо, ничего не темно, поэтому она пришла сказать тебе, что пословица не соответствует истине. И нога ее по-прежнему отмирает. Но я предложил ей выбрать на замену что-нибудь другое. Она взяла «Смех все лечит».

Дидактилос немного повеселел.

— Эту втюрил, да?

— Сказала, что попробует эту, и дала целого вяленого кальмара. А еще сказала, что мне бы не помешало получше питаться.

— Правда? Ты делаешь успехи. Значит, об обеде можно не беспокоиться. Вот видишь, Бедн, я же говорил, что все у нас получится.

— Я бы не назвал одного вяленого кальмара и коробку липких маслин хорошим доходом, о учитель. Мы здесь уже две недели философствуем.

— За изречение для того сапожника, старика Гриллоса, мы получили целых три обола.

— Ничего мы не получили, он вернул изречение. Жене не понравилась расцветка.

— И ты вернул ему деньги?

— Да.

— Что, все?

— Да.

— Не стоило это делать. Слова же изнашиваются, надо было хоть что-то себе оставить. И что это было за изречение?

— «Мудрая ворона знает, куда идет верблюд».

— Я много трудился над этим изречением.

— Он сказал, что не понимает его смысла.

— А я ничего не понимаю в сапожном деле, но могу же определить, какие сандалии хорошие, а какие — нет.

Ом заморгал единственным глазом. Потом присмотрелся к формам мыслей находившихся перед ним людей.

Форма мыслей Бедна, который, судя по всему, и являлся тем самым «плимянником», была нормальной, хотя и переполненной окружностями и углами. Но мысли Дидактилоса пузырились и сверкали, словно клубок электрических угрей в кипящей воде. Ому не приходилось видеть ничего подобного. Мыслям Бруты, чтобы встать на место, требовалась целая вечность, процесс был похож на столкновение гор. В то время как мысли Дидактилоса гонялись друг за другом со свистом. Неудивительно, что он

лыс, — волосы, скорее всего, выгорели изнутри.

Ом наконец нашел мыслителя.

И, судя по всему, дешевого.

Великий Бог перевел взгляд на стену над бочкой. Величественные мраморные ступени вели к бронзовым дверям, над которыми металлическими буквами, вставленными в камень, было написано: «LIBRVM».

Он слишком долго смотрел на эти буквы. Рука Бедна схватила его за панцирь, и он услышал голос Дидактилоса:

— Ух ты, я слышал, из них получается неплохой суп...

Брута съежился.

— Вы забили камнями нашего посланника! — кричал Ворбис. — Безоружного человека!

— Он сам навлек на себя эту беду, — ответил тиран. — Аристократ присутствовал при том происшествии. Он может все рассказать.

Высокий старик поднялся и кивнул.

— Согласно традиции, на рыночной площади имеет право выступать любой... — начал он.

— И быть забитым там камнями? — прервал его Ворбис.

Аристократ поднял руку.

— Таким образом, — продолжил он, — на рыночной площади каждый может говорить все, что угодно. Кроме того, у нас есть и другая традиция, называемая свободой выслушивания. К сожалению, когда людям не нравится выступление, они могут пускать в ход... э-э... довольно веские аргументы.

— Я тоже был там, — вступил в разговор другой советник. — Ваш жрец поднялся на возвышение, и сначала все шло прекрасно, потому что люди смеялись. Но потом он сказал, что Ом — единственный настоящий Бог, и тут все замолчали. А когда он сбросил с пьедестала статую Тувельпита, Бога Вина, тогда-то все и началось.

— Вы намекаете, что его поразила молния? — спросил Ворбис.

Ворбис больше не кричал, голос его стал спокойным, лишенным всяких чувств. Наверное, именно так разговаривают эксквизиторы, невольно подумал Брута. Когда инквизиторы заканчивают свою работу, начинают говорить эксквизиторы...

— Э-э, нет. Его поразила амфора. Понимаете, как оказалось, среди слушателей присутствовал сам Тувельпит.

— Стало быть, с точки зрения ваших богов, избить ни в чем не

повинного человека — это нормально?

— Ваш миссионер заявил, что людей, которые не верят в Ома, ждут вечные мучения. Должен сказать, что толпа посчитала эти его слова оскорбительными.

— И начала швырять в него камни...

— Пара-другая мелких булыжников. Они хотели всего-навсего унизить его. И то камни пошли в дело только после того, как кончились овощи.

— Так в него и овощами бросались?

— Только когда закончились тухлые яйца.

— А когда мы пришли, чтобы выразить протест...

— По-моему, шестьдесят кораблей — это нечто большее, нежели обычный протест, господин Ворбис, — вмешался тиран. — Кроме того, мы вас уже не раз предупреждали. Каждый находит в Эфебе то, что ищет. Готовьтесь к новым набегам на свои берега. Мы сожжем все ваши корабли. Если вы не подпишете вот это.

— А как насчет права беспрепятственного хода через Эфеб? — спросил Ворбис.

Тиран улыбнулся.

— Через пустыню? Мой господин, если вы сумеете пересечь эту пустыню... В общем, я дарую вам это право.

Тиран отвернулся от Ворбиса и посмотрел на небо, видневшееся между колонн.

— А сейчас, как вижу, время близится к полудню, — заметил он. — Становится все жарче. Очевидно, вам с коллегами есть что обсудить. Мы выдвинули столько... э-э... интересных предложений. Могу я предложить встретиться еще раз на закате?

Ворбис, казалось, обдумывал предложение.

— Думаю, — наконец произнес он, — наше обсуждение продлится несколько дольше. Как насчет завтрашнего утра?

Тиран кивнул.

— Как вам будет угодно. Дворец находится в полном вашем распоряжении. Здесь имеются превосходные храмы и произведения искусства — если вы изъявите желание их осмотреть. А если вам захочется перекусить, скажите об этом первому же рабу.

— Раб — эфебское понятие. У нас в Оме нет такого слова, — гневно ответил Ворбис.

— Мне об этом известно, — кивнул тиран. — Полагаю, у рыб тоже нет слова, обозначающего воду. — Он опять улыбнулся быстрой улыбкой. — Еще есть бани и, конечно, библиотека. Великое множество

достопримечательностей. Вы — наши гости.

Ворбис склонил голову.

— Молю Бога о том, чтобы когда-нибудь *вы* стали моим гостем.

— Представляю, какие достопримечательности будут мне показывать, — усмехнулся тиран.

Вскочив на ноги, Брута опрокинул скамью и покраснел от смущения.

«Но все ведь было не так! — думал он. — Брат Мурдак... По словам Ворбиса, его сначала били до полусмерти, а потом пороли, покуда он совсем не испустил дух. Брат Ньюрод говорил, что видел тело собственными глазами, а он не мог лгать. Какая жуткая кара — он ведь только проповедовал! Люди, способные на такое, достойны... жесточайшего наказания. А. еще они держат рабов. Заставляют людей работать против их воли. Обращаются с ними как с животными. Даже своего правителя они называют тираном!

Но почему?..

Почему я этому не верю?

Почему я уверен, что все это неправда?

И что он имел в виду, говоря о том, что у рыб тоже нет слова, обозначающего воду?»

Омниан то ли отконвоировали, то ли довели до их покоев. В своей комнатухе на столе Брута увидел другую вазу с фруктами, немного рыбы и хлеб.

Какой-то человек подметал пол.

— Гм... — смущенно произнес Брута. — Ты — раб?

— Да, хозяин.

— Должно быть, это ужасно.

Человек оперся на метлу.

— Ты прав. Это ужасно. Просто ужасно. Знаешь, у меня всего один выходной день в неделю.

Брута, никогда не слышавший слова «выходной» и не имевший ни малейшего понятия, что оно означает, неуверенно кивнул.

— А почему ты не убежишь? — спросил он

— Уже убегал, — ответил раб. — Один раз добежал до самого Цорта. Но мне там не понравилось. Вернулся. Теперь каждую зиму убегаю на две недели в Джелибейби.

— И каждый раз тебя привозят обратно?

— Ха! Если бы! Он жалкий скряга, этот Аристократ! Приходится самому возвращаться. Просить, чтобы меня подвезли, и все такое прочее!

— Ты возвращаешься *сам*?

— Да. За границей хорошо гостить, а не жить. Как бы то ни было, ходить в рабах мне осталось всего четыре года, а потом я свободен... А свободный человек имеет право голосовать. И содержать рабов. — Его лицо напряглось от усилия, когда он продолжил перечисление, загибая пальцы: — Вообще, рабы обеспечиваются трехразовым питанием, один раз — обязательно мясом. Один выходной день в неделю. Разрешенные две недели побега каждый год. Я не чищу плиты, не поднимаю тяжести и подвергаюсь насмешкам только по согласованию.

— Да, но ты не свободен! — воскликнул совершенно сбитый с толку Брута.

— А в чем разница?

— Э-э... ну, когда ты свободен, у тебя вообще нет, как это, выходных. — Брута почесал в затылке. — И кормят тебя реже.

— Правда? Тогда я лучше откажусь от свободы, спасибо большое.

— Э... Слушай, ты здесь черепаху не видел? — спросил Брута.

— Нет. А я убрал везде, даже под кроватью.

— Может, ты видел каких-нибудь черепах в округе?

— Что, черепахи захотелось? Говорят, из них получается вкусный...

— Нет, нет. Все в порядке.

— Брута!

Это был голос Ворбиса. Брута поспешил во двор и, постучавшись, вошел в комнату дьякона.

— А, Брута...

— Да, господин.

Ворбис, поджав ноги, сидел на полу и смотрел на стену.

— Ты так молод и впервые попал в другой город. Наверное, ты хотел бы многое посмотреть.

— Да?

Ворбис снова говорил своим эксквизиторским голосом, монотонным и спокойным, похожим на тупую полоску стали.

— Можешь отправляться куда угодно. Но внимательно смотри по сторонам, Брута. И ко всему прислушивайся. Ты — мои глаза и уши. И память. Узнай все об этой стране.

— Э-э, мне правда можно выйти отсюда, господин?

— Я произвожу впечатление человека, говорящего неправду?

— Нет, господин.

— Иди же. И наполни себя знаниями. Возвращайся к закату.

— Э... я что, могу пойти даже в библиотеку?

— А? Ах да, библиотека. Библиотека, которую здесь собрали. Конечно. Набита бесполезными, опасными и пагубными знаниями. Я вижу это словно наяву, Брута. Можешь себе это представить?

— Нет, господин Ворбис.

— Невинность — вот твой щит, Брута. Да, во что бы то ни стало попади в библиотеку. На тебя ее чары не подействуют.

— Господин Ворбис?

— Да?

— Тиран сказал, что с братом Мурдаком не сделали ничего такого...

Тишина развернулась на всю опасную длину.

— Он солгал, — ответил наконец Ворбис.

— Да.

Брута ждал продолжения. Однако Ворбис молча буравил взглядом стену. «Интересно, что он там такое увидел?» — подумал Брута. Когда стало понятно, что ждать продолжения бесполезно, он сказал:

— Спасибо, господин.

Но прежде чем выйти, юноша сделал шаг назад, быстро наклонился и заглянул под кровать дьякона.

«Вероятно, он попал в беду, — думал Брута, торопливо шагая по дворцу. — Такое впечатление, что здесь все сами не свои до черепак».

Он заглядывал буквально в каждый уголок — в то же время старательно избегая фресок с изображениями обнаженных нимф.

Вообще-то, Брута знал, что женщины несколько отличаются от мужчин. Деревню он покинул в возрасте двенадцати лет, когда многие его сверстники были уже женаты. Омнианство поощряло ранние браки — в качестве профилактического средства от греха, и все равно греховными считались любые действия, которые были связаны с частями человеческой анатомии, расположенными между шеей и коленями.

«Жаль, я не обладаю достаточными знаниями, чтобы спросить у своего Бога, что здесь такого греховного», — подумал Брута.

«Хотя вряд ли Бог обладает достаточными знаниями, чтобы внятно ответить на мой вопрос...»

Но куда же подевалась черепашка?

«Он не звал меня, — думал Брута. — Я бы услышал. Значит, еще есть надежда, что его пока не сварили».

Один из рабов, занятый полировкой статуи, объяснил ему, как пройти в библиотеку. Брута тяжело побежал по проходу между колоннами.

Когда он наконец добежал до дворика, расположенного у входа в

библиотеку, то увидел там толпу философов, которые, вытянув шеи, старались что-то рассмотреть. А потом услышал обычную перебранку, свидетельствующую о том, что философский спор находится в самом разгаре.

На сей раз спор шел о следующем...

— Ставлю десять оболов, что она это не повторит!

— Ты говоришь о деньгах? Такое не каждый день услышишь, Зенон.

— Да. И сейчас ты с ними распрощаешься.

— Дядя, перестань. Это всего лишь черепаха. Наверное, это какой-то черепаший брачный танец...

Все затаили дыхание. Потом раздался общий вздох.

— Вот!

— И это ты называешь прямым углом?!

— Кончай! Посмотрел бы я, какой бы угол у тебя получился — в подобных-то обстоятельствах!

— А что она сейчас делает?

— Кажется, проводит гипотенузу.

— И это гипотенуза? Она же волнистая.

— Никакая она не волнистая. Черепаха проводит ее прямо, это тебя шатает из стороны в сторону.

— Ставлю тридцать оболов на то, что квадрат ей не осилить!

— Ставлю сорок, что она его сделает.

Снова пауза, затем возбужденные крики.

— Да!

— А по-моему, больше похоже на параллелограмм, — раздался капризный голос.

— Послушай, уж квадрат-то я всегда отличу. И это квадрат.

— Хорошо! Удваиваю ставку. Бьюсь об заклад, двенадцатиугольник ей окажется не по зубам.

— Ха! Только что ты говорил, что ей не осилить семиугольник.

— Я удваиваю. Двенадцатиугольник. Что, боишься? Чувствуешь себя оципанной курицей с плоскими ногтями? Ко-ко-ко!

— Мне стыдно брать твои деньги...

Очередная пауза.

— Десять граней? Десять граней? Ха!

— Я же говорил, все это ерунда! Кто-нибудь слышал о черепахе, разбирающейся в геометрии?

— Очередная глупая идея, а, Дидактилос?

— А я сразу говорил. Самая обычная черепаха...

— Говорят, из них получается вкусный...

Толпа философов распалась и прошла мимо Бруты, не обратив на юношу ни малейшего внимания... Он увидел круг влажного песка, исчерченный геометрическими фигурами. Среди них сидел Ом. Чуть поодаль стояла пара крайне неряшливых философов, подсчитывавших монеты.

— Ну, Бедн, как наши дела? — спросил Дидактилос.

— Поднялись на пятьдесят два обола, о учитель.

— Вот видишь. С каждым днем мы зарабатываем все больше. Жаль, что она до двенадцати считать не умеет. Отрежь ей одну лапу, сварим похлебку.

— Отрезать лапу?!

— С черепахами так и следует поступать, не есть же ее всю сразу...

Дидактилос вдруг заметил пухлого паренька с красным лицом и косолапыми ногами, который стоял у входа во дворик.

— Тебе чего? — спросил он.

— Эта черепаха умеет считать до двенадцати, — вдруг промолвил юноша.

— На этой скотине я только что потерял целых восемьдесят оболов! — воскликнул Дидактилос.

— Все верно, зато завтра... — Взгляд парня затуманился, словно он повторял только что услышанные слова. — ...Завтра ты сможешь поднять ставки три к одному.

Дидактилос в изумлении открыл рот.

— Бедн, — окликнул он, — дай-ка мне эту черепаху.

Ученик философа наклонился и очень аккуратно поднял Ома.

— Знаешь, — задумчиво промолвил Дидактилос, — я сразу заметил в этом создании что-то необычное. Смотри, сказал я Бедну, вот наш обед на завтра, а он сказал, нет, она хвостом рисует на песке геометрические фигуры. Геометрия и черепаха... обычно это несовместимые вещи.

Своим единственным глазом Ом посмотрел на Бруту.

— Мне ничего не оставалось делать, — объяснил он. — Только так можно было привлечь его внимание. Зато теперь он не отстанет от меня — из чистого любопытства, а за любопытством обычно следуют сердца и умы.

— Он — Бог, — сказал Брута.

— Правда? И как его зовут? — спросил философ.

— Не говори, только не говори этого! Нас услышат местные боги!

— Не знаю, — соврал Брута.

Дидактилос перевернул Ома.
— И все-таки Черепаха Двигается, — задумчиво произнес Бедн.
— Что? — не понял Брута.
— Учитель написал книгу, — сказал Бедн.
— Ну, не совсем книгу, — скромно возразил Дидактилос. — Скорее свиток. Настрочил небольшой труд.
— В котором говорится, что мир плоский и плывет по пространству на спине у гигантской черепахи? — уточнил Брута.
— Ты читал ее? — Дидактилос внимательно посмотрел на Бруту. — Ты — раб?
— Нет, — ответил Брута, — я...
— Только не называй своего имени! Назовись писцом или еще кем-нибудь!
— ...Писец, — едва слышно произнес Брута.
— Ну да, — кивнул Бедн, — я так сразу и подумал. Характерный мозоль на большом пальце от пера. И чернильные пятна на рукавах.
Брута посмотрел на большой палец левой руки:
— Я не...
— Извини, — усмехнулся Бедн. — Ты, видимо, пользуешься левой рукой?
— Обеими. Но не слишком хорошо, как говорят.
— А, — сказал Дидактилос. — То есть ты можешь зайти как справа, так и слева.
— Что?
— Он имеет в виду, что для тебя еще не все потеряно, — быстро перевел Ом.
— О да, — Брута вежливо прокашлялся. — Послушай... Я ищу философа. Разбирающегося в богах.
И замолчал.
Так и не дождавшись никакой реакции, Брута осторожно поинтересовался:
— Надеюсь, ты не считаешь, что боги — это пережитки устаревшей системы вероисповедания?
Дидактилос, все еще поглаживая Ома по панцирю, покачал головой.
— Нет. Не люблю, когда вокруг меня лупят молнии.
— Не мог бы ты прекратить все время его переворачивать, он только что сказал, что ему это не нравится.
— Если разрезать черепаху напополам, по кольцам можно определить ее истинный возраст, — заявил Дидактилос.

— Гм, чувства юмора у него тоже нет.

— Судя по речи, ты — омнианин.

— Э, да.

— Прибыл на переговоры?

— Я скорее молчу, чем говорю.

— И что же ты хочешь узнать о богах?

Брута, казалось, прислушался к некоему внутреннему голосу.

— Как они появляются, — наконец ответил он. — Как растут. Что происходит с ними потом.

Дидактилос передал черепашку Бруте.

— Такие размышления стоят денег, — предупредил он.

— Когда закончатся те пятьдесят два обولا, мы заплатим еще, — пообещал Брута.

Дидактилос усмехнулся.

— Похоже, ты и сам способен мыслить, — сказал он. — У тебя хорошая память?

— Ну, не совсем хорошая.

— Правда? Хорошо. Пойдем-ка в библиотеку. У нее заземленная медная крыша. Боги ненавидят, когда о них треплются.

Дидактилос наклонился и поднял с земли ржавую лампу.

Брута посмотрел на огромное белое здание.

— Это и есть библиотека? — спросил он.

— Ага, — ответил Дидактилос. — Именно поэтому над дверью крупными буквами написано «LIBRVM». Но что я объясняю? Ты же у нас писец...

Эфебская библиотека — до того как сгорела — была второй крупнейшей библиотекой на Диске.

Конечно, не такой большой, как библиотека Незримого Университета; просто та библиотека благодаря своему магическому характеру обладала некоторыми преимуществами. К примеру, ни в одной другой библиотеке не было такого полного собрания ненаписанных книг, то есть книг, которые обязательно были бы написаны, если бы автора сразу после написания первой главы не съел аллигатор. Атласы воображаемых мест. Словари иллюзорных слов. Справочники наблюдателей за невидимыми событиями. А эти дикие энциклопедии, что содержались в Затерянном Читальном Зале? Библиотека Незримого Университета была столь огромна, что искажала действительность и открывала входы в другие библиотеки где угодно и когда угодно...

И она была совсем не похожа на Эфесскую библиотеку, где хранились всего четыреста или пятьсот томов. Многие из которых были изданы в виде свитков — чтобы уберечь читателя от необходимости звать раба каждый раз, когда нужно перевернуть страницу. Каждый том хранился в специальном, предназначенном только для него одного, отделении. Книги не должны храниться слишком близко друг к другу, так как они начинают взаимодействовать странно и непредсказуемо.

Солнечные лучи пронзали тени и казались такими же осязаемыми, как колонны.

Брута не мог не обратить внимание на странную конструкцию проходов, хотя она, пожалуй, была самой незначительной достопримечательностью библиотеки. Между рядами каменных полок на высоте двух метров были прибиты деревянные планки, поддерживавшие более широкие доски непонятного предназначения. Нижние стороны досок испещряли грубые, вырезанные из дерева изображения.

— Библиотека, — объявил Дидактилос.

Он поднял руку и провел пальцами по доске над головой.

И тут до Бруты дошло.

— Так ты — слепой?

— Верно.

— Но ты зачем-то взял лампу.

— Все нормально, не бойся, масла в ней нет, — успокоил Дидактилос.

— Лампа, которая не светит, для человека, который не видит?

— Да. Работает отлично. В философском смысле, конечно.

— И ты живешь в бочке?

— Сейчас очень модно жить в бочке, — пояснил Дидактилос, быстро шагая вперед и периодически касаясь кончиками пальцев деревянных узоров над головой. — Большая часть философов так живут. Демонстрируют презрение и пренебрежение ко всему мирскому. А Легибий свою бочку превратил в сауну. Говорит, такие поразительные мысли в голову приходят...

Брута огляделся. Свитки торчали из своих гнезд, будто кукушки из часов.

— Здесь все так... Никогда не встречал настоящего философа, — несколько сбивчиво промолвил он. — Вчера вечером...

— Следует запомнить, что в этих местах существуют три основных подхода к философии, — сказал Дидактилос. — Расскажи ему, Бедн.

— Есть зенонисты, — быстро ответил Бедн, — которые говорят, что мир сложен и беспорядочен. Есть ибидиоты, которые утверждают, что мир

изначально прост и развивается в соответствии с определенными фундаментальными правилами.

— И есть я, — встрял Дидактилос, доставая свиток с полки.

— Учитель говорит, что мир в основном стар и смешон.

— И в нем вечно не хватает выпивки, — добавил Дидактилос.

— Боги... — вполголоса пробормотал он, и достал еще один свиток. — Ты хочешь узнать все о богах? Вот «Мышления» Зенона, вот «Банальности» старика Аристократа, вот глупые от первой до последней строчки «Отвлечения» Ибида, а также «Гимметрии» Легибия и «Теологии» Иерарха...

Пальцы Дидактилоса так и танцевали по полкам...

В воздух поднимались клубы пыли.

— И все это книги? — спросил Брута.

— О да. Здесь их всякая сволочь пишет.

— И люди могут их *читать*?

Вся жизнь Омнии подчинялась одной книге. А здесь были... сотни трудов...

— Ну, конечно, могут, если захотят, — пожал плечами Бедн. — Но сюда почти никто не заходит. Эти книги предназначены не для чтения. Скорее для написания.

— Мудрость веков, так сказать, — откликнулся Дидактилос. — Если хочешь доказать, что ты настоящий философ, ты обязан написать книгу. Потом ты бесплатно получаешь свиток и официальную философскую тогу.

В центре залы стоял большой каменный стол, освещаемый лучами солнца. Бедн развернул часть свитка. В золотистом свете заиграли яркие цветы.

— «О Прероде Растений» Оринжкрата, — пояснил Дидактилос. — Шестьсот растений и их использование...

— Как красиво, — прошептал Брута.

— Именно, в этих целях растения тоже можно использовать, — подтвердил Дидактилос. — О чем, кстати, совсем позабыл старина Оринжкрат. Молодец. Бедн, покажи-ка ему «Бестиарий» Филона.

Был развернут еще один свиток. Множество изображений животных, тысячи непонятных слов.

— Но... рисовать животных... это неправильно... Разве у вас не запрещено...

— Здесь собраны изображения практически всех живых тварей, — пояснил Дидактилос.

Искусство входило в список вещей, которые в Омнии крайне не

одобрялись.

— А эту книгу написал сам Дидактилос, — сказал Бедн.

Брута посмотрел на изображение черепахи. На ней стояли... «Слоны, это слоны», — услужливо подсказала ему память, навсегда запечатлевшая мельком просмотренный бестиарий. ...На спине у черепахи стояли слоны, которые держали большое, с горами и океаном, гигантским водопадом обрушивающимся с края...

— Как такое может быть? — удивился Брута. — Мир на спине черепахи? Почему все постоянно твердят мне об этом? Это не может быть правдой!

— Расскажи это мореплавателям, — хмыкнул Дидактилос. — Любой из них, кто хоть раз плывал в Краевой океан, знает, что наш мир — плоский. Зачем отрицать очевидное?

— Да нет же! Мир — это идеальная сфера, вращающаяся вокруг сферы Солнца. Так говорится в Семикнижье. И это... логично. Так и должно быть.

— *Должно?* — переспросил Дидактилос. — Ничего не знаю о том, что *должно* быть, а что — нет. «Должно» — это слово философами не применяется.

— А... это что такое? — Брута указал на окружность, расположенную сразу под изображением черепахи.

— Это карта, — пояснил Бедн.

— Карта мира, — добавил Дидактилос.

— Карта? А что такое карта?

— Это такая картинка, которая показывает, где ты находишься, — объяснил Дидактилос.

Брута в изумлении уставился на карту:

— А откуда ей-то об этом знать?

— Ха!

— Боги, — подсказал Ом. — Мы пришли сюда, чтобы расспросить его о богах.

— И это все *правда*? — спросил Брута.

Дидактилос пожал плечами:

— Может быть, может быть. Мы — здесь и сейчас. А все остальное — лишь догадки. Во всяком случае, я так считаю.

— То есть ты сам не знаешь, правда это или нет?

— Я думаю, что это может быть правдой, — ответил Дидактилос. — Но могу ошибаться. Быть философом — это значит сомневаться.

— О богах, о богах с ним поговори... — еще раз подтолкнул Ом.

— Боги... — едва слышно произнес Брута.

Его разум был словно охвачен огнем. Люди пишут все эти книги, а сами ни в чем *не уверены*, сомневаются. Вот он — уверен, и брат Ньюрод — уверен, а уверенностью дьякона Ворбиса вообще можно гнуть подковы. Уверенность — та же скала.

Теперь он понимал, почему при разговоре об Эфебе лицо Ворбиса серело от ненависти, а голос напрягался, будто натянутая проволока. Если истина вдруг перестает существовать, что остается? Эти самодовольные старикашки, посвятившие всю свою жизнь разрушению опор мира, могут предложить одну лишь неуверенность. И они этими *гордятся*?

Бедн стоял на небольшой стремянке и перебирал свитки на полках. Дидактилос сидел напротив Бруты, не сводя с него своих невидящих глаз.

— Тебе это не понравилось, верно? — спросил философ.

Брута ничего не ответил.

— Знаешь, — сказал Дидактилос почти небрежно, — говорят, что у слепых людей, подобных мне, очень хорошо развиты другие чувства. Только это неправда. Таким образом эти сволочи хотят искупить свою вину. Подобные сплетни избавляют их от обязанности испытывать к нам жалость. Но когда ты не можешь видеть, ты начинаешь учиться слышать. Прислушиваешься, как люди дышат, какие звуки производит их одежда.

Появился Бедн с очередным свитком.

— Не нужно было так... — голосом полным страданий произнес Брута. — Все это... — продолжить он не смог.

— Об уверенности я знаю все, — произнес Дидактилос, и в голосе его не было прежней легкости и раздражительности. — Я прекрасно помню, как отправился в Омнию, когда еще не был слепым. Это было до того, как вы закрыли границы и запретили людям путешествовать. И в этой вашей Цитадели я лично видел, как толпа забила камнями человека в яме. Ты когда-нибудь наблюдал подобное?

— Это обязательное действие, — пробормотал Брута. — Чтобы душа очистилась от греха и...

— О душе я ничего не знаю. На эту тему я стараюсь не философствовать, — прервал его Дидактилос. — Могу сказать только, что зрелище было ужасным.

— Состояние тела не...

— Нет, я говорю не о том бедняге, что сидел в яме, — снова перебил его философ. — А о людях, бросавших камни. Они были полностью уверены. Уверены в том, что в яме сидят не они. Это было написано на их лицах. И они были этому так рады, что бросали камни изо всех сил.

Бедн стоял рядом и явно испытывал некую нерешительность.

— Я достал «О Религии» Абраксаса, — сказал он.

— А, Уголек Абраксас. — Дидактилос явно повеселел. — Молния поражала его уже раз пятнадцать, а он все не сдаётся. Если хочешь, можешь взять этот труд, считаешь ночью. Но никаких пометок на полях, разве что очень интересное встретишь.

— Вот оно! — воскликнул Ом. — Прощайся с этим идиотом и пошли быстрее!

Брута развернул список. Даже картинок не было. Сплошные неразборчивые буквы, строка за строкой.

— Он исследовал этот вопрос долгие годы, — промолвил Дидактилос. — Ходил в пустыню разговаривать с мелкими божками. Разговаривал с некоторыми нашими богами. Храбрец. Утверждает, что боги любят, когда поблизости ошивается какой-нибудь атеист. Есть на ком сорвать злость.

Брута развернул свиток дальше. Пять минут назад он был готов признаться в том, что не умеет читать. Сейчас это признание не вытянули бы из него даже лучшие инквизиторы. Он старался держать свиток так, чтобы сложилось впечатление, будто чтение — это его конек.

— А где он сейчас? — спросил он.

— Поговаривают, год или два назад кто-то видел рядом с его домом пару дымящихся сандалий, — пожал плечами Дидактилос. — Наверное, чересчур перегнул палку.

— Думаю, — осторожно промолвил Брута, — мне пора уходить. Прошу прощения, что отнял у тебя столько времени.

— Не забудь принести свиток обратно, когда закончишь с ним работать, — напомнил Дидактилос.

— А в Омнии люди всегда так читают? — поинтересовался Бедн.

— Как?

— Вверх ногами.

Брута схватил черепашку, свирепо взглянул на Бедна и как можно величественнее покинул библиотеку.

— Гм... — буркнул Дидактилос и забарабанил пальцами по столу.

— Это его я видел вчера в таверне, — сказал Бедн. — Уверен в этом, учитель.

— Но омниане живут во дворце.

— Ты прав, учитель.

— А таверна находится *снаружи*.

— Да.

— Стало быть, по-твоему, он взял и перелетел через стену?

— Я абсолютно уверен, что это был он, учитель.

— Тогда... может, он приехал позже? И еще не успел попасть во дворец?

— Это единственное объяснение, учитель. Хранителей лабиринта подкупить невозможно.

Дидактилос треснул Бедна лампой по затылку.

— Глупец! Я уже предупреждал тебя о вреде подобных заявлений.

— Я хотел сказать, что их очень нелегко подкупить, о учитель. Всего золота Омнии здесь будет явно не достаточно.

— Вот это больше похоже на правду.

— Как ты думаешь, учитель, эта черепашка действительно бог?

— Если это так, Омнии грозят большие беды. Бог у них достаточно сволочной тип. Ты когда-нибудь читал старика Абраксаса?

— Нет, учитель.

— Очень хорошо разбирался в богах. Настоящий специалист. Правда, от него всегда воняло паленой шерстью. Вот она, врожденная стойкость.

Ом медленно полз по строчке.

— Перестань ходить взад-вперед. Я не могу сосредоточиться.

— Как люди могут так говорить? — спросил Брута у пустоты. — Они ведут себя так, будто на самом деле рады, что ничего не знают! Все время узнавать новое, ранее неизведанное!.. Они похожи на детей, с гордостью показывающих мамам содержимое ночных горшков!

Ом отметил лапкой место.

— Они заняты познанием, — пояснил он. — Этот Абраксас был мыслителем, здесь нет никаких сомнений. Даже я не знаю многое из того, что здесь написано. Садись!

Брута повиновался.

— Хорошо, — кивнул Ом, — а теперь слушай! Ты знаешь, откуда боги получают свою власть?

— От людей, в них верящих, — ответил Брута. — Миллионы людей верят в тебя.

Ом немного помедлил с ответом.

«Ну ладно... Мы — здесь и сейчас. Рано поздно он и сам все поймет. Поэтому...»

— На самом деле они в меня не верят, — сказал Ом.

— Но...

— Такое случалось и раньше, — продолжала черепашка. — Много-

много раз. Тебе известно, Абракас нашел Потерянный Город Ии? А в нем очень странные изваяния. По его словам, вера постоянно *смещается*. Люди начинают с веры в бога, а заканчивают верой в структуру.

— Я не понимаю.

— Тогда позволь мне объяснить это другими словами. Я — твой бог, верно?

— Да.

— И ты обязан мне повиноваться.

— Да.

— Хорошо. А теперь возьми камень и убей Ворбиса.

Брута не пошевелился.

— Ты меня слышал? — уточнил Ом.

— Но он... он... квизиция...

— *Теперь* ты понимаешь, что я имею в виду, — хмыкнула черепашка. — Сейчас ты больше боишься его, чем меня. Вот здесь Абракас говорит: «Вокруг Бога фармируется Абалочка из малящихся, Циримоний, Сданий, Жрицов и Властей, и в канце канцов Бох Умерает. И эта может остаться незамеченным...»

— Это неправда!

— Думаю, что как раз это — правда. А еще Абракас говорит, что существует моллюск, живущий по такому же принципу. Его раковина все время растет, становится все больше, моллюск теряет способность перемещаться и умирает.

— Но... но... это значит... вся церковь...

— Да.

Брута пытался обдумать эту идею, но она не поддавалась восприятию в силу своей колоссальности.

— Но ты же не умер, — сказал он наконец.

— Едва не умер, — поправил Ом. — И знаешь, что еще? Ни один из других мелких богов не пытается посягать на мои права. Я когда-нибудь рассказывал тебе о старом Ур-Гилаше? Нет? Он был богом до меня в той местности, которая потом стала Омнией. Не слишком хорошим. В основном богом погоды. Или богом змей. Кем-то вроде этого. Хотя понадобились годы, чтобы избавиться от него. Войны и все остальное. Вот я и задумался...

Брута ничего не сказал.

— Ом по-прежнему существует, — промолвила черепашка. — Я имею в виду оболочку. Тебе нужно только сделать так, чтобы люди поняли.

Брута по-прежнему молчал.

— Ты можешь стать следующим пророком, — сказал Ом.
— Не могу! Все знают, что следующим пророком будет Ворбис!
— Да, но ты будешь *официальным* пророком.
— Нет!
— Нет? Но я твой Бог!
— А я — мой я. Я — не пророк. Я даже писать не умею. Не умею читать. Никто не станет меня слушать.
Ом осмотрел его с головы до ног.
— Честно говоря, я бы тебя тоже не избрал... — признался он.
— Все великие пророки обладали даром предвидения! — воскликнул Брута. — Даже если они... даже если ты не разговаривал с ними, у них было что сказать. А что могу сказать я? Ничего! Что я могу сказать?
— Ну, к примеру, верьте в Великого Бога Ома, — предложила черепашка.
— А что еще?
— Что ты имеешь в виду?
Брута мрачно посмотрел в сторону двора, на который уже опускались сумерки.
— Верьте в Великого Бога Ома, иначе вас поразит молния, — сказал он наконец.
— Звучит неплохо.
— Неужели говорить всегда нужно именно так, а не иначе?
Последние лучи солнца отражались от стоявшей в центре двора статуи. Она чем-то напоминала женщину с пингином на плече.
— Патина, Богиня Мудрости, — ткнул пальцем Брута. — Та, что с пингином. Но почему именно с пингином?
— Не имею представления, — поспешил ответить Ом.
— В пингинах ведь нет ничего мудрого, верно?
— Нет, как мне кажется. Если не считать, конечно, того факта, что они не живут в Омнии. Очень мудро с их стороны.
— Брута!
— Это Ворбис, — сказал Брута и встал. — Оставить тебя здесь?
— Да. Тут еще остался кусочек дыни, то есть хлеба...
Брута вышел в сумерки.
Ворбис сидел на скамье под деревом и был неподвижен как статуя.
«Уверенность, — подумал Брута. — Раньше с этим не было проблем. Но теперь такой уверенности нет».
— А, Брута... Ты будешь сопровождать меня на прогулке. Пойдем подышим вечерним воздухом.

— Да, господин.

— Тебе понравилось в Эфебе, — сказал Ворбис.

Он редко задавал вопросы, их вполне заменяло утверждение.

— Было... интересно.

Ворбис положил одну руку на плечо Бруты и встал, опираясь второй рукой на посох.

— И что ты обо всем этом думаешь? — спросил он.

— У них много богов, и никто не обращает на них внимания, — пожал плечами Брута. — Они ищут неведение.

— И, уверяю тебя, находят его в избытке, — согласился Ворбис.

Он указал посохом в ночь.

— Пройдемся.

Из темноты доносились чей-то смех, грохот кастрюль. В воздухе густо пахло вечерними цветами. Тепло дня, накопившееся в камнях мостовой, делало ночной воздух похожим на ароматный суп.

— Эфеб выходит на море, — промолвил Ворбис. — Видишь, как он построен? Весь город находится на склоне холма, обращенном к морю. Но море изменчиво. Из моря еще ни разу не появлялось ничего постоянного. А наша драгоценная Цитадель обращена к пустыне. Но что там такое?

Брута машинально повернулся и посмотрел на нависшую над крышами домов черную массу пустыни.

— Я видел вспышку света, а потом еще одну. На склоне.

— О, свет истины, — улыбнулся Ворбис. — Пойдем же ему навстречу. Прогуляемся к лабиринту, Брута. Ты знаешь дорогу?

— Мой господин?

— Да, Брута.

— Я хотел бы задать один вопрос...

— Задавай.

— Что произошло с братом Мурдаком?

Он уловил секундную нерешительность в ритме ударов посоха по булыжникам мостовой. А потом эксквизитор сказал:

— Истина, мой добрый Брута, похожа на свет. Что тебе известно о свете?

— Он исходит от солнца. От луны и звезд. И от свечей, и от ламп.

— И так далее, — сказал Ворбис, кивая. — Конечно. Но есть свет другого вида. Свет, который заполняет даже самые темные места. Так должно быть. Если бы этого метасвета не существовало, как бы мы увидели темноту?

Брута ничего не ответил. Рассуждения дьякона показались ему

слишком философскими.

— То же самое можно сказать об истине, — продолжал Ворбис. — Некоторые понятия кажутся истинными, имеют все признаки истины, но в действительности истиной не являются. Настоящую истину иногда приходится защищать лабиринтом лжи.

Он повернулся к Бруте:

— Ты меня понимаешь?

— Нет, господин Ворбис.

— Я пытаюсь объяснить тебе, что все воспринимаемое нашими органами чувств не является *фундаментальной* истиной. Все увиденное, услышанное и сделанное плотью является лишь тенью более глубокой реальности. Это следует четко осознавать, если хочешь добиться успеха в церкви.

— Но сейчас, господин, я знаю только тривиальную истину, истину, находящуюся на поверхности, — промолвил Брута.

Он ощущал себя так, будто бы балансирует на краю пропасти.

— Так мы все начинали, — мягко заметил Ворбис.

— Так эфебы убили брата Мурдака или нет? — настаивал Брута.

Он уже занес ногу над бездной.

— Я объясняю тебе, что в глубинном смысле истины они сделали это. Своей неспособностью воспринять его слова, своей непримиримостью они, несомненно, убили его.

— Но в *тривиальном* смысле истины, — промолвил Брута, подбирая слова с тщательностью, подобной той, с которой работает инквизитор в глубинах Цитадели, — в тривиальном смысле брат Мурдак умер в Омнии, потому что умер он *не* в Эфебе, где над ним просто посмеялись, однако потом возник страх, что некоторые люди в церкви могут не понять *глубинного* смысла истины, вот и распустили слух, будто эфебы убили его в *тривиальном* смысле, таким образом предоставив вам и другим, понимавшим порочность Эфеба, основание для поиска... надлежащих путей возмездия.

Они прошли мимо фонтана. Стальной наконечник посоха дьякона мерно стучал в ночи.

— Тебя ждет блестящее будущее в церкви, — ответил наконец Ворбис. — Наступает время восьмого пророка. Время экспансии и огромных возможностей для тех, кто истинно служит Ому.

Брута смотрел в пропасть.

Если Ворбис прав и свет, делающий тьму видимой, существует, то в пропасти той живет тьма, непроницаемая для любого света. Тьма,

очерняющая свет. Он подумал о слепом Дидактилосе и лампе.

А потом вдруг услышал собственные слова:

— С людьми, подобными эфебам, перемирие невозможно. Условия любого договора нельзя считать обязательными, если таковой договор заключен между людьми, подобными эфебам, и теми, кто исповедует глубинную истину.

Ворбис кивнул.

— Кто сможет противостоять нам, когда с нами — Великий Бог? Знаешь, Брута, ты меня поражаешь.

Из темноты донеслись смех и перебор струн какого-то музыкального инструмента.

— Пир, — насмешливо произнес Ворбис. — Тиран пригласил нас на пир! Я, конечно, послал туда часть делегации. Даже их генералы участвуют в ней! Считают себя в полной безопасности, думают, лабиринт защитит их от всего, — так черепаха считает себя в полной безопасности под защитой своего панциря, не понимая, что это тюрьма. Вперед!

Из темноты появилась внутренняя стена лабиринта. Брута прислонился к ней. Где-то вверху забряцало оружие совершавшего обход часового.

Ворота в лабиринт были распахнуты настежь. Эфебы не видели причин запрещать сюда доступ. Проводник по первой шестой части лабиринта тихо посапывал на скамье. Мерцала свеча, и в нише висел бронзовый колокольчик, при помощи которого потенциальные путешественники могли вызвать проводника. Брута скользнул мимо.

— Брута?

— Да, господин?

— Проведи меня через лабиринт. Я знаю, что ты это можешь.

— Господин...

— Это приказ, Брута, — ласково произнес Ворбис.

«Никакой надежды нет, — подумал Брута. — Это приказ».

— Главное — следовать за мной шаг в шаг, господин, — прошептал он. — И не отставать ни на шаг.

— Да, Брута.

— Если я без видимой причины стану обходить какое-то место на полу, значит, его нужно обойти.

— Да, Брута.

«Может быть, мне стоит где-нибудь ошибиться? — подумал Брута. — Нет, я давал обет и должен его сдерживать. Нельзя просто взять и перестать повиноваться. Весь мир может измениться, если допустить такие мысли...»

Он отдался во власть своего обычно спящего ума. Дорога через лабиринт разматывалась в его голове словно светящаяся нить.

...По диагонали вперед и три с половиной шага направо, шестьдесят три шага налево, пауза две секунды... в том месте, где свист стали в темноте сообщил о том, что проводник придумал что-то новенькое, возможно даже получил за это приз... три ступени вверх...

«Я мог бы убежать вперед, — думал он, — мог бы спрятаться, а он свалился бы в яму, попал в западню... а потом я мог бы пробраться в свою комнату, и никто бы ни о чем не догадался...»

Мог бы...

...Вперед девять шагов, один шаг направо, девятнадцать шагов вперед, и два шага налево...

Впереди показался свет. Нет, не свет луны сквозь щели крыши, но желтый свет лампы, который то затухал, то разгорался по мере приближения проводника.

— Кто-то идет, — прошептал Брута. — Скорее всего, один из проводников!

Ворбис исчез.

Брута в нерешительности замер посреди коридора, в то время как свет все приближался и приближался.

— Это ты, Номер Четыре? — раздался старческий голос.

Свет наконец появился из-за угла. Наполовину освещенный старик подошел к Бруте и поднял свечу к его лицу.

— А где Номер Четыре? — спросил он, заглядывая за спину Бруты.

Из бокового прохода за спиной старика выступила фигура. На мгновение мелькнуло странно миролюбивое лицо Ворбиса, затем Брута заметил, как дьякон повернул и дернул рукоять посоха. Острый металл сверкнул в свете свечи.

А потом свет погас.

— Веди дальше, — раздался голос Ворбиса.

Весь дрожь от страха, Брута повиновался. Ступив вперед, он почувствовал под сандалией чью-то откинутую руку.

«Бездна, — подумал он. — Посмотри Ворбису в глаза — и увидишь в них бездну. А в ней и себя вместе с ним.

Я должен все время помнить о фундаментальной истине».

Больше проводников они не встретили. Спустя всего несколько миллионов лет им в лица дохнул холодный ночной ветерок, и Брута вышел под звездный свет.

— Молодец. Дорогу к воротам ты помнишь?

— Да, господин Ворбис.

Дьякон закрыл лицо капюшоном.

— Иди.

Улицы освещали факелы, но Эфеб был не тем городом, что бодрствует в темноте. Пара случайных прохожих не обратила на них никакого внимания.

— Бухта охраняется, — равнодушно заметил Ворбис. — Но дорогу со стороны пустыни... все знают, что пустыню еще никому не удавалось пересечь. Уверен, ты тоже это знаешь, Брута.

— Но сейчас я начинаю подозревать, что мои знания не соответствуют истине.

— Именно так. А... ворота. Насколько помню, вчера часовых было двое?

— Я видел двоих.

— А сейчас — ночь, и ворота закрыты. Тем не менее должен быть ночной сторож. Жди меня здесь.

Ворбис исчез в темноте. Через какое-то время до Бруты донесся приглушенный разговор. Брута смотрел прямо перед собой.

Разговор сменился глухой тишиной. Брута начал считать про себя.

«После десяти возвращаюсь.

Еще десяток, и все.

Хорошо, пусть будет после тридцати, и *потом* я точно...»

— А, Брута. Пошли.

Брута проглотил свое сердце и медленно повернулся.

— Но я ничего не слышал, — только и смог выдать он.

— Я хожу тихо.

— Ну что, есть ночной сторож?

— Уже нет. Помоги мне открыть засовы.

В главных воротах была небольшая калитка. Оцепеневший от ненависти Брута отодвинул засов. Дверь распахнулась, даже не скрипнув.

Снаружи были только свет далекого крестьянского хозяйства и густая темнота.

А потом эта темнота хлынула в ворота.

* * *

Как пояснил немного позже Ворбис, все дело — в иерархии и в неспособности эфебов мыслить соответственно.

Ни одна из армий не способна пересечь пустыню. Но, может быть, маленький отряд способен пройти четверть пути и оставить запас воды. И сделать так несколько раз. А другой маленький отряд, используя оставленные запасы, продвинется дальше, быть может до половины, — и тоже оставит запас. А еще один маленький отряд...

На это ушли месяцы. Треть легионеров умерла от жары и жажды, от диких животных и еще от чего-то очень плохого, от жуткого, что хранит пустыня...

Только изощренный мозг Ворбиса мог разработать подобный план.

И разработать его заранее. Люди уже умирали в пустыне, когда брат Мурдак отправился читать свои проповеди. Путь через пустыню был уже проторен, когда омнианский флот горел в Эфебской бухте.

Только мозг Ворбиса мог разработать план возмездия задолго до нападения.

И часа не прошло, как все кончилось. Фундаментальной истиной стал тот факт, что у горстки дворцовых стражников Эфеба не было ни малейшего шанса.

Выпрямившись, Ворбис сидел в кресле тирана. Время шло к полуночи. В залу ввели кучку эфебских граждан во главе с самим тираном.

Некоторое время он перебирал какие-то бумаги, потом поднял голову с выражением легкого изумления на лице, словно и не подозревал, что перед ним, под прицелом арбалетов, стоят порядка пятидесяти человек.

— А... — промолвил он, и на губах его мелькнула улыбка.

— Итак, — продолжил Ворбис, — мне очень приятно заявить, что теперь мы имеем возможность пренебречь мирным договором. В нем отпала необходимость. К чему болтать о мире, если войны больше нет? Эфеб становится епархией Омнии. Споры закончены.

Он бросил документ на пол.

— Через несколько дней в бухту войдет наш флот. Пока дворец в наших руках, сопротивления не будет. Как раз в эту минуту разбивают ваше дьявольское зеркало.

Он скрестил пальцы и обвел взглядом группу эфебов.

— Кто его построил? — спросил он.

Тиран поднял на него глаза.

— Это была эфебская конструкция.

— А, — понимающе произнес Ворбис. — Демократия. Совсем забыл. Тогда кто... — он подал знак легионеру, который немедленно передал ему

пакет, — ...написал вот это?

На мраморный пол был брошен экземпляр «Де Келониан Мобиле».

Брута стоял рядом с тронном, там, где ему было приказано стоять.

Он заглянул в бездну и превратился в нее сам. Все вокруг происходило в каком-то удаленном круге света, окруженном тьмой. Мысли быстро сменяли ли друг друга.

Знает ли сенобиарх? Кому-нибудь еще известно о двух видах истины? Кто еще знает, что Ворбис вел войну сразу за обе армии, словно играл в солдатики? Порочны ли действия, если они направлены на дальнейшее процветание?..

...На дальнейшее процветание бога, который сейчас ходит в облике черепахи. Бога, в которого верит только Брута?

К кому обращается Ворбис во время молитвы?

Сквозь бурю мыслей Брута услышал спокойный голос Ворбиса:

— Если написавший это философ откровенно не сознается в содеянном, вас всех предадут огню. И не сомневайтесь в правдивости моих слов.

Толпа зашевелилась, и раздался голос Дидактилоса:

— Пропустите! Вы же его слышали! В любом случае... я всегда хотел это сделать...

Отпихнув пару слуг, из толпы, гордо держа над головой пустую лампу, вышел философ.

Он немного замешкался, оказавшись на свободном месте, потом медленно повернулся лицом к Ворбису. Сделал несколько шагов вперед и вытянул перед собой руку с лампой, словно критически рассматривая дьякона.

— Гм-м, — наконец изрек он.

— Так это ты... преступник? — спросил Ворбис.

— Несомненно. Меня зовут Дидактилос.

— Ты что, слепец?

— Только в том, что касается зрения, мой господин.

— Тем не менее ты носишь с собой лампу, — заметил Ворбис. — Наверняка в каких-нибудь своих злокозненных целях. Или ты скажешь, что так ищешь честного человека?

— Не знаю, мой господин. А может, вы мне скажете, как выглядит такой человек?

— Я должен казнить тебя на месте, — промолвил Ворбис.

— Разумеется.

Ворбис указал на книгу.

— Эта ложь, эта клевета... Этот соблазн, призванный сбить людей с пути истинного познания. Неужели ты и сейчас посмеешь заявить, — он отпихнул книгу ногой, — что мир — плоский и плывет в пустоте на спине гигантской черепахи? Посмеешь заявить об этом здесь, стоя передо мной?

Брута затаил дыхание.

История затаила дыхание вместе с ним.

«Защити свою веру, — подумал Брута. — Один единственный раз, пусть хоть кто-нибудь выступит открыто против Ворбиса. Я не могу. Но кто-нибудь...»

Он почувствовал, что взгляд его переходит на Симони, который стоял по другую сторону от кресла Ворбиса. Сержант, казалось, был изумлен и словно бы чем-то зачарован.

Дидактилос выпрямился во весь рост. Он повернулся, и его слепые глаза скользнули по Бруте. Лампу он по-прежнему держал в вытянутой вперед руке.

— Нет, — сказал он.

— В то время как каждый честный человек знает, что мир представляет собой сферу, идеальную сферу, которая вращается вокруг сферы солнца, как Человек вращается вокруг центральной истины Ома, — не обращая внимания на его ответ, продолжал Ворбис, — а звезды...

Брута наклонился к дьякону, сердце его готово было выпрыгнуть из груди.

— Мой господин? — прошептал он.

— Что? — рявкнул Ворбис.

— Он сказал «нет».

— И это правильно, — подтвердил Дидактилос.

Какое-то время Ворбис сидел совершенно неподвижно. Потом зашевелилась его челюсть, словно он репетировал слова, перед тем как их произнести.

— Ты отказываешься от своих слов? — наконец спросил он.

— Пусть будет сфера, — кивнул Дидактилос. — Не вижу никаких проблем. Стало быть, были приняты специальные меры, чтобы никто не падал. А солнце может быть другой, еще большей сферой, которая расположена далеко от нас. Тебе как больше нравится — чтобы Луна вращалась вокруг мира или Солнце? Я бы посоветовал, чтобы вращался мир. Более иерархично и является превосходным примером для всех нас.

Брута видел то, чего не видел никогда в жизни. Ворбис выглядел сбитым с толку.

— Но ты написал... заявил, что мир покоится на спине гигантской

черепахи! Ты даже дал ей *имя!*

Дидактилос пожал плечами.

— А теперь передумал, — объяснил он. — Кто вообще о таком слышал? Чтобы черепаха длиной десять тысяч миль плыла в космической пустоте? Какая глупость! Честно говоря, мне теперь даже думать об этом не хочется.

Ворбис закрыл рот. Потом открыл его снова.

— Вот, значит, как ведут себя эфебские философы? — промолвил он.

Дидактилос снова пожал плечами.

— Так ведут себя настоящие философы, — поправил он. — Всегда нужно быть готовым принять новые идеи, учесть новые доказательства. Правильно? А ты представил нам столько новых аргументов... — Жест его охватил, конечно, совершенно случайно, окруживших комнату лучников. — ...Для раздумья. А я всегда признаю сильные аргументы.

— Твоя ложь уже отравила мир!

— Что ж, я напишу другую книгу, — спокойно произнес Дидактилос. — Сам прикинь, как это будет выглядеть. Гордый Дидактилос признает аргументы омниан. Полный разворот. Гм? Кстати, с твоего разрешения, господин, я понимаю, у тебя сейчас много работы, надо столько всего сжечь, столько всего разграбить, я удаляюсь в свою бочку немедленно и начинаю работать над книгой. Вселенная сфер. Шарик прыгает по космосу. Гм. Да. С твоего разрешения, господин, я опишу больше шариков, чем ты можешь себе представить...

Ворбис проводил его взглядом.

Брута заметил, что дьякон уже поднял было руку, дабы подать сигнал стражникам, но потом опустил ее.

Ворбис повернулся к тирану.

— И это вы называете... — начал было он.

— *Эй, ты!*

Лампа вылетела из двери и разбилась вдребезги о череп Ворбиса.

— *И все-таки... Черепаха Двигается!*

Ворбис вскочил на ноги.

— Я... — закричал он, но в следующее мгновение взял себя в руки, и раздраженно махнул паре стражников. — Поймите его. Немедленно. И... Брута?

Брута едва слышал его из-за стука крови в ушах. Дидактилос оказался лучшим мыслителем, чем он думал.

— Да, господин?

— Возьмешь отряд легионеров и отведешь их в библиотеку, а потом,

Брута, ты сожжешь библиотеку.

Дидактилос был слеп, но вокруг было темно. В то время как его преследователи отличались прекрасным зрением, вот только видеть было нечего. Кроме того, они не провели всю свою жизнь на извилистых, неровных, ступенчатых улицах Эфеба.

— ...Восемь, девять, десять, одиннадцать, — бормотал философ, бегом поднимаясь по темным ступеням и ныряя за угол.

— Черт, ой, это была моя коленка, — бормотали стражники, свалившись в кучу на середине лестницы.

Одному из них наконец удалось добраться до верха. В свете звезд он различил тощую фигуру, несущуюся с сумасшедшей скоростью по улице. Он поднял арбалет. Старый дурак даже не думал петлять...

Идеальная цель.

Запела тетива.

Лицо стражника изумленно вытянулось. Арбалет выпал из его рук, разрядился при ударе о булыжники, стрела попала в статую и куда-то отлетела рикошетом. Стражник посмотрел на оперение стрелы, торчавшей из его груди, после чего перевел взгляд на вышедшую из тени фигуру.

— Сержант Симони? — прошептал он.

— Извини, — пожал плечами Симони. — Правда, извини, но Истина важнее.

Легионер открыл было рот, чтобы высказать свою точку зрения на истину, но тяжело осел на землю.

Он открыл глаза.

Симони уходил. Все выглядело более светлым, хотя по-прежнему было темно. Неожиданно он научился видеть в темноте. Все цвета стали оттенками серого. А булыжники под руками каким-образом превратились в грубый черный песок.

Он поднял взгляд.

— ВСТАТЬ, РЯДОВОЙ ИХЛОС.

Он послушно поднялся. Он перестал быть солдатом — анонимной фигурой, используемой для преследований и убийств, призрачным эпизодическим актером в жизни других людей. Теперь он стал Дерви Ихлосом, тридцати восьми лет, относительно безгрешным с точки зрения общего положения дел и безвозвратно мертвым.

Бывший легионер неуверенно поднес руку к губам.

— Ты — судья?

— НЕ Я.

Ихлос смотрел на уходившие в никуда пески. Он инстинктивно понимал, что нужно делать. Он был менее утонченным, чем генерал-иам Б'ей Реж и обращал внимание на песни, которые слышал в детстве. Кроме того, у него было преимущество. Он был еще менее религиозным, чем генерал-иам.

— СУДИЛИЩЕ ЖДЕТ В КОНЦЕ ПУСТЫНИ.

Ихлос попытался улыбнуться.

— Мама рассказывала мне об этом, — промолвил он. — Когда умрешь, нужно будет перейти пустыню. И там тебе откроется все в истинном свете, говорила она. И ты запомнишь все так, как нужно.

Смерть сохранял нарочитую невозмутимость.

— Может, встречу по дороге друзей, — предположил легионер.

— ВОЗМОЖНО.

Ихлос отправился в путь. «В целом, — подумал он, — все могло обернуться куда хуже».

Бедн карабкался по стеллажам, как обезьяна, и сбрасывал книги на пол.

— Я могу унести двадцать, — крикнул он, — но какие именно брать?

— *Всегда* мечтал о таком... — довольно бормотал Дидактилос. — Утверждать истину перед лицом тирании и так далее. Ха! Единственный человек, не испугавшийся...

— Что брать? — заорал Бедн. — Что брать-то?

— «Механику» Гридона можешь выбросить в мусор, — откликнулся Дидактилос. — Эх, как бы мне сейчас хотелось увидеть его лицо!.. Кстати, каков бросок-то был, лампа попала прямо в цель. Надеюсь, кто-нибудь удосужится описать мои...

— Принципы зубчатых передач! Теория расширения воды! — кричал Бедн. — А вот «Асновы Гражданственности» Ибида и «Эктопия» Гномона нам точно не понадобятся.

— Что? Эти труды — достояние человечества! — рявкнул Дидактилос.

— Тогда пусть это твое человечество придет и поможет нам их тащить, — огрызнулся Бедн. — А так как нас всего двое, я предпочитаю унести что-нибудь действительно полезное.

— Полезное? Книги о механизмах?

— Да! Они могут научить людей, как лучше жить!

— А эти научат людей, как быть людьми! — возразил Дидактилос. — Кстати, найди мне другую лампу. Я чувствую себя совершенно слепым без...

Дверь библиотеки задрожала от оглушительного стука. Так стучат люди, которые не собираются ждать, когда им откроют.

— Мы можем использовать некоторые из свитков в качестве снарядов...

Дверь сорвалась с петель и с грохотом рухнула на пол.

Через нее полезли легионеры с обнаженными мечами.

— А, господа, — поприветствовал их Дидактилос. — Умоляю вас, только не сотрите мои окружности.

Капрал, исполняющий обязанности командира отряда, тупо посмотрел на философа, потом опустил взгляд на пол.

— Какие-такие окружности? — спросил он.

— Слушайте, есть предложение. Оставьте пару компасов и загляните, скажем, через полчаса, а?

— Оставь его, капрал, — велел Брута.

Он переступил через дверь.

— Я приказал не трогать этого человека.

— Но у меня приказ...

— Ты оглох? Если так, квизиция тебя быстро вылечит, — рявкнул Брута, пораженный твердостью своего голоса.

— Но ты не из квизиции, — попытался возразить капрал.

— Да, я не оттуда. Но я знаком с человеком, который там работает. Тебе было дано задание отыскать во дворце книги. Этого человека предоставь мне. Обычный старик, какой вред он способен нанести?

Капрал неуверенно переводил взгляд с пленников на Бруту.

— Отлично, капрал, я беру командование на себя.

Все повернулись к двери.

— Ты меня слышал? — спросил Симони, пробиваясь вперед.

— Но дьякон приказал...

— Капрал?

— Да, сержант?

— Дьякон далеко, а я здесь.

— Так точно, сержант.

— Идите!

— Есть, сержант.

Сержант расслабился только после того, как легионеры ушли.

Он воткнул свой меч в дверь и повернулся к Дидактилосу. Сжав левую руку в кулак, он ударил по ней ладонью правой.

— *Черепаша Двигается*, — промолвил он.

— Э-э, как сказать, — осторожно ответил философ.

— Я имею в виду... я — друг.

— Но почему мы должны тебе верить? — поинтересовался Бедн.

— Потому что у вас нет выбора, — быстро ответил сержант Симони.

— Ты можешь вывести нас отсюда? — спросил Брута.

Симони свирепо посмотрел на него.

— Тебя? — спросил он. — А почему я должен куда-то тебя выводить?

Ты — инквизитор!

Он схватился за меч.

Брута сделал шаг назад.

— Никакой я не инквизитор!

— На корабле, когда капитан подал тебе сигнал, ты ему ничего не ответил, — напомнил Симони. — Значит, ты — не из наших.

— Но я и не ихний тоже, я — свой собственный.

Брута умоляюще посмотрел на Дидактилоса, что, по сути, было бесполезно. Тогда он повернулся к Бедну.

— Я ничего не знаю об этом легионере, — произнес он. — Знаю только, что Ворбис приказал вас убить и сжечь библиотеку. Но я могу помочь. Придумал кое-что по дороге сюда.

— Не слушайте его! — воскликнул Симони и опустился на колено перед Дидактилосом. — Господин, есть люди, которые знают твою книгу и оценили ее по достоинству... У меня даже есть свой экземпляр...

Он покопался за нагрудником.

— Мы ее скопировали, — продолжил Симони. — У нас был всего один экземпляр! Но мы передавали его друг другу. Те, кто умеет читать, читали его другим!. Мы нашли в ней столько смысла!

— Э... — произнес Дидактилос. — Что?

Симони возбужденно замахал руками.

— Мы знаем, что это... Я бывал в таких местах... Это правда! Великая Черепаша существует. И она действительно движется! Нам не нужны все эти боги!

— Бедн? Медь с крыши еще не содрали? — спросил Дидактилос.

— М-м, вряд ли они это успели.

— Напомни, чтобы я не говорил с этим парнем на улице.

— Вы не понимаете! — закричал Симони. — Я могу вас спасти. У вас есть друзья в самых неожиданных местах. Пойдемте. Я только убью жреца и...

Он сжал рукоятку меча. Брута отступил.

— Нет! Я тоже могу помочь! Именно поэтому я и пришел. Когда я увидел тебя перед Ворбисом, то сразу понял, что надо сделать!

— И что же ты можешь сделать? — язвительно спросил Бедн.

— Я могу спасти библиотеку.

— Что? Может, ты взвалишь ее на спину и убежишь? — с усмешкой осведомился Симони.

— Нет, я не это имел в виду. Сколько здесь свитков?

— Около семисот, — ответил Дидактилос.

— Сколько из них самых важных?

— Все! — ответил Бедн.

— Возможно, пара сотен, — мягко поправил его Дидактилос.

— Дядя!

— Все остальные — пустая болтовня. Плюс книги, изданные из тщеславия, — стоял на своем Дидактилос.

— Но это *книги*!

— Пару сотен я осилю легко, — медленно молвил Брута. — Отсюда можно как-нибудь выбраться?

— Можно, — осторожно откликнулся Дидактилос.

— Только ничего ему не говори! — вмешался Симони.

— Тогда все ваши книги сгорят, — пожал плечами Брута и ткнул пальцем в Симони. — Он сказал, что у вас нет выбора. Значит, терять вам нечего, верно?

— Он... — начал было Симони.

— Все заткнитесь, — велел Дидактилос. И посмотрел куда-то поверх уха Бруты. — Возможно, нам удастся выбраться. Что ты задумал?

— Не верю своим ушам! — воскликнул Бедн. — Ты сам выдаешь план нашего побега. И кому? Омнианину!

— Есть тоннели, ведущие сквозь скалы, — продолжал Дидактилос.

— Возможно, но об этом нельзя говорить никому!

— Я склонен верить этому человеку, — пояснил Дидактилос. — У него честное лицо. Если рассуждать философски.

— Почему мы должны ему верить?

— Любой человек, достаточно глупый, чтобы полагать, что мы поверим ему в сложившихся обстоятельствах, заслуживает доверия. Он слишком глуп, чтобы быть вероломным.

— Я могу уйти прямо сейчас, — ответил Брута. — И во что превратится ваша библиотека?

— Вот видите! — возликовал Симони.

— Когда ситуация становится совершенно беспросветной, — хмыкнул Дидактилос, — неожиданно появляются друзья. Итак, какой у тебя план, молодой человек?

— У меня нет никакого плана, — признался Брута. — Я просто сделаю все, что надо. По порядку.

— И сколько времени займет эта процедура?

— Думаю, около десяти минут.

Симони свирепо глянул на него.

— Несите книги, — приказал Брута. — И мне понадобится свет.

— Но ты даже не умеешь читать! — воскликнул Бедн.

— А я и не собираюсь их читать, — сказал Брута, тупо глядя на первый свиток, который оказался «Де Келониан Мобиле».

— О, мой Бог... — пробормотал он.

— Что-нибудь не так? — поинтересовался Дидактилос.

— Кто-нибудь может сбегать за моей черепахой?

Симони бежал по дворцу. Никто не обращал на него внимания. Большая часть эфебских стражников находилась снаружи лабиринта, а Ворбис объяснил всем ясно и доходчиво, что произойдет с обитателями дворца, если кто-нибудь рискнет бежать. Группы омнианских легионеров дисциплинированно грабили дворец.

Зрелище бегущего легионера никого не удивляло.

В комнате Бруты действительно была черепаха. Она сидела на столе между свернутым свитком и пожеванной кожурой дыни и, насколько возможно было судить по ее виду, спала. Симони бесцеремонно схватил рептилию, засунул в ранец и поспешил обратно в библиотеку.

Он ненавидел себя за это. Глупый жрец все испортил! Но Дидактилос заставил его дать обещание, а Дидактилос — это человек, познавший истину.

Возвращаясь, он все не мог избавиться от ощущения, что кто-то пытается привлечь его внимание.

— Значит, тебе достаточно одного взгляда, что бы все-все запомнить? — недоверчиво уточнил Бедн.

— Да.

— Весь свиток?

— Да.

— Я тебе не верю.

— Верхняя часть первой буквы слова «LIBRVM» над дверью выщерблена, — ответил Брута. — Зенон написал «Мышления», старик Аристократ «Банальности», а Дидактилос считает Ибидовские «Отвлечения» абсолютной глупостью. От тронного зала тирана до

библиотеки — шестьсот шагов. Еще есть...

— Следует признать, у него хорошая память, — дал свое одобрение Дидактилос. — Показывай ему свитки.

— Но как проверить, что он действительно запомнил? — не сдавался Бедн, разворачивая свиток с геометрическими теоремами. — Он же не умеет читать! А даже если бы и умел читать, он не сможет ничего написать!

— Придется научить его письменности.

Брута посмотрел на свиток, полный карт. Потом закрыл глаза. На мгновение зазубренный контур задержался перед глазами, потом разместился в памяти. Он мог вызвать эти карты в любой момент. Бедн развернул очередной свиток. Изображения животных. Следующий — изображения растений и текст. Следующий — только текст. Потом — свиток с треугольниками и еще какими-то фигурами. Все откладывалось в его памяти. Спустя какое-то время Брута перестал замечать, как перед ним разворачивают очередной свиток, он просто смотрел.

Интересно, сколько информации он способен запомнить? Но такая мысль была просто глупой. Ты запоминаешь все, что видишь. Поверхность стола, свиток, полный текста. В текстуре и цвете древесины содержится не меньше информации, чем во всех «Мышлениях» Зенона.

Тем не менее он ощущал в голове некоторую тяжесть, ему казалось, что, если он резко повернет голову, вся память выплеснется из ушей.

Бедн взял следующий свиток и частично развернул его.

— Опиши, как выглядит пузума двусмысленная, — потребовал он.

— Не знаю, — ответил Брута и прищурился.

— Вот вам и господин Память! — язвительно произнес Бедн.

— Мой мальчик, он не умеет читать. Твои требования несправедливы, — заметил философ.

— Хорошо, я имею в виду четвертое изображение в третьем свитке, — пояснил Бедн.

— Четырехногое существо, смотрит влево, — сказал Брута. — Большая голова, похожая на кошачью, широкие плечи, туловище сужается к задней части. Рисунок на теле из темных и светлых квадратов. Уши маленькие, прижаты к голове. Шесть усиков. Хвост похож на обрубок. Только задние лапы с когтями, по три когтя на лапу. Передние лапы такой же длины, как голова, и прижаты к туловищу. Полоса густого меха...

— Это было пятьдесят свитков назад! — воскликнул Бедн. — Он смотрел на свиток не более двух секунд!

Они посмотрели на Бруту, тот снова прищурился.

- Ты все-все помнишь? — спросил Бедн.
- Да.
- Но у тебя в голове половина библиотеки!
- Я чувствую себя... немного...

Библиотека Эфеба превратилась в печь. Там, где на полки с крыши капала расплавленная медь, пламя отливало синим.

Все библиотеки соединены между собой ходами, похожими на проделанные книжными червями. Эти переходы создаются сильными пространственно-временными искажениями, которые возникают вокруг любого крупного хранилища книг.

Лишь немногие библиотекари знают этот секрет, и существуют неукоснительно соблюдаемые правила, касающиеся *использования* этого факта. А все потому, что это связано с путешествиями во времени, а путешествия во времени связаны с серьезными проблемами.

Но если библиотека уже горит и впоследствии в исторических книгах о ней отзываются как о сгоревшей дотла...

Раздался негромкий хлопок, совершенно неслышимый из-за треска пламени, и на нетронутом огнем участке библиотечного пола возникла некая фигура.

Она была похожа на обезьяню, но двигалась совершенно осмысленно. Большие обезьяньи лапы сбили пламя и принялись запихивать в мешок еще не сгоревшие свитки. Когда мешок был полностью заполнен, фигура на костяшках пальцев скользнула в пламя и с легким хлопком исчезла.

Впрочем, к нашему рассказу это не имеет никакого отношения.

Так же как и тот факт, что свитки, считавшиеся безвозвратно утерянными во время Великого Пожара Эфебской библиотеки, появились позднее в удивительно хорошем состоянии в библиотеке Незримого Университета, что в Анк-Морпорке.

Хотя приятно, что книжки все-таки не сгорели.

Брута проснулся с запахом моря в ноздрях.

По крайней мере, люди называют это запахом моря, хотя на самом деле так воняют тухлая рыба и гнилые водоросли.

Он лежал в какой-то хижине. Свет, проникавший через одно незастекленное окно, был красным и мерцающим. Одна стена отсутствовала, и хижина стояла прямо над водой. Красноватый свет озарял группу столпившихся вокруг чего-то людей.

Брута осторожно проверил содержимое памяти. Вроде бы все было на месте, свитки библиотеки аккуратно хранились в голове. Слова по-прежнему оставались бессмысленными, но картинки были интересными. По крайней мере, более интересными, чем все остальное, хранившееся в памяти.

Он осторожно сел.

— Наконец-то ты проснулся, — в его голове раздался голос Ома. — Чувствуешь себя несколько заполненным, да? Нет ощущения, что превратился в книжную полку? Словно повсюду в голове развешаны таблички с надписью «ТИШЕ!»... Чего ради ты надрывался?

— Я... Не знаю. Мне казалось, что это нужно сделать. Ты где?

— Твой друг легионер засунул меня в ранец. Кстати, спасибо, что так заботишься обо мне.

Брута с трудом поднялся на ноги. На мгновение мир закрутился вокруг, добавив третью астрономическую теорию к тем двум, что так занимали умы местных мыслителей.

Он выглянул в окно. Источником красного света оказался огонь, бушующий над Эфебом, а самое яркое пламя пылало над библиотекой.

— Партизанская война, — пояснил Ом. — Сражаются даже рабы. Не могу понять почему. Другой бы решил, что они подпрыгнут от радости, получив возможность отомстить злым хозяевам, так нет ведь...

— Полагаю, у рабов Эфеба был шанс стать свободными, — предположил Брута.

В другом углу хижины раздалось шипение, за которым последовал какой-то металлический шум. Потом Брута услышал радостный голос Бедна:

— Я же говорил. Обычный засор в трубках. Давайте-ка добавим топлива.

Брута заковылял к группе людей.

Они толпились вокруг некоего суденышка. По форме оно напоминало обычную лодку, с острым носом и тупой кормой. Только мачты не было. Зато был большой шар цвета меди, водруженный на деревянную конструкцию ближе к корме. Под шаром была установлена железная корзинка, в которой кто-то развел огонь.

Шар неторопливо вращался на раме, окутанный облаком пара.

— Я уже видел это, — сказал Брута. — В «Де Келониан Мобиле». Там был чертеж.

— А, наша ходячая библиотека, — произнес Дидактилос. — Да. Ты прав. Наглядная иллюстрация принципа реактивности. Только я никогда не

просил Бедна изготовить настолько большую модель. Вот что получается, когда думаешь не головой, а руками.

— На прошлой неделе ночью я обошел на ней маяк, — похвастался Бедн. — Никаких проблем.

— Анк-Морпорк находится значительно дальше, — задумчиво промолвил Симони.

— Да, расстояние до него превышает расстояние между Эфебом и Омнией в пять раз, — мрачно констатировал Брута. — В одном свитке содержались карты, — добавил он.

Пар обжигающими клубами поднимался от вращавшегося шара. Сейчас, подойдя ближе, Брута рассмотрел с полдюжины коротких весел, соединенных звездой за шаром и нависавших над кормой лодки. Деревянные шестерни и бесконечные ремни заполняли пространство между шаром и колесом. Шар вращался, весла рубили воздух.

— Как это работает? — спросил он.

— Очень просто, — начал объяснять Бедн, — огонь нагрет...

— У нас нет времени, — прервал его Симони.

— ...Нагревает воду, и она начинает сердиться, — продолжал ученик философа. — Поэтому она вырывается из шара через эти четыре сопла, чтобы убежать от огня. Струи пара вращают шар, а шестерни и винтовой механизм Легибия передают вращение на гребное колесо, которое тоже вращается и перемещает лодку по воде.

— Очень философский принцип, — заметил Дидактилос.

Брута почувствовал себя обязанным встать на защиту омнианского прогресса.

— Великие двери Цитадели весят много тонн, а открываются одной силой веры, — сказал он. — И распахиваются, стоит к ним только прикоснуться.

— Интересно было бы взглянуть на такое, — хмыкнул Бедн.

Брута ощутил приступ греховной гордости от того, что в Омнии еще осталось чем гордиться.

— Наверное, очень хорошая сбалансированность и гидравлика.

— О.

Симони задумчиво ткнул в механизм мечом.

— Другого варианта точно нет? — спросил он.

Бедн замахал руками.

— Ты имеешь в виду, а не создать ли нам могучий корабль, который бороздил бы темное, как вино, море без всякой помощи...

— Я думал о суше, — оборвал его Симони. — О какой-нибудь

обычной телеге...

— Нет никакого смысла ставить лодку на телегу.

Глаза Симони заблестели так, словно он увидел будущее и это будущее было заковано в броню.

— Гм-м, — только и сказал он.

— Мысль неплохая, — заметил Дидактилос, — но совсем не философская.

— А куда подевался наш жрец?

— Я здесь, но я не...

— Как ты себя чувствуешь? Ты буквально погас, прям как свечка.

— Сейчас мне... лучше.

— Только что стоял на ногах, а потом вдруг бряк, и тебя можно как затычку от сквозняков использовать!

— Мне значительно лучше.

— С тобой такое часто случается, да?

— Иногда.

— Свитки помнишь?

— Думаю... да. А кто поджег библиотеку?

Бедн поднял голову от механизма.

— Он, — ответил юноша.

Брута уставился на Дидактилоса.

— Ты поджег собственную библиотеку?

— Только я имел на это право, — объяснил философ. — Кроме того, так она не досталась Ворбису.

— Что?

— Предположим, он изучил бы свитки. Он и так достаточно скверный человек, но превратился бы в еще более скверного, впитав все знания, что там хранились.

— Он ни за что не стал бы их читать, — сказал Брута.

— Ошибаешься. Я знаю людей подобного рода, — возразил Дидактилос. — Сама благочестивость на людях, а в частной жизни — сплошной порок и потакание собственным желаниям.

— Только не Ворбис, — с абсолютной уверенностью произнес Брута. — Он не стал бы их читать.

— Пусть будет по-твоему, — согласился Дидактилос. — Но я поступил так, как следовало поступить.

Бедн, подложив дров на решетку под шаром, отошел от лодки.

— А мы поместимся на ней?

Брута устроился на грубой скамье в районе склянки — или как там это

называлось у лодки. В воздухе пахло горячей водой.

— Ну ладно... — промолвил Бедн и потянул рычаг.

Вращавшиеся лопасти ударили по воде, последовал рывок, и, выбрасывая облака пара, лодка бодро заскользила по воде.

— И какое же имя ты дал этому суденышку? — спросил Дидактилос.

Бедн выглядел удивленным.

— Имя? — переспросил он. — Это лодка, вещь, из рода неодоушевленных вещей. Имя ей *не требуется*.

— Имена имеют философский смысл, — несколько раздраженно возразил Дидактилос. — И нужно было разбить об нее амфору с вином.

— Ага, щас, я лучше выпью его.

Лодка с пытением вышла из сарая в темную бухту. С одной стороны горела эфебская галера. Весь город охватили языки пламени.

— Значит, у тебя есть амфора с вином? — спросил Дидактилос.

— Да.

— Передай ее мне.

Лодка оставляла за собой белый след. Вертелись лопасти.

— Ни ветра, ни гребцов! — возбужденно воскликнул Симони. — Бедн, ты хоть понимаешь, что изобрел?

— Конечно. Принцип работы удивительно прост, — ответил Бедн.

— Я имел в виду не это, а то, чего можно добиться при помощи этой силы!

Бедн в огонь подложил очередное полено.

— Я просто заставляю тепло работать, — пояснил он. — Полагаю, с его помощью... можно перекачивать воду. Молоть зерно, когда нет ветра. Еще что-нибудь такое. Ты это имел в виду?

Сержант Симони замялся.

— Э, ага, — наконец выдавил он. — Что-то вроде.

— Ом, — прошептал Брута.

— Да?

— Ты в порядке?

— Здесь воняет, как в ранце у легионера. Вытащи меня.

Медный шар с сумасшедшей скоростью вращался над огнем. Он блестел почти так же ярко, как глаза Симони.

— А можно я заберу свою черепашку?

Симони горько рассмеялся.

— Говорят, из них получается вкусный суп, — ответил он, но достал черепашку из ранца.

— Ну да, я об этом уже слышал, — кивнул Брута, а потом понизил

голос до шепота: — Что за место, этот Анк?

— Город миллиона душ, — ответил голос Ома, — многие из которых, к сожалению, все еще занимают тела. И тысяч религий. Там есть даже Храм Мелких Богов! Похоже, люди там не испытывают связанных с верой неудобств. Неплохое место для того, чтобы начать все заново. С моими мозгами и твоей... в общем, с моими мозгами мы быстро добьемся успеха.

— Ты что, не хочешь возвращаться в Омнию?

— Не вижу в этом особого смысла, — откликнулся Ом. — Всегда существует возможность свергнуть уже признанного бога. Людям бог надоедает, им хочется перемен. Но самого себя свергнуть невозможно, верно?

— Ты с кем это разговариваешь, а, жрец? — с подозрением осведомился Симони.

— Я... молился.

— Ха! Ому? С таким же успехом мог бы помолиться своей черепашке.

— Ага.

— Мне стыдно за Омнию, — продолжил Симони. — Посмотри на нас. Увязли в прошлом, погрязли в репрессивном единобожии. Нас отвергли все соседи. Какая польза от нашего Великого Бога? Боги? Ха!

— Осторожно. Осторожно, — перебил Дидактилос. — Вокруг нас морская вода, а ты к тому же в доспехах.

— О других богах я ничего не говорю, — быстро произнес Симони. — У меня нет на это права. Но Ом? Страшилище, выдуманное квизицией! Если он существует, то пусть поразит меня здесь и сейчас!

Симони обнажил меч и поднял его над головой.

Ом мирно сидел на коленях у Бруты.

— А мне нравится этот парень, — хмыкнул он. — Очень похож на того же верующего. Это как любовь и ненависть, понимаешь, что я имею в виду?

Симони убрал меч в ножны.

— Следовательно, я отвергаю Ома, — возвестил он.

— Да, но есть ли у тебя альтернатива?

— Философия! Практическая философия! Такая, как двигатель Бедна. Она пинками и воплями загонит Омнию в столетие Летучей Мыши!

— Пинками и воплями... — повторил Брута.

— Пинки тут особенно необходимы, — пояснил Симони, сияя от удовольствия.

— Да не волнуйся ты так, — успокоил юношу Ом. — Мы к тому времени будем далеко. И в полном порядке, во всяком случае я так думаю.

Кроме того, вряд ли новости о событиях прошлой ночи добавят Омнии популярности.

— Но во всем виноват Ворбис! — громко воскликнул Брута. — Это он все начал! Он заслал в Эфеб бедного брата Мурдака, а потом избавился от него, но всю вину свалил на эфебов! Он и не собирался заключать мирный договор! Ему нужно было только пробраться во дворец!

— Понять не могу, как ему это удалось... — задумался Бедн. — Никому еще не удавалось пройти лабиринт без проводника. Как же это у него получилось?

Слепые глаза Дидактилоса отыскали Бруту.

— Ума не приложу, — откликнулся философ.

Брута опустил голову.

— Значит, это он все подстроил? — спросил Симони.

— Да.

— Идиот! — завопил Ом. — Полный кретин!

— И ты расскажешь об этом людям? — настаивал Симони.

— Полагаю, что да.

— Громко выступишь против квизиции?

Брута с несчастным видом таращился в ночь. За кормой пламя эфебского пожара слилось в одну большую оранжевую точку.

— Я могу рассказать только о том, что помню, — ответил он.

— Мы — покойники, — обреченно прошептал Ом. — Брось меня за борт. Этот болван непременно захочет притащить нас в Омнию!

Симони задумчиво почесывал подбородок.

— У Ворбиса много врагов, — наконец промолвил он. — В определенных обстоятельствах лучше было бы убить его, но многие назовут это убийством. Или даже сделают его мучеником. Но суд... вот если бы были доказательства... малейшее *подозрение* на доказательства...

— Я вижу, как работает его мозг! — завопил Ом. — Если бы ты не трепал языком, мы быплы себе иплыли!

— Ворбис, представший перед судом... — задумчиво произнес Симони.

Брута побледнел от одной мысли об этом. Таковую мысль было практически невозможно удержать в голове. Это была мысль, не имевшая смысла. Судить Ворбиса? Суды случаются с кем угодно, только не с Ворбисом.

Он вспомнил брата Мурдака. И легионеров, погибших в пустыне. И то, что происходило с другими людьми, с ним самим...

— Без комментариев! — орал Ом. — Скажи, что только что помнил и

вдруг забыл!

— Если он предстанет перед судом, — сказал Симони, — то обязательно будет признан виновным. Его просто не посмеют отпустить после такого.

Мысли в голове Бруты всегда двигались медленно, как айсберги. Они появлялись неспешно и уплывали, никуда не торопясь, медленно. Мысли Бруты, как правило, занимали много места, но большая их часть скрывалась под поверхностью.

«Самое худшее в Ворбисе, — думал он, — вовсе не то, что он сам творит зло, а то, что он заставляет творить зло других людей. Он изменяет людей по своему образу и подобию. И с этим ничего не поделаешь. Ты просто заражаешься от него».

— Если мы вернемся в Омнию, нас схватят, — предупредил Брута.

— Мы можем высадиться в стороне от морских портов, — живо возразил Симони.

— Анк-Морпорк! — орал Ом.

— Сначала нужно доставить господина Дидактилоса в Анк-Морпорк, — заявил Брута. — А потом я вернусь в Омнию.

— И меня, меня тоже там оставь! — воскликнул Ом. — Не волнуйся, в Анк-Морпорке быстро найдутся верующие. Тамошние жители готовы верить во все, что угодно!

— Никогда не бывал в Анк-Морпорке, — признался Дидактилос. — Тем не менее век живи, век учишься. — Он повернулся лицом к легионеру. — Под пинки и вопли.

— В Анке живет много изгнанников, — успокоил его Симони. — Не бойся, там ты будешь в безопасности.

— Поразительно! — воскликнул Дидактилос. — Подумать только, еще утром я и не подозревал, что мне грозит какая-то опасность.

Он опустил обратно на скамью.

— Жизнь в этом мире, — продолжил философ, — является, и раньше была таковой, пребыванием в пещере. Что мы можем знать о реальности? Все, что мы принимаем за действительную природу существования, — это не более чем причудливые и удивительные тени, отброшенные на стены пещеры ослепительным, но невидимым светом абсолютной истины, из которого нам удастся, а иногда и не удастся извлечь отблеск правдивости, и мы, будто первобытные искатели истины, можем только возвысить голос к невидимому и взмолиться смиренно: «Слушай, а „уродского кролика“ можешь показать? Уж очень он мне нравится...»

Ворбис тронул ногой кучку пепла.

— Никаких костей, — констатировал он.

Божественные легионеры застыли рядом. Частички пушистого пепла подхватил утренний ветерок, но они быстро осели.

— И пепел не похожий, — добавил Ворбис.

Сержант открыл было рот, чтобы что-то сказать.

— Будь уверен, я знаю, о чем говорю, — остановил его Ворбис.

Он подошел к обугленной потайной двери и пнул ее.

— А был ли мальчик? — спросил он у небес.

— Мы прошли по тоннелю, — сказал сержант голосом человека, лелеющего тайную, пусть даже тщетную надежду отвести от себя гнев при помощи услужливого тона. — Он ведет к верфям.

— Но если войти в него с той стороны, попадешь ты не сюда, а куда-то еще... — пробормотал Ворбис.

Казалось, дымящийся пепел крайне заинтересовал его.

Сержант удивленно поднял брови.

— Доходит? — спросил Ворбис. — Эфебы не стали бы строить столь простой потайной ход, по которому можно было бы ходить в обе стороны. Эти умы придумали изощренный лабиринт. Должны быть... скрытые переходы. Последовательность шагов по камням, открывающая их. Защелки, срабатывающие в одном направлении. Вращающиеся лезвия, появляющиеся из ничем не приметных стен.

— А.

— Самые замысловатые и хитрые ловушки.

Сержант облизал сухим языком губы. Он не мог читать Ворбиса как книгу, прежде всего потому, что никто никогда не создавал подобную Ворбису книгу. Впрочем, Ворбис часто мыслил шаблонами, которые со временем можно было научиться распознавать.

— То есть мой отряд должен пройти по тоннелю, войдя в него со стороны верфей? — глухим голосом уточнил легионер.

— Я как раз собирался это предложить, — отозвался Ворбис.

— Слушаюсь, господин.

Ворбис похлопал сержанта по плечу.

— Главное, не волнуйся! — весело воскликнул он. — Ом не оставит сильных верой.

— Так точно, господин.

— А последний оставшийся в живых человек представит мне полный доклад. Их точно нет в городе?

— Мы обыскали все до последнего дома, господин.

— И никто не выходил через ворота? Значит, они ушли морем.

— Все эфебские корабли на месте, господин Ворбис.

— В бухте полно мелких судов.

— Но им некуда бежать, разве что в открытое море.

Ворбис посмотрел на Круглое море. Оно протянулось от горизонта до горизонта. За ним лежала равнина Сто, окаймленная зазубренной линией Овцепикских гор, а дальше начинались уходящие в небо вершины, посреди которых располагался Полюс (или, как его называют всякие еретики, Пуп). За изгибом сферы его можно было увидеть только благодаря особому преломлению света в атмосфере, точно так же свет преломляется в воде... А еще отсюда можно было увидеть завитки волн на краю далекого океана.

У Ворбиса было очень хорошее зрение.

Он взял горсть серого пепла, которая прежде была «Принцыпами Навигации» Дикери, и просеял его сквозь пальцы.

— Ом послал нам попутный ветер, — наконец промолвил Ворбис. — Пойдем к пристани.

Тонуций в волнах отчаяния сержант углядел тянущуюся к нему призрачную руку надежды.

— Значит, нам не нужно обследовать тоннель, о господин? — радостно спросил он.

— Сейчас — нет. Займешься этим, когда вернемся.

* * *

Бедн ковырял в медном шаре проволокой, а «Лодка Без Имени» качалась себе на волнах.

— Может, ему врезать как следует? — предложил Симони, который не ощущал разницы между механизмами и людьми.

— Это философский двигатель, — пояснил Бедн. — Побоями тут ничего не добьешься.

— Но ты же сам говорил, что машины могут быть нашими рабами, — напомнил Симони.

— Да, но бить их бесполезно. Сопла забились солью. Вода, убегая из шара, оставляет соль.

— Почему?

— Не знаю. Вероятно, предпочитает путешествовать налегке.

— Мы стоим на месте! И ты ничего не можешь сделать?

— Я могу подождать, пока шар остынет, а потом прочистить его и

залить воду.

Симони встревоженно огляделся.

— Я все еще вижу берег!

— Ты — возможно, — сказал Дидактилос.

Философ сидел в центре лодки, скрестив руки на трости, и производил впечатление старика, которого нечасто выводят на свежий воздух и который в полной мере наслаждается случайной прогулкой.

— Не волнуйся, — успокоил легионера Бедн, одновременно ковыряясь в механизме. — Никто нас здесь не увидит. Меня больше беспокоит винт, он предназначен двигать воду, а не быть движимым водой.

— То есть он все перепутал? — спросил Симони.

— Совсем закрутился, — радостно подхватил Дидактилос.

Брута лежал на корме и смотрел на воду. Рядом с поверхностью проплыл маленький кальмар. «Интересно, что это за существо?» — невольно подумал он...

...И *понял*, что это обычный кальмар, тот же самый моллюск, что вместо скелета у него хрящи, обладает развитой нервной системой и крупными формирующими изображение глазами, похожими на глаза позвоночных животных.

Некоторое время это знание висело в передней части его мозга, а потом исчезло.

— Ом? — прошептал Брута.

— Что?

— Ты что там делаешь?

— Пытаюсь уснуть. Знаешь, черепахи тоже нуждаются в сне.

Симони и Бедн склонились над философским двигателем. Брута устался на шар...

...Сфера с радиусом r имеет объем $V = (4/3) (\pi) r^3$, а площадь поверхности $A = 4 (\pi) r^2$...

— О Боже...

— Ну что еще? — раздался недовольный голос черепашки.

Дидактилос повернулся лицом к Бруте, который судорожно сжал голову ладонями.

— Что такое пи?

Дидактилос протянул руку, чтобы успокоить Бруту.

— А в чем дело? — в ответ спросил Ом.

— Не знаю! Просто слова! Я не знаю, что написано в книгах! Я не умею читать!

— Здоровый сон жизненно необходим, — нравоучительно изрек

Ом. — Здоровый сон — здоровый панцирь.

Брута опустился на колени в качающейся на волнах лодке. Он чувствовал себя домовладельцем, неожиданно вернувшимся домой и заставшим там толпу незнакомцев. Они были в каждой комнате, однако ничем ему не угрожали, просто заполняли пространство своим присутствием.

— Книги вытекают!

— Не могу понять, как такое может случиться, — пожал плечами Дидактилос. — Ты сам говорил, что просто смотрел на них. Ты их не читал. И не знаешь, что в них написано.

— Зато они знают, что в них написано.

— Послушай, это всего лишь книги, из рода книг, — попытался успокоить его Дидактилос. — Они даже не волшебные. Бедн стал бы гением, если бы был способен узнать содержание книг, просто взглянув на них.

— Что с ним такое? — поинтересовался Симони.

— Решил, что слишком много знает.

— Нет! Я ничего не знаю! То есть по-настоящему не знаю! — завопил Брута. — Я просто вспомнил, что у кальмаров внутренняя хрящевая опора!

— М-да, чую, грядут неприятности, — хмыкнул Симони. — Ха! Эти жрецы! Безумны, почти все, по крайней мере, большинство.

— Нет! Я просто не знаю, что *означает* «хрящевой»!

— Это соединительная ткань скелета, — пояснил Дидактилос. — Представь себе кость и кожу одновременно.

Симони опять хмыкнул.

— Ну и ну, как ты недавно сказал, век живи, век учись.

— И наоборот, — согласился Дидактилос.

— Наоборот?

— Философия, — пояснил Дидактилос. — Садись, мой мальчик. Ты раскачиваешь лодку. Мы и так перегружены.

— Ее плавучесть обеспечивается силой, равной весу вытесненной жидкости, — вяло пробормотал Брута.

— Гм?

— Только я не знаю, что такое плавучесть.

Бедн распрямился над сферой.

— Можем отправляться в путь, — сказал он. — Только нужно залить сюда воду. Ничего, если я воспользуюсь твоим шлемом, сержант?

— И мы снова поплывем?

— Мы начнем вырабатывать пар, — поправил Бедн и вытер руки об

тогу.

— Знаете, — сказал вдруг Дидактилос, — существуют самые разные способы познания. Помню, когда-то принц Ласгер Цортский спросил меня, как ему стать ученым человеком, учитывая тот факт, что времени на чтение у него нет. И я сказал ему: «Королевской дороги к познанию не существует, ваше величество». А он мне ответил: «Так построй ее, иначе я отрублю тебе ноги. Используй столько рабов, сколько нужно». Очень бодрящий и непосредственный подход, должен сказать. Человек не привык бросать слова на ветер, людей — сколько угодно, но только не слова.

— А почему он не отрубил тебе ноги? — спросил Бедн.

— Я построил ему дорогу. Во всяком случае, нечто вроде.

— Правда? Мне казалось, ты имел в виду какую-то метафору.

— Ты делаешь успехи, Бедн. Я нашел дюжину грамотных рабов, посадил их в спальне у принца и заставил читать избранные места, пока он спит.

— И как, сработало?

— Не знаю. Третий раб воткнул ему в ухо шестидюймовый кинжал. Сразу после революции новый правитель выпустил меня из тюрьмы и сказал, что я могу покинуть страну, если дам обещание ни о чем не думать до самой границы. Но, по-моему, мой замысел имел шансы на успех.

Бедн плюнул в огонь.

— Нужно время, чтобы вода нагрелась, — пояснил он.

Брута лег на носу лодки. Сосредоточившись, он мог слегка приостановить поток знаний. Самое главное, ни на что не смотреть. Даже облака...

...Считаемые в натурфилософии средствами затенения поверхности мира, предотвращающими перегрев...

...Вызывали ненужные знания. Ом крепко спал.

«Знания без учения, — подумал Брута. — Нет. Наоборот. Учения без знаний».

Девять десятых Ома спали в панцире. Остальное парило туманной дымкой в реальном мире богов, значительно менее интересном, чем трехмерный мир, заселенный человечеством.

«Мы в такой маленькой лодке, — думал Ом, — возможно, она нас и не заметит. Океан такой огромный. Не может же она быть повсюду.

Конечно, у нее много верующих, но мы в такой малюсенькой лодочке...»

Он чувствовал мысли рыбешек, с любопытством тыкавшихся носами в

конец винта. Что было достаточно странно, потому что в обычных обстоятельствах рыба не славилась тем, что...

— Привет, — сказала Морская Королева.

— А.

— Вижу, твое существование еще продолжается, маленькая черепашка.

— Пребываю здесь, без проблем, — ответил Ом.

Возникла пауза, которая, если бы разговор происходил между людьми, ушла бы на покашливание и принятие смущенного вида. Но боги никогда не испытывают смущения.

— Полагаю, — продолжил Ом, — ты пришла за расплатой.

— Это судно и все в нем находящиеся, — кивнула Морская Королева. — Но твоего верующего, согласно традиции, я могу пощадить.

— На что они тебе сдались? — спросил Ом. — Один из них и вовсе атеист.

— Ха! Когда близится конец, начинают верить все до единого.

— Мне это не кажется... — Ом замялся. — Справедливым?

Теперь пришел черед замолкнуть Морской Королеве.

— А что есть справедливость? — наконец поинтересовалась она.

— Нечто вроде основы правосудия, — откликнулся Ом и сам удивился своим словам.

— Очень похоже на мысль, высказанную каким-нибудь человеком.

— О, эти люди, они очень изобретательны. Но я не то имел в виду. Находящиеся в этой лодке не заслужили такой судьбы.

— Заслужили? Они — люди. При чем здесь заслужили или нет?

Ом вынужден был признать свое поражение. Конечно, подобные мысли не пристали божеству. Что же такое с ним творится?

— Просто...

— Ты слишком долго зависел от одного человека, мелкий бог.

— Знаю, знаю. — Ом вздохнул. Мысли влияют друг на друга и порой меняются местами. Он слишком долго смотрел на происходящие с точки зрения человека. — Что ж, бери лодку, раз так надо. Я просто хотел, чтобы это было...

— Справедливо? — закончила за него Морская Королева.

Она приблизилась вплотную, Ом чувствовал ее присутствие вокруг себя.

— Справедливости нет, — сказала она. — Жизнь похожа на иссушенный берег. А потом ты умираешь.

И она исчезла.

Ом почувствовал, как возвращается в оболочку своего панциря.

— Брута?

— Да?

— Ты плавать умеешь?

Шар начал вращаться.

— Все. Скоро тронемся, — донесли до Бруты слова Бедна.

— Скорей бы. — Это был Симони. — К нам направляется какой-то корабль.

— Эта лодка идет быстрее, чем любое судно с парусами или веслами.

Брута кинул взгляд в сторону берега. Мимо маяка проходил элегантный омнианский корабль. Он был еще далеко, но Брута смотрел на него с ужасным предчувствием, которое увеличивало лучше, чем любой телескоп.

— Быстро идет, — заметил Симони. — Не понимаю, ветра-то нет.

Бедн оглядел гладкое как зеркало море.

— Ерунда какая-то. Чтобы там ветер был, а здесь его не было?.. — пробормотал он.

— Я спросил, умеешь ли ты плавать? — настойчиво повторила черепашка.

— Не знаю, — честно признался Брута.

— А ты не можешь как-нибудь выяснить это, да побыстрее?

Бедн поднял голову.

— Ого, — удивился он.

Над «Лодкой Без Имени» сгущались тучи. Было видно, как они вращаются, словно в гигантском водовороте.

— Как ты можешь не знать таких примитивных вещей? — не выдержал Ом. — Я думал, у тебя идеальная память!

— В деревне мы часто плескались в большой бочке, — ответил Брута. — Это считается или нет?

Поверхность моря подернулась пеленой. В ушах у Бруты что-то щелкнуло. А омнианский корабль по-прежнему спокойно скользил по волнам.

— Как это называется, когда в одном месте полный штиль, а вокруг ветер?.. — спросил Бедн.

— Ураган? — неуверенно предположил Дидактилос.

Из тучи в море ударила молния. Бедн рванул рычаг, который опускал винт в воду. Его глаза сверкали чуть ли не ярче молнии.

— Вот *это* сила! — воскликнул он. — Обуздать молнию! Мечта всего человечества! Сон наяву!

«Лодка Без Имени» рванулась вперед.

— Неужели? — удивился Дидактилос. — А мне, как правило, снятся другие сны. Будто за мной по полю, засеянному лангустами, гоняется гигантская морковка.

— Я вовсе не те сны имел в виду. Сон наяву — это метафора, — объяснил Бедн.

— А что такое метамфора? — спросил Симони.

— А что такое сон? — спросил Брута.

Зигзаг молнии ударил в туман. Искры засверкали на поверхности вращавшегося шара.

— Того же самого эффекта можно добиться при помощи самой обыкновенной кошки, — заметил пребывавший в философском мире Бедн, хотя в действительности находился в лодке, оставлявшей за собой белый след. — Если кошку погладить эбонитовой палочкой, можно вызвать крошечные молнии... Вот если бы я мог усилить их в миллион раз и заключить их в специальные сосуды, тогда все люди разом перестали бы быть рабами и мы бы навсегда распрощались с ночью...

Молния ударила всего в нескольких ярдах от суденышка.

— Мы находимся в лодке, на которой установлен большой медный шар, а вокруг — масса соленой воды, — усмехнулся Дидактилос. — Бедн, большое тебе спасибо.

— И храмы богов получили бы достойное освещение, — быстро добавил Бедн.

Дидактилос постучал тростью по корпусу лодки.

— Великолепная идея, но где ты возьмешь столько кошек?

Волны становились все выше и выше.

— Прыгай в воду! — заорал Ом.

— Зачем? — удивился Брута.

Очередная волна едва не перевернула лодку. Дождь шипел на поверхности шара, и во все стороны летели обжигающие капли.

— Нет времени объяснять! Прыгай за борт! Так будет лучше! *Верь мне!*

Брута поднялся на ноги и схватился за поддерживающую шар раму, чтобы сохранить равновесие.

— Сядь! — закричал Бедн.

— Я пойду прогуляюсь, — сказал Брута. — Некоторое время меня, возможно, не будет.

Лодка закачалась, и он полупрыгнул-полуупал в бурлящее море.

Молния ударила прямо в медную сферу.

Вынырнув на поверхность, Брута успел разглядеть раскаленный добела шар и «Лодку Без Имени», несущуюся по волнам, точно комета. Винт едва касался воды. Очень быстро суденышко исчезло за стеной дождя и тумана. А еще через мгновение шум бури перекрыл глухой взрыв.

Брута поднял руку. На поверхности, выдувая воду из ноздрей, показался Ом.

— Ты говорил, что так будет лучше! — закричал Брута.

— По крайней мере, мы еще живы! И держи меня повыше над водой! Сухопутные черепахи не умеют плавать!

— Но они могли погибнуть!

— Хочешь к ним присоединиться?

Волна накрыла Бруту с головой. На миг мир заполонила звенящая в ушах темно-зеленая пелена.

— Я не могу грести одной рукой! — закричал он, вынырнув на поверхность.

— Мы спасемся! Она не посмеет!

— О чем ты?

Еще одна волна накрыла Бруту, потянув его вниз за ряску.

— Ом?

— Да?

— По-моему, я все-таки не умею плавать...

Боги не склонны к самоанализу. От этой характерной черты их выживание практически не зависит. Обычно хватает способностей обманывать, угрожать и ужасать. Будучи способным, повинувшись своему случайному капризу сравнять с землей целый город, ты вряд ли станешь тратить время на спокойные размышления и анализ происходящего с точки зрения другого человека.

Однако во всей множественной вселенной тысячи мужчин и женщин, наделенных гениальными способностями и чувством сопереживания, посвятили свои жизни служению божествам, которые не способны переиграть их даже в домино. Например, сестра Сестина Щеботанская прошла по горячим углям только ради того, чтобы обличить местного вздорного королишку и выдвинуть философию разумной этики в честь богини, которую на самом деле интересовали лишь прически. Брат Зефилиит Клатчский оставил свои обширные владения и семью, дабы посвятить свою жизнь уходу за сирыми и убогими, — а все в честь невидимого бога Ф'рума, который, согласно общему мнению, был настолько глуп, что собственную задницу и ту не мог отыскать — даже если бы у него была

задница и были руки, которыми можно было бы ее нащупать. Сообразительность богам ни к чему, если рядом есть смысленные люди, которые готовы выполнять за них всю умственную работу.

Морская Королева, по мнению своих коллег, тоже особым умом не блистала. Но в ее мыслях, когда она опустилась на глубину, подальше от штормовых волн, чтобы чуть-чуть поразмыслить, определенная логика присутствовала. Маленькая лодка была заманчивой целью... однако сейчас появилась другое судно — более крупное, полное людьми и стремящееся прямо в центр бури.

Эта дичь была куда более соблазнительной.

Морская Королева всегда отличалась ветреностью.

Кроме того, в смысле жертвоприношений она сама себя обслуживала. И интересовало ее, в основном, количество.

«Плавник Господа» летел по гребням волн, и ветер рвал его паруса. Капитан, по пояс в воде, трудом добрался до носа, где, схватившись за леер, стоял Ворбис, явно не замечавший того факта, что корабль пребывает уже в полупогруженном состоянии.

— Господин! Нужно убрать паруса! Нам их не обогнать!

Зеленые молнии прыгали по верхушкам мачт. Ворбис повернулся. В адской бездне его глаз плясали дьявольские искры.

— Все это во славу Ома, — изрек он. — Вера — наш парус, а слава — порт назначения.

Терпение капитана иссякло. Насчет религии он ничего не мог сказать, но что касается моря — он вот уже тридцать лет бороздил морские просторы и кое-чему выучился.

— Наш порт назначения — морское дно! — закричал он.

Ворбис пожал плечами.

— А я и не утверждал, что по пути не будет остановок.

Капитан некоторое время пристально смотрел на него, после чего удалился прочь по бешено раскачивавшейся палубе. Весь его опыт свидетельствовал о том, что подобные шторма просто так не возникают. Невозможно за секунду переместиться из штиля в центр ревущего урагана. Море здесь ни при чем. Это что-то личное.

В грот-мачту ударила молния. Из темноты донесся чей-то крик, и на палубу рухнула огромная масса парусов и всяческого такелажа.

Капитан полуподплыл-полувскарабкался к штурвалу, у которого маячила тень рулевого, окутанная брызгами и, мрачным сиянием шторма.

— Живым нам не выбраться!

— АБСОЛЮТНО СОГЛАСЕН.

— Нужно оставить корабль!

— НЕТ. ВОЗЬМЕМ ЕГО С СОБОЙ. ОН МНЕ НРАВИТСЯ.

Капитан наклонился ближе к рулевому.

— Боцман Коплей, это ты?

— НЕ УГАДАЛ. ЕЩЕ ОДНА ПОПЫТКА?

Корпус налетел на подводную скалу и громко затрещал. Сразу за этим в единственную оставшуюся мачту вонзилась молния, и «Плавник Господа» сложился, будто бумажный кораблик, слишком долго пробывший в воде. Расщепившись, деревянные брусья фонтаном взлетели в грозное небо...

Наступила неожиданная бархатная тишина.

Капитан ясно помнил ход последних событий. И связаны они были с водой, звоном в ушах и ощущением холодного огня в легких. Впрочем, воспоминания эти уже отступали. Он подошел к лееру, шаги его гулко раздавались в тишине, и заглянул за борт. Корабль, еще недавно разбитый о скалы, снова был цел и невредим. В некотором роде.

— Э-э, — сказал капитан. — Похоже, у нас закончилось море.

— АГА.

— И земля куда-то подевалась.

Капитан похлопал по лееру. Тот выглядел серым и несколько прозрачным.

— Э-э... Это дерево?

— МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ВОСПОМИНАНИЕ.

— Извини?

— ТЫ ЖЕ БЫЛ МОРЯКОМ. И НАВЕРНЯКА СЛЫШАЛ, ЧТО ИНОГДА О КОРАБЛЕ ГОВОРЯТ ТАК, БУДТО ОН ЖИВОЙ?

— Да, конечно. Как только ступаешь на борт, сразу чувствуешь что-то подобное...

— ВОТ ИМЕННО.

Воспоминание о «Плавнике Господа» плыло в полной тишине. Издалека доносилось дыхание ветра — или воспоминание о ветре. Выдохшиеся трупы былых штормов.

— Э-э, — промолвил призрак капитана. — Ты сказал «был»?

— ДА.

— Я так и думал.

Капитан посмотрел вниз. На палубе начала собираться его команда, со всех сторон на капитана были устремлены глаза, в которых читалось беспокойство.

А у ног моряков мельтешили корабельные крысы. Впереди всех стояла крошечная фигурка в плаще с капюшоном.

— ПИСК, — сказала она, заметив взгляд капитана.

«Даже у крыс есть свой Смерть», — подумал он.

Смерть отошел в сторону и поманил капитана к себе.

— СТАНОВИСЬ К ШТУРВАЛУ.

— И... куда мы идем?

— КТО ЗНАЕТ.

Капитан беспомощно взялся за штурвал.

— Но... звезды на небе сплошь незнакомые! И у меня нет карт! Какие здесь ветра? Какие течения?

Смерть пожал плечами.

Капитан повернул колесо. Корабль послушно заскользил по призрачному морю. А потом капитан немножко повеселел. Худшее уже случилось. Удивительно, как прекрасно это осознавать. Если худшее уже позади...

— Так, а где Ворбис? — прорычал он.

— ОН ВЫЖИЛ.

— Выжил? О боги, где здесь справедливость?!

— СПРАВЕДЛИВОСТИ НЕТ, ЕСТЬ ТОЛЬКО Я.

Смерть исчез.

Капитан снова крутанул колесо — так, для вида. В конце концов, он здесь капитан, и это — его корабль.

— Помощник?

Помощник отдал честь.

— Здесь, капитан!

— Гм. Куда направимся?

Помощник задумчиво почесал затылок.

— Ну, капитан... Я слышал, у этих клатчских язычников есть неплохой рай, с выпивкой там, песнями и молодыми женщинами с колокольчиками на... В общем, вы понимаете... И без всего.

Помощник с надеждой смотрел на капитана.

— Без всего, значит? — задумчиво произнес капитан.

— Я так слышал.

Капитан решил, что заслужил немножко этого самого «без всего».

— Знаешь, как туда попасть?

— Э-э, видимо, подробные инструкции нужно получить еще при жизни, — с сомнением откликнулся помощник.

— О.

— А есть еще варвары, живущие ближе к Пупу, — продолжал размышлять помощник. — Которые считают, что они попадают в огромный зал с разной выпивкой и едой.

— И женщинами?

— Непременно.

Капитан нахмурился.

— Интересно, — задумчиво промолвил он. — Почему только язычники и варвары попадают в такие отличные места?

— Сложный вопрос, — ответил помощник. — Может, это наказание за то... что при жизни они ведут такой разгульный образ... э-э, жизни...

Лицо его озадаченно вытянулось. В последней фразе явно присутствовала какая-то неувязка.

— Но дорогу в этот рай ты тоже не знаешь, да?

— Увы, капитан.

— Впрочем, времени у нас теперь много, можно и поискать чуть-чуть.

Капитан посмотрел за борт. Если плыть достаточно долго, обязательно наткнешься на берег. И... почему бы не поискать какой-нибудь приличный рай?

Его взгляд привлекло какое-то движение. Он улыбнулся. А вот и знак. Может, все еще обернется к лучшему...

В сопровождении призраков дельфинов корабль-призрак летел по волнам...

Чайки не отваживаются залетать далеко в пустыню. И эту свободную нишу не замедлили занять скалби — птицы из семейства вороньих, хотя вороны бы первыми отреклись от них и предпочли не разговаривать об этих «родственничках» в приличной компании. Скалби редко летают, предпочитая передвигаться какими-то пьяными прыжками. Их характерные крики вызывают ассоциации с расстроенной системой органов пищеварения. И выглядят они так, будто долго плескались в каком-нибудь нефтяном пятне, причем получали от этого огромное удовольствие. Никто не ест скалби — кроме других скалби. Сами же скалби способны питаться тем, что даже у стервятников вызывает рвоту. По сути, скалби готовы питаться даже этой самой рвотной массой стервятников. Скалби едят все.

Погожим ясным утром один из скалби бочком перемещался по полному блох песку и бесцельно добил клювом все подряд — в надежде на то, что галька и выкинутые на берег деревяшки за ночь превратились в съедобные. Скалби по личному опыту знали, что практически все становится съедобным — главное, чтоб вылежалось подольше. Птица

подскочила к какой-то куче, валяющейся у линии прилива, и неуверенно долбанула ее клювом.

Куча застонала.

Скалби поспешно отпрыгнул и обратил свое внимание на куполообразный камень, лежавший рядом с кучей. Птица была абсолютно уверена, еще вчера камня, как и кучи, здесь не было. Скалби прицелился и клюнул.

А камень в ответ высунул голову и произнес:

— Отвали, тварь поганая.

Скалби снова отскочил, а потом, поднапрягшись, исполнил какой-то бегущий прыжок на кучу выбеленного солнцем плавника, являвшийся на самом деле самым близким к полету движением, которым когда-либо утруждают себя скалби. Ситуация улучшалась. Раз этот камюка живой, значит, в конце концов он станет мертвым.

Великий Бог Ом подполз к Бруте и принялся толкать его в голову панцирем. Юноша снова застонал.

— Просыпайся, парень. Солнце уже высоко. Ать-два. Все уже на берегу, кто хотел на нем оказаться.

Брута открыл один глаз.

— Что случилось? — спросил он.

— Ты жив, вот что случилось, — ответил Ом.

«Жизнь похожа на иссушенный берег, — вспомнил он. — А потом ты умираешь».

Брута поднялся на колени.

Есть берега, которые немислимы без ярких зонтиков.

Есть берега, которые подчеркивают величие моря.

Но это берег нисколечко не походил на них. Это была лишь голая кромка, на которой земля встречается с океаном. На линии прилива валялись выбеленные солнцем и ветром кучи плавника. Воздух вибрировал тучами неприятных насекомых. Запах предполагал, что где-то что-то давно сгнило — причем даже скалби не смогли это отыскать. В общем, берег был не из приятных.

— О Боже...

— Это все лучше, чем утонуть, — подбодрил его Ом.

— Не знаю. — Брута осмотрел берег. — Здесь есть питьевая вода?

— Вряд ли, — ответил Ом.

— Урн в главе V, стих 3, говорит, что даже из самой сухой пустыни ты умеешь извлечь живительную влагу, — вспомнил Брута.

— Это своего рода художественная вольность.

— Так ты этого не можешь?

— Нет.

Брута снова поднял взгляд на пустыню. За линией плавника и редкими кочками травы, которая, казалось, умирала в процессе своего роста, громоздились бесконечные барханы.

— В какой стороне Омния? — спросил Брута.

— А нам нужно в Омнию? — усомнился Ом.

Брута пристально посмотрел на черепашку, после чего решительно поднял ее с земли.

— Кажется, туда, — сказал он.

Ом отчаянно задрыгал лапками.

— Тебе так хочется в Омнию? Зачем?

— Не хочется. Но я все равно пойду туда.

* * *

Солнце висело высоко над побережьем.

А может, и не висело.

Содержащиеся в его голове свитки продолжали протекать, и из них Брута почерпнул кое-какую информацию о небесном светиле. Эфебы всегда интересовались астрономией. Эксплетий доказал, что диаметр Диска составляет десять тысяч миль. Фебрий отобрал рабов, у которых голоса погромче, и, расставив их по всей стране, доказал, что свет распространяется примерно с такой же скоростью, что и звук. Ну а Дидактилос сделал вывод, что в таком случае солнцу, для того чтобы пройти между слонами, необходимо преодолевать тридцать пять тысяч миль каждый день, или, говоря другими словами, скорость светила должна вдвое превышать скорость его света. Это означало, что человек видит то место, где солнце некогда было, — за исключением двух раз в день, когда оно само себя догоняет, что, в свою очередь, означает, что солнце по своей сути является сверхсветовой частицей — тахионом, или, как обычно называл его сам Дидактилос, сволочью.

Было по-прежнему очень жарко. Над безжизненным морем повисла рябящая дымка.

В прибое, накатывающем на берег, бултыхались куски дерева.

Брута устало тащился вперед, по направлению к какому-то черному пятну, которое смутно вырисовывалось в дрожащем воздухе, — единственная тень на сотни и сотни миль. Даже Ом перестал жаловаться.

Было слишком жарко.

Юноша упрямо шел вперед, не сводя глаз со странного феномена — из-за жуткой жары голова напрочь отказывалась работать. Для него это пятно, то сужающееся, то расширяющееся в вибрирующей дымке, было не более чем ориентиром в мире оранжевой жары.

Однако, когда он подошел чуть ближе, пятно приняло очертания Ворбиса.

Мысль об этом довольно долго просачивалась в разум Брута.

Ворбис.

Без рясы. Которую, наверное, сорвало. В одной фуфайке. Сплошь утыканной гвоздями. Одна нога. Вся в крови. Вся изодранная. Ворбис.

Ворбис.

Брута упал на колени. На линии прилива гнусно каркнул скалби.

— Он еще... жив, — прошептал Брута.

— Очень жаль, — сказал Ом.

— Мы должны помочь... ему.

— Ты абсолютно прав, — согласился Ом. — Отыщи камень побольше и проломи ему голову.

— Нельзя же его здесь бросить.

— Еще как можно, сам увидишь.

— Нет.

Брута подsunул под дьякона руку и поднял Ворбиса. С несколько заторможенным удивлением юноша осознал, что Ворбис почти ничего не весит. Ряса дьякона скрывала тело, которое на самом деле представляло собой обтянутый кожей скелет. Брута мог бы сломать его голыми руками.

— А как же я? — заныл Ом.

Брута забросил Ворбиса на плечо.

— У тебя целых четыре ноги.

— Но я — твой Бог!

— Знаю.

Брута потащился по берегу дальше.

— Ты что такое удумал?!

— Дотащу его до Омнии, — еле ворочая языком, ответил Брута. — Люди должны знать, что он натворил.

— Ты рехнулся! Точно сбрендил. И ты рассчитываешь добраться до Омнии? С ним на плече?

— Ничего я не рассчитываю, но попробую.

— Ты! Ты! — Ом яростно замолотил лапкой по песку. — В этом мире живут миллионы людей, и угораздило же меня связаться именно с тобой!

Болван! *Тупица!*

Брута постепенно превращался в призрачный силуэт...

— Все! — орал Ом. — Не нужен ты мне. Думаешь, я так в тебе нуждаюсь? Размечтался! Я найду себе другого верующего! Нет проблем!

Брута исчез.

— Я бегать за тобой не буду! — крикнул Ом.

Брута тупо смотрел, как по очереди передвигаются его ноги.

Думать он уже не мог. В его прожаренном знании мелькали только бессвязные образы и отрывки воспоминаний.

Сны. Картинки в голове. Коакс написал о них целый свиток. Суеверные люди считали сны посланиями самого Господа, а на самом деле их создавал человеческий мозг, отрывивал в процессе сортировки и запоминания пережитого за день. Брута никогда не видел снов. Разве что иногда случались временные провалы, пока мозг запоминал. Брута запомнил свитки. Знания без учения...

Сны...

Бог. Богу нужны люди. Вера — это пища богов. Но еще богам нужна форма. И боги становились такими, какими их представляли люди. Вот почему Богиня Мудрости носила пингвина. Подобное могло случиться с любым богом. Хотя должна была быть сова. И все об этом знали. Но плохой скульптор, который никогда не видел сову, загробил статую. Однако веру не остановишь — вот и вышло так, что в товарищах у Богини Мудрости оказалась птица, которая постоянно ходит в вечернем туалете и воняет рыбой.

Ты придаешь богу форму, словно лепишь его из глины.

Как утверждал Абраксас Агностик, боги частенько заменяют вам отца. Бог становится огромной бородой в небе, потому что именно так выглядел ваш отец, когда вам было три годика.

Абраксас жив-здоров... Эта мысль резко и отчетливо проявилась в той части мозга, которую Брута все еще мог считать своей. Боги только поощряют атеистов — если, конечно, ваш атеизм основательный, горячий, пламенный, такой, как у Симони. Настоящий атеист посвящает неверию всего себя без остатка, всю свою жизнь он люто ненавидит богов за то, что они не существуют. Твердокаменный атеизм, сравнимый со скалой. Это все равно что вера...

Песок. Основная составляющая пустыни. Кристаллы камня, из которых вылеплены барханы. Гордо Цортский утверждал, что песок — это останки гор, однако Ирекс доказал, что песчаник — это камень, состоящий

из спрессованного песка, значит, песчинки на самом деле прародители гор...

Каждая песчинка — маленький кристалл. Она растет...

Растет...

Брута наконец перестал падать и замер на песке.

— Отвали, тебе говорят!

Скалби не обратил на гневный окрик ни малейшего внимания. Это было интересно. Ему предстояло увидеть новые участки песка, которые он никогда не видел прежде, а кроме того, была перспектива, вернее даже уверенность, что в конце пути его ждет сытная еда.

Он поудобнее устроился на панцире Ома.

Ом полз по песку, периодически останавливаясь, чтобы в очередной раз рывкнуть на непрошенного пассажира.

Брута прошел здесь.

Но впереди, как остров из моря, из песка торчала скала, протянувшаяся до самой кромки воды. Мальчишка вряд ли смог бы перелезть через нее. И правда, следы на песке повернули вглубь суши, в пустыню.

— Идиот!

Ом карабкался по склону бархана, глубоко зарываясь лапами в песок, чтобы не соскользнуть вниз. На противоположном склоне следы превратились в длинную борозду. Здесь Брута, очевидно упал. Ом втянул лапы и покатился, как на санях, вниз.

Следы опять повернули. Вероятно, он подумал, что, обойдя следующий бархан, он окажется другую сторону скалы. Ом хорошо знал пустыню и знал также то, что подобное логическое мышление применяли тысячи выбеленных солнцем, затерянных в пустыне скелетов.

Тем не менее он двинулся по следу, ободренный кратким промежутком тени от бархана, который скрыл садившееся солнце.

Он обогнул бархан — и точно, здесь следы нескладным зигзагом пошли вверх, отклонившись градусов на девяносто от нужного курса. Все верно. В пустынях иначе не бывает. У них свой центр тяжести. Они засасывают тебя в самый центр.

Брута снова тащился вперед, одной ослабевшей рукой придерживая Ворбиса. Остановиться он не смел. Иначе бабушка обязательно выпорет его. А тут еще в очередной раз возник брат Ньюрод, который то появлялся, то исчезал в его сознании.

— Я в тебе разочаровался, Брута. М-м-м?
— Хочу... воды...
— ...Воды, — повторил брат Ньюрод. — Верь в Великого Бога!
Брута сосредоточился. Ньюрод исчез.
— Великий Бог? — позвал он.
Где-то должна быть тень. Не может же пустыня тянуться вечно.

Солнце быстро село. Ом знал, что еще какое-то время песок будет излучать тепло и черепаший панцирь будет это тепло сохранять, но потом наступит горькая ночь в пустыне.

Когда он нашел Бруту, на небе уже начинали появляться звезды. Ворбис валялся чуть раньше.

Ом подполз к уху Бруты:
— Эй!

Ни звука, ни движения. Ом осторожно толкнул панцирем голову Бруты, а потом посмотрел на потрескавшиеся губы. Сзади донеслось щелканье клюва.

Это скалби исследовал пальцы ног Бруты, но вынужден был прекратить это занятие, поскольку на его лапе сомкнулись черепаший челюсти.

— Я же гофорил тебе отфалить!

Скалби в панике что-то проорал и попытался улететь, но в его лапу вцепилась полная решимости довести дело до конца черепаха. Она проволокло несколько футов по песку, прежде чем он наконец разжал челюсти.

Ом попытался сплюнуть, да только черепаший пасть не предназначена для такого занятия.

— Эти птицы! Ненавижу! Всех до одной! — сказал он ночному воздуху.

Скалби укоризненно взирал на него с гребня бархана. Он взъерошил те несколько сальных перьев, что у него были, с таким видом, будто готов был ждать всю ночь. Да и вообще сколько потребуется.

Ом подполз к Бруте. По крайней мере, парень еще дышит.

Вода...

Бог обдумал проблему. Можно выжать воду из камня. Это один из способов. Заставить ее течь сюда... нет проблем. Дело только в молекулах и векторах. Вода имеет врожденную тенденцию течь. Главное — позаботиться о том, чтобы она текла *сюда*, а не *туда*. Никаких проблем для бога, пребывающего в хорошей форме.

Но как решить эту проблему, если ты — черепаха?

Черепашка сползла к подножию бархана и некоторое время ползала там взад-вперед. Наконец она нашла нужное место и принялась рыть песок.

* * *

Как все нелепо. Только что было обжигающе жарко, а теперь он замерзал.

Брута открыл глаза. На него смотрели ослепительно белые звезды пустыни. Язык, казалось, заполнил весь рот. О чем он думал, перед тем как?..

Вода.

Он перевернулся. Сначала голоса звучали внутри его головы. Теперь они раздавались где-то вовне. Они были едва слышны, но тем не менее эхом отзывались в залитых звездным светом песках.

Брута с трудом подполз к подножию бархана. Там он увидел какую-то кучку, вернее, несколько кучек, из-под одной из которых доносился чей-то приглушенный голос. Он подполз ближе.

И увидел дыру в куче песка. Глубоко под землей кто-то ругался. Слов было не разобрать, так как звук отражался от стенок тоннеля, но ошибиться в их смысле было невозможно.

Брута прижался к земле и стал наблюдать.

Через несколько минут из дыры показался Ом, заляпанный тем, что Брута назвал бы грязью — если бы они не находились посреди пустыни.

— А, это ты, — сказала черепашка. — Оторви-ка кусок рясы и дай мне.

Брута, будто бы во сне, повиновался.

— Позволь заметить, — продолжил Ом, — ковыряться там — это тебе не пикник.

Зажав кусок ткани челюстями, он попятился и исчез в дыре. Через пару минут он вновь появился на поверхности, все с той же тряпкой во рту.

Ткань была пропитана водой. Брута направил капли живительной влаги в рот. У нее был вкус грязи, песка и дешевого коричневого красителя, на он готов был выпить целый галлон. Он готов был нырять и плавать в луже такой воды.

Он оторвал еще один кусок рясы и передал Ому.

Когда Ом опять вылез из дыры, Брута стоял на коленях рядом с Ворбисом.

— Шестнадцать футов, черт побери! Целых шестнадцать проклятых футов! — закричал Ом. — Не трать на него воду! Он разве еще не издох?

— У него жар.

— Избавь его от страданий.

— Мы должны доставить его в Омнию.

— Думаешь, нам это удастся? Без еды? И без воды?

— Но ты нашел воду. Воду в пустыне.

— Никакого чуда в этом нет, — фыркнул Ом. — Здесь, у берега, иногда выпадают дожди. Ливневые паводки. Высохшие русла рек. Водоносные пласты, наконец.

— А мне это кажется чудом, — прохрипел Брута. — И не перестает таковым быть — даже несмотря на то, что у тебя есть ему объяснение.

— Но еды тут точно нет, можешь мне поверить, — рявкнул Ом. — Жрать здесь абсолютно нечего. Даже в море, *если* мы, конечно, сможем его найти. Кто-кто, а я-то знаю, что такое пустыня. Гряды скал, которые заставляют тебя сбиться с пути. Барханы, перемещающиеся в ночи... львы... и прочие твари...

...Например, *боги*.

— И что ты предлагаешь? — спросил Брута. — Сам говорил, что лучше быть живым, чем мертвым. Хочешь вернуться в Эфеб? Думаешь, нас там с радостью примут?

Ом промолчал.

Брута кивнул:

— Тогда принеси еще воды.

Идти ночью, пусть даже с Ворбисом на плече и Омом под мышкой, было куда проще.

В это время года...

...Свечение в небе являлось не чем иным, как центральным сиянием — таким образом магическое поле Плоского мира через вершины Кори Челести, центральной горы на Диске, скидывало накопившееся напряжение. В это время года солнце встает над пустыней в Эфебе, а в Омнии — над морем, поэтому огни Пупа должны быть слева, а закат солнца — позади...

— Ты бывал на Кори Челести? — спросил Брута.

Ом, клевавший носом в ночной прохладе, вздрогнул и проснулся.

— А?

— Там живут боги.

— Ха! Я бы мог рассказать тебе про них пару-другую историй! —

мрачно отвечив Ом.

— Что?

— Они считают себя элитой!

— Значит, ты там не жил?

— Нет. Для этого нужно быть повелителем грома или еще какой-нибудь важной шишкой навроде. А еще, чтобы тебя туда хотя бы в гости пустили, ты должен обладать целой когортой верующих. Плюс человекообразное воплощение — это еще одно необходимое условие.

— Но ты же Великий Бог!

Они посреди пустыни, и Брута все равно умрет...

— Почему бы и не рассказать ему? — пробормотал Ом. — Нам ни за что не выжить... Понимаешь, каждый бог по-своему велик — для кого-нибудь. Лично я никогда не хотел стать *чересчур* великим. Несколько племен, пара городов. Не слишком большие запросы, верно?

— Империя насчитывает два миллиона жителей, — сказал Брута.

— Ага. Неплохо, правда? Начать с обыкновенного пастуха, которому вдруг почудились какие-то голоса в голове, а закончить двумя миллионами почитателей...

— Но на самом деле ты никогда не заботился о них... — ответил Брута.

— В смысле?

— Ну... Ты не говорил, что убивать друг друга — это плохо. И так далее...

— Да? А с чего я должен был так говорить?

Брута пытался подобрать аргумент попривлекательнее — с точки зрения психологии бога.

— Ну, если люди перестанут убивать друг друга, то количество верующих в тебя будет только расти, — высказал он свое предположение.

— Данная точка зрения не лишена смысла, — согласился Ом. — Любопытно, любопытно... Хитро придумано.

Брута молча шагнул дальше. Барханы серебрились инеем.

— Ты когда-нибудь слышал об этике? — спросил он чуть позже.

— Это где-то в Очудноземье, да?

— Эфебы придавали ей большое значение.

— Ага, понятно. И разумеется, строили планы, как бы ее оттяпать себе.

— Очень часто задумывались о ней.

— Это и называется долгосрочной стратегией.

— Ты ошибаешься, это не город и не местность. Скорее, этика имеет

отношение к тому, как человек живет.

— В смысле бездельничает весь день, пока рабы выполняют за него всю работу? Эти эфебы — кучка сволочей, которые проводят время в разговорах об истине и красоте, а теперь еще оказывается, что они собирались напасть на бедную Этику... Лично мне эфебы никогда не нравились, я гнильцу за милую чую — несчастные трудяги горбатятся день и ночь, а эти придурки жируют, как твои...

— ...Боги? — закончил за него Брута.

Последовала жуткая тишина.

— Вообще-то, я собирался сказать «короли», — укоризненным тоном произнес Ом.

— А мне показалось «боги».

— Короли, — решительно отрубил Ом.

— Слушай, а вообще, зачем людям сдались эти боги? — вдруг поинтересовался Брута.

— О, боги просто *необходимы*, — ответил Ом искренним, не терпящим возражений тоном.

— Но это, скорее, *боги* нуждаются в людях, — возразил Брута. — Ты сам говорил, что без людской веры вы не можете.

Ом немного помедлил с ответом.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Но людям тоже нужно во что-то верить. Я прав? Иначе, как ты думаешь, откуда берется гром?

— Гром? — повторил Брута, и взгляд его вдруг затуманился. — Понятия не...

— ...Возникает в результате столкновения облаков; после удара молнии в воздухе образуется пустое место, так что данный звук генерируется с облаками, которые стремятся заполнить эту пустоту и, естественно, сталкиваются.

— Когда ты что-то цитируешь, твой голос звучит так забавно, — заметил Ом. — А что такое «генерируется»?

— Не знаю. До словаря дело не дошло.

— Как бы там ни было, — сказал Ом, — это всего-навсего объяснение, но не *причина*.

— Бабушка говорила, что гром раздается всякий раз, когда Великий Бог Ом наклоняется, чтобы снять свои сандалии, — вспомнил Брута. — В тот день у нее было хорошее настроение. Она даже чуть не улыбнулась.

— С метафорической точки зрения все правильно, — кивнул Ом. — Но лично я никогда громами не занимался. Разграничение полномочий. Такими штуками имеет право заниматься только проклятый Слепой Ио со

своим здоровенным молотком, самая большая шишка из всех.

— Кажется, ты говорил, что существуют тысячи богов грома.

— Да. И все эти тысячи — он один. Рационализация. Пара племен решают объединиться, а у каждого имеется свой бог грома, верно? Так эти боги тоже некоторым образом сливаются. Знаешь, как делится амеба?

— Нет.

— Это примерно то же самое, только наоборот.

— Я все еще не понимаю, как один бог может быть сотней других. Они ведь все выглядят по-разному...

— Фальшивые носы.

— Что?

— И разные голоса. Мне как-то довелось узнать, что у Ио в распоряжении целых семьдесят разных молотов. Обычно такая информация не разглашается. То же самое можно сказать о всяческих богинях-матерях. Существует только одна. Просто у нее много париков, а какие чудеса творят набитые ватой лифчики, м-м!..

Пустыня была абсолютно безмолвной. Немного расплывчатые от высокой влажности звезды казались крохотными неподвижными розочками.

Далеко-далеко, над тем местом, которое церковь называла Верхним Полюсом и которое сам Брута уже считал Пупом, мерцало небо.

Брута опустил Ома на землю, а рядом положил Ворбиса. Абсолютная тишина...

Абсолютное ничто, тянущееся на многие мили — только он и то, что он взял с собой. Так, вероятно, чувствовали себя пророки, когда отправлялись в пустыню, чтобы найти то... что бы они там ни находили, и поговорить с тем... с кем бы они ни говорили.

Снова раздался несколько брюзгливый голос Ома:

— Людям ведь нужно во что-то верить. Так почему бы не верить в богов? Что еще остается?

Брута рассмеялся.

— Знаешь, — сказал он, — кажется, лично я больше ни во что не верю.

— Кроме меня!

— Да, я знаю, что ты существуешь, — кивнул Брута и почувствовал, что Ом немного успокоился. — В черепахах что-то есть. И в черепахах я могу верить. Их существование, как мне кажется, нельзя оспорить. Трудности возникают с верой в богов.

— Послушай, если люди перестанут верить в богов, — возразил

Ом, — они тогда начнут верить во что попало. Будут верить в паровой шар молодого Бедна. В общем, во всякую дребедень.

— Гм.

Зеленое свечение на небе указывало, что по пятам за солнцем гонится рассвет.

Ворбис застонал.

— Ума не приложу, почему он не приходит в себя, — задумчиво промолвил Брута. — Я не нашел у него ни одной сломанной кости.

— Откуда ты знаешь?

— Один из эфебских свитков был посвящен костям. Ты можешь чем-нибудь помочь ему?

— Зачем?

— Ты — бог.

— Ну, я мог бы поразить его молнией — если бы был достаточно силен.

— Я думал, что молниями занимается Ио.

— Нет, только громом. Ты можешь бросаться молниями сколько угодно, но на гром обязан заключать контракт.

Горизонт постепенно превращался в золотистую полосу.

— А как насчет дождя? — поинтересовался Брута. — Как насчет хоть чего-нибудь *полезного*?

Под золотистой полосой появилась серебристая линия. К Бруте мчался солнечный свет.

— Это очень обидное замечание, — промолвила черепашка. — Замечание, намеренно нацеленное на то, чтобы причинить мне боль.

Становилось все светлее, и Брута заметил неподалеку один из скалистых островков. Его отшлифованные песком скалы-колонны могли предложить только тень, которой всегда с избытком хватало в Цитадели и которая оказалась в таком дефиците здесь.

— Пещеры? — спросил Брута.

— Змеи.

— Но тем не менее пещеры?

— В сочетании со змеями.

— Ядовитыми?

— Угадай с трех раз.

«Лодка Без Имени» весело бежала вперед. Ветер раздувал тогу Бедна, натянутую на некоем подобии мачты, которая была сооружена из остатков рамы, связанных ремешками от сандалий Симони.

— Кажется, я понимаю, что произошло, — промолвил Бедн. — Обычная проблема превышения скорости.

— Превышения скорости? — переспросил Симони. — Мы поднялись над водой! Чуть в небеса не улетели!

— Нужно установить регулятор, — продолжал Бедн, вычерчивая на борту лодки предварительную схему. — Чтобы он открывал клапан, когда накопится слишком много пара. Думаю, мне удастся решить проблему парой вращающихся шариков.

— Кстати, забавно, что ты об этом упомянул, — встрял Дидактилос. — Когда я понял, что лодка оторвалась от воды и шар взорвался, я отчетливо ощутил, как мои шары...

— Эта проклятая штуковина едва не убила нас! — воскликнул Симони.

— В следующей конструкции недоделка будет устранена, — успокоил его Бедн и осмотрел далекий берег. — Почему бы нам не высадиться здесь? — поинтересовался он.

— Это на берегу пустыни? — сказал Симони. — Зачем? Есть нечего, пить нечего, и заблудиться легко. Ветер несет нас напрямиком в Омнию, но мы сможем высадиться, не доплывая до города. Я знаю нужных людей. А те люди, в свою очередь, знают других людей. По всей Омнии кто-то кого-то обязательно знает. Вот что значит верить в Черепяху.

— Честно говоря, — сказал Дидактилос, — я никогда не проповедовал никакую веру в Черепяху. Это просто большая черепаха. И она просто существует. Так получилось, вот и все. И я думаю, самой Черепяхе плевать на нас. Я всего-навсего написал обо всем этом, попытался объяснить. Неплохая идея, подумал я, ну и...

— Люди ночами напролет переписывали твою книгу, в то время как другие стояли на страже, следя, чтобы никто ничего не заметил! — воскликнул Симони, не обращая внимания на слова философа. — А потом мы передавали друг другу! Каждый делал себе копию и передавал книгу дальше! Это было похоже на пожар, только распространялся он потайными ходами.

— Значит, копий много? — осторожно спросил Дидактилос.

— Сотни! Тысячи!

— Полагаю, уже поздно договариваться, скажем, о пяти процентах авторского гонорара? — с некоторой надеждой в голосе спросил Дидактилос. — Да нет, вряд ли, об этом не может быть и речи. Забудь, что я спрашивал.

Спасаясь от дельфина, из воды выскочила стайка летучих рыбок.

— И все-таки жаль Бруту, хороший был паренек, не без способностей, — вздохнул Дидактилос.

— Ничего, на его место придет другой, — успокоил Симони. — Жрецов и так развелось слишком много.

— У него остались все наши книги, — вспомнил Бедн.

— Может, он еще где-нибудь плавает? В нем столько знаний — просто так не утонешь, — предположил Дидактилос.

— Чокнутый он был, — хмыкнул Симони. — Я сам видел, как он шептался со своей черепашкой.

— Да, и она пропала, а жаль, — вздохнул Дидактилос. — Говорят, из черепах получается очень вкусный суп.

Это была не совсем пещера, скорее глубокая яма, вырытая бесконечными ветрами или когда-нибудь давным-давно дождевой водой. Но ее было вполне достаточно.

Брута встал на колени и поднял камень над головой.

В ушах звенело, глаза будто были полны песка. Ни капли воды до заката, ни крошки еды вот уже сотню лет. У него не было выхода.

— Ты меня извини, — сказал он и резко опустил камень.

Змея внимательно следила за ним, но из-за утреннего оцепенения среагировала недостаточно быстро. Брута знал, что этот жуткий хруст будет преследовать его до конца жизни.

— Молодец, — похвалил его Ом. — А теперь сдирай кожу и постарайся не потерять ни капли сока. Кожу тоже сохрани.

— Я не хочу... — простонал Брута.

— Взгляни на происходящее с другой стороны, — предложил Ом. — Если бы, перед тем как ты вошел в пещеру, я тебя не предупредил, ты бы сейчас валялся тут с ногой размером с хороший шкаф. Поступай с другими так, как поступили бы с тобой.

— Она даже не очень большая, — ответил Брута.

— Ты бы здесь корчился в неописуемых муках и представлял, что бы сделал с этой змеей, если бы заметил ее первым, — продолжал Ом. — В общем, твое невысказанное желание все равно было исполнено. Ворбису ничего не давай.

— У него очень сильный жар. Он постоянно что-то бормочет.

— Ты действительно считаешь, что тебе поверят? Даже если ты дотащишь его до этой своей Цитадели?

— Брат Ньюрод всегда говорил, что мне можно верить, — пожал плечами Брута. Он ударил камнем по стене пещеры, чтобы заострить

кромку, и начал робко разделявать змею. — В любом случае, мне больше ничего не остается. Не могу же я просто взять и бросить его.

— Можешь, — возразил Ом.

— Бросить его умирать посреди пустыни?

— Да. Это совсем просто, значительно проще, чем *не бросать* его в пустыне.

— Нет.

— Так поступают в Этике? — с издевкой спросил Ом.

— Понятия не имею. Так поступаю я.

«Лодка Без Имени» качалось на волнах меж двух больших скал. За береговой линией возвышался небольшой утес. Симони спустился с него и подошел к спрятавшимся от ветра философам.

— Эта местность мне знакома, — сказал он. — Мы всего в нескольких милях от деревни, в которой живет мой друг. Нужно только дождаться ночи.

— Почему ты так поступаешь? — спросил Бедн. — Где тут смысл?

— Ты когда-нибудь слышал о стране по имени Истанзия? — в ответ спросил Симони. — Она была не слишком большой. И у нее не было ничего, что могло заинтересовать других. Там жили самые обычные люди.

— Омния завоевала ее пятнадцать лет назад, — припомнил Дидактилос.

— Правильно. Так вот, я родился в Истанзии, — кивнул Симони. — Тогда я был еще ребенком. Но я все помню. Не забудут и другие. В моей стране живет множество людей, которым есть за что ненавидеть церковь.

— Но я сам видел, как ты стоял рядом с Ворбисом, — удивился Бедн. — Я думал, что ты его должен защищать.

— А я и защищал его, — подтвердил Симони. — Не хотел, чтобы Ворбиса убил кто-нибудь другой.

Дидактилос вздрогнул и поплотнее завернулся в тогу.

* * *

Солнце замерло на медном куполе неба, Брута дремал в пещере. Ворбис метался в лихорадке своем углу.

Ом стоял у входа в пещеру и чего-то ждал.

Ждал оправданно.

Ждал с ужасом.

И они пришли.

Они вылезли из-под обломков скал и из расщелин. Фонтаном вылетели из песка, материализовались из воздуха, который мигом заполнился голосами — едва слышными, походящими на комариный писк.

Ом напрягся.

Высшие боги разговаривают на ином языке, такое вообще трудно назвать языком. Скорее то была модуляция желаний и потребностей, без существительных и всего лишь с несколькими глаголами.

«...Хотим...»

— *Мой*, — откликнулся Ом.

Их были тысячи. Он был сильнее, у него верующий, но они затянули небо, будто туча саранчи. Жажда и тоска расплавленным свинцом лились на него. Единственное преимущество, в самом деле единственное, заключалось в том, что мелким богам была неведома концепция совместной работы. Данное понимание приходит только в процессе эволюции.

«...Хотим...»

— *Мой!*

Чирикание переросло в жалобный вой.

— Но вы можете забрать того, второго, — решил Ом.

«...Тупой, безжалостный, замкнутый, больной...»

— Знаю, — кивнул Ом. — Но этот — *мой!*

Сверхъестественный вопль эхом разнесся над пустыней. Мелкие боги предпочли спастись бегством.

За исключением одного.

Ом заметил, что он не роился вместе со всеми, но одиноко парил над какой-то выбеленной солнцем костью. И ничего не говорил.

Ом сконцентрировал внимание на оставшемся божестве.

— Эй ты! Он — *мой!*

«Знаю», — ответил мелкий бог.

Он знал язык, настоящий язык богов, хотя и говорил на нем так, словно долго рылся в памяти, подбирая нужные слова.

— Кто ты? — спросил Ом.

Мелкий бог зашевелился.

«Когда-то, давным-давно, был город, — сообщил мелкий бог. — Не просто город, но целая империя городов. Я, я, я помню каналы, парки. А еще было озеро. И на том озере, насколько помню, были плавучие сады. Я, я. И были храмы. Величественные, как в мечтах. Огромные храмы в виде пирамид, которые доходили до самого неба. Людей тысячами приносили в

жертву. Во славу».

Ом почувствовал тошноту. Это был не просто мелкий бог. Это был мелкий бог, который не всегда был таким мелким...

— Кем же ты был?

«Храмы. Я, я, меня. Величественные, как в мечтах. Огромные храмы в виде пирамид, которые доходили до самого неба. Во славу. Людей тысячами приносили в жертву. Меня. Во славу.

Храмы. Меня, меня, меня. Во славу. Такие славные, как в мечтах. Великие, как в мечтах, пирамиды-храмы, которые доходили до самого неба. Меня, меня. Приносили в жертву. Сон. Мечта. Людей тысячами приносили в жертву. Во славу неба».

— Ты был их Богом? — с трудом выговорил Ом.

«Людей тысячами приносили в жертву. Во славу».

— Ты меня слышишь?

«Тысячами приносили в жертву и во славу. Меня, меня, меня».

— Назови свое имя! — закричал Ом.

— Имя?

Горячий ветер дул над пустыней, гнал перед собой песчинки. Эхо затерянного бога, кувыряясь, улетело, исчезло среди скал.

— Кем же ты был?

Никакого ответа.

«Вот так все и происходит, — думал Ом. — Быть мелким богом очень скверно, правда, ты сам не представляешь, насколько это скверно, потому что не знаешь почти ничего, но постоянно присутствует нечто, возможно, зародыш надежды, знание и вера в то, что наступит время и ты станешь совсем другим, не таким, как сейчас.

Но насколько хуже побывать в шкуре великого бога, а потом превратиться не более чем в туманный обрывок воспоминаний, швыряемый ветром над песками, которые некогда были стенами твоих храмов...»

Ом развернулся и целеустремленно заковылял в пещеру. Он подошел к Бруте и боднул его в голову.

— Чо?

— Просто проверял, жив ли ты.

— Фф.

— Хорошо.

Ом снова встал на страже у входа в пещеру.

Говорят, в пустыне встречаются оазисы, но они словно кочуют с места на место. Пустыню невозможно изобразить на карте, потому что она

питается как раз составителями карт.

Как и львы. Ом помнил этих тварей. Истощавших и совсем не похожих на львов из очудноземского вельда. Больше смахивающих на волков, чем на львов, а еще больше — на гиен. Храбростью они не отличались, скорее славились злобной, трусливой яростью, которая во сто крат опасней...

Львы.

Кстати...

Нужно найти львов.

Львы пьют воду.

Брута проснулся, когда солнце устало клонилось к закату. Во рту стоял змеиный привкус.

Ом упорно бодал его в ногу.

— Вставай, вставай, все самое интересное проспичь.

— Вода есть? — заплетающимся языком пробормотал Брута.

— Будет. Она всего в пяти милях. Поразительное везение.

Брута с трудом поднялся. Болели все мышцы без исключения.

— Откуда ты знаешь?

— Чувствую. Насколько тебе известно, я — бог.

— Но ты же говорил, что чувствуешь только мысли.

Ом про себя выругался. Брута ничего не забывал.

— Ну, все несколько сложнее... — попытался вывернуться он. — В общем, положишься на меня. И пойдем скорей, пока не стемнело. Да, и не забудь этого своего Ворбиса.

Ворбис, свернувшись, лежал в углу. Он посмотрел на Бруту невидящими глазами, но беспрекословно поднялся, когда Брута потянул его за руку. Тем не менее вид у дьякона был отсутствующий.

— По-моему, он находится под действием какого-то яда, — сказал Брута. — В море водятся всякие ядовитые твари, есть даже ядовитые кораллы. Он постоянно шевелит губами, но я не могу понять, что он пытается сказать.

— Пошли быстрее. Бери его и пошли, — сказал Ом. — Нельзя его здесь оставлять.

— Но вчера ты хотел, чтобы я его бросил.

— Правда? — Даже панцирь Ома излучал святую невинность. — Ну, наверное, пока ты спал, я сбегал в эту твою Этику, и мое отношение к нему резко поменялось. Теперь-то я понимаю, как он нам нужен. Добрый старый Ворбис. Давай, бери его и пошли.

Симони и два философа стояли на вершине утеса. Они смотрели на иссушенные пастбища Омнии и далекую скалу Цитадели. Во всяком случае, двое из них смотрели в ту сторону.

— Дайте *мне* рычаг и место, где встать, и я расколю этот город, что твое яйцо, — зарычал Симони, помогая Дидактилосу спускаться по узкой тропинке.

— Судя по виду, он не маленький, — покачал головой Бедн.

— Видишь отблеск? Это двери.

— Судя по виду, массивные, — снова покачал головой Бедн.

— Я не перестаю думать о лодке, — сказал вдруг Симони. — О том, как быстро она двигалась. Такая штука без труда вышибет любые двери, как ты думаешь?

— Сначала тебе придется затопить равнину, — предупредил Бедн.

— А если поставить ее на колеса?

— Ха, конечно разнесет! — хмыкнул Бедн. День выдался долгим и трудным. — Будь у меня кузница, дюжина кузнецов и столько же помощников... Колеса? Нет проблем. Но...

— Мы подумаем, как решить эту проблему, — многозначительно произнес Симони.

Солнце уже клонилось к горизонту, когда они подошли к очередному каменному островку в море песка. Брута поддерживал Ворбиса, обняв дьякона за плечи. Этот островок был больше, чем тот, у которого они убили змею. Ветер высек из скал вытянутые, неприятные фигуры, похожие на пальцы. В расщелинах скал даже виднелась чахлая растительность.

— Где-то здесь есть вода, — заметил Брута.

— Вода есть везде, даже в самых безжизненных пустынях, — откликнулся Ом. — Один, может, два дюйма осадков в год.

— Я чувствую какой-то запах, — принялся Брута. Его ноги сошли с песка и захрустели по известняковому щебню, разбросанному вокруг валунов. — Чего-то тухлого.

— Подними-ка меня повыше.

Ом осмотрел скалы.

— Отлично. Теперь опускай. И иди к тому камню, похожему на... Никак не ожидал увидеть здесь *такое*.

Брута посмотрел на камень.

— Да уж, — наконец прохрипел он. — Порой диву даешься, на что способен ветер.

— Местному богу ветра не откажешь в чувстве юмора, — подтвердил

Ом. — Хотя и в достаточно примитивном.

У подножия скалы бесформенной кучей вались каменные глыбы. Промеж них виднелись мрачные ходы.

— Этот запах... — начал было Брута.

— Наверное, животные приходят сюда на водопой, — пояснил Ом.

Бруте под ногу попало что-то бело-желтое, запрыгавшее по камням с грохотом мешка, полного кокосовых орехов. Звук далеко разнесся душной тишине пустыни.

— Что это было?

— Сомневаюсь, что череп, — соврал Ом. — Так что не волнуйся и...

— Здесь повсюду валяются кости!

— Ну и что? А ты что ожидал увидеть? Это пустыня! Люди здесь умирают! Самое популярное занятие в округе!

Брута поднял кость. Он прекрасно понимал, что ведет себя глупо, но люди, отдав концы, не имеют привычки обглаживать собственные кости.

— Ом...

— Здесь есть вода! — заорал Ом. — Она нам нужна! Ну да, возможно, существует пара препятствий, но...

— Каких-таких препятствий?

— Ну, природных опасностей!

— Каких?

— Ну, это, львов знаешь? — в отчаянии произнес Ом.

— Здесь водятся львы?

— Э-э... слегка.

— Слегка львы или слегка водятся?

— Какой-то один-единственный лев, а ты...

— Какой-то?

— ...Бывает, что живут обособленно. В первую очередь следует опасаться старых самцов, которые были изгнаны молодыми соперниками в менее богатую на добычу область. Львы отличаются злобным характером и коварством, а в последние годы жизни совсем не боятся человека...

Воспоминание ушло, освободив наконец голосовые связки Бруты.

— Это именно такой лев? — уточнил он.

— Сытый лев нисколько не страшен, — успокоил Ом.

— Неужели?

— Поев, обычно они сразу засыпают.

— Поев?

Брута оглянулся на сидящего у скалы Ворбиса.

— Значит, поев? — переспросил он.

— Мы поступаем правильно, — возразил Ом.

— По отношению ко льву — несомненно! Стало быть, ты замыслил использовать его в качестве *приманки*?

— Он не выживет в пустыне. Кроме того, с многими тысячами людей он обошелся куда хуже. Ему же предстоит умереть во имя добра.

— Добра?

— Мне он сделает добро.

Откуда-то из камней раздалось рычание — негромкое, но в нем чувствовалась определенная сила. Брута сделал шаг назад.

— Взять и скормить живого человека львам! Просто так, за здорово живешь?

— Он этим занимался постоянно.

— Да. А мне как-то не приходилось.

— Ладно, ладно. Тогда другой план. Заберемся на камень, а когда лев им займется, ты столкнешь на зверюгу какой-нибудь валун побольше. Ну лишится Ворбис руки или ноги. Он этого даже не заметит.

— Нет! Нельзя поступать так с людьми только потому, что они беспомощны!

— Думаешь, будь он в себе, он бы согласился с этим планом?

Из груды камней снова послышалось рычание. Уже значительно ближе.

Брута в отчаянии смотрел на разбросанные кости. Среди них вдруг блеснул металл клинка. Меч был старым, ковка не самая искусная, зато клинок надраен песком до блеска. Брута осторожно поднял меч.

— Обычно держатся за другой конец, — подсказал Ом.

— Я знаю!

— Ты умеешь им пользоваться?

— Не знаю!

— Тогда искренне надеюсь, что ты все схватываешь на лету.

Лев вылез из камней. Нарочито медленно.

Считается, что львы, обитающие в пустынях, не похожи на львов вельда. Хотя когда-то они были похожи — во времена, когда великая пустыня еще была зеленым лесом^[7]. В те времена можно было полежать с царственным видом между деревьев, пообедав каким-нибудь козлом^[8].

Но лесистая местность постепенно превратилась в кустарниковую, потом поредели сами кустарники, а следом за ними ушли козы, люди и даже города.

Остались одни львы. Всегда найдется что съесть. Главное — как

следует проголодаться. Люди в пустыне по-прежнему встречались, хотя и крайне редко. Кроме того, здесь жили ящерицы. И змеи. Экологическая ниша была не ахти какой привлекательной, но львы держались за нее мертвой хваткой — примерно так же, как держатся за жизнь люди, повстречавшие пустынного льва.

С этим львом кто-то уже встречался.

Грива его спутана, шкура испещрена старыми шрамами. Он полз к Бруте, волоча безжизненные задние лапы.

— Он ранен, — заметил Брута.

— Отлично, — воодушевился Ом. — В них много мяса, жилистое правда, но...

Лев рухнул на землю и тяжело задышал костлявой грудью. Из его бока торчал обломок копья. Взлетела туча мух — вот кто без труда находит еду в любой пустыне.

Брута отбросил меч. Ом втянул голову в панцирь.

— О нет, — пробормотал он. — В этом мире живут двадцать миллионов человек, и единственный верующий в меня оказался самоубийцей...

— Мы не можем бросить его в беде, — сказал Брута.

— Еще как можем. Это — лев. Львов либо не трогаешь, либо сам попадаешь в беду.

Брута опустился на колени. Лев открыл один покрытый коркой желтый глаз, он был слишком слаб даже для того, чтобы открыть челюсти.

— Ты умрешь, ты *погибнешь*, — запричитал Ом. — У меня не останется верующих и...

В анатомии животных Брута разбирался крайне слабо — хотя некоторые инквизиторы обладали завидными знаниями о внутренностях человека, в которых было отказано другим людям, лишенным возможности вскрывать тело, пока оно еще живо. Одним словом, занятия медициной в чистом виде в Омнии не поощрялись. Но в каждой деревне был человек, который официально *не вправлял* кости, ничегошеньки *не знал* об особенностях некоторых растений и который не попадал в руки квизиции только благодаря хрупкой благодарности пациентов. К услугам такого человека прибегал каждый крестьянин. Острая зубная боль поражает всех, даже сильных верой.

Брута взялся за обломок древка. Лев зарычал.

— Ты можешь с ним поговорить? — спросил Брута.

— Это — *животное*.

— Как и ты. Ты можешь попытаться успокоить его? Потому что если

он разнервничается...

Ом попытался сосредоточиться.

На самом деле мозг льва содержал только боль, постоянно разрастающееся облако которой затеняло даже обычный фоновый голод.

Ом попытался окружить боль, заставить ее уйти... Главное — не думать, что будет, если она все-таки уйдет. Судя по всему, лев ничего не ел вот уже несколько дней.

Когда Брута выдернул наконечник копья, лев недовольно рыкнул.

— Омнианское копье, — сказал Брута. — И рана недавняя. Должно быть, он встретил легионеров, когда те шли в Эфеб. Видимо, они прошли совсем неподалеку.

Брута оторвал кусок рясы и попытался прочистить рану.

— Нам нужно есть его, а не лечить! — заорал Ом. — О чем ты думаешь? Надеешься, что он как-нибудь тебя отблагодарит?

— Он хотел, чтобы ему помогли.

— А скоро он захочет есть — об этом ты не подумал?

— Он так жалобно смотрит.

— Вероятно, никогда не видел недельный запас питания всего на одной паре ног.

Впрочем, это было неправдой. Брута, оказавшись в пустыне, стал таять, словно кубик льда. Это и поддерживало в нем жизнь. Парень был двуногим эквивалентом верблюда.

Брута направился к груде камней, под ногами его хрустели кости и щебень. Плиты образовывали лабиринт полуоткрытых тоннелей и пещер. Судя по запаху, лев жил здесь уже давно и часто болел.

Некоторое время Брута смотрел на ближайшую пещеру.

— Чем тебя так удивило логово льва? — поинтересовался Ом.

— Всего-навсего тем, что туда ведут ступени, — ответил Брута.

Дидактилос буквально чувствовал толпу, заполнившую амбар.

— Сколько народу сюда набилось? — спросил он.

— Сотни! — ответил Бедн. — Сидят даже на стропилах! И... учитель?

— Да?

— Среди людей я заметил пару жрецов и очень много солдат!

— Не волнуйтесь, — успокоил Симони, присоединяясь к ним на временном помосте, сооруженном из бочек для инжира. — Так же, как и вы, они верят в Черепяху. У нас есть друзья в самых неожиданных местах!

— Но я не... — беспомощно произнес Дидактилос.

— Собравшиеся здесь люди ненавидят церковь всеми фибрами

души, — провозгласил Симони.

— Но это не...

— Они только и ждут, чтобы кто-нибудь их возглавил!

— Но я никогда...

— Да, да, знаю, ты нас не подведешь. Ты — здравомыслящий человек. Бедн, иди-ка сюда. Хочу познакомить тебя с одним кузнецом.

Дидактилос повернулся лицом к толпе. Он кожей ощущал жар взглядов.

* * *

Каждая капля собиралась несколько минут.

Они словно гипнотизировали. Брута смотрел и не мог оторвать глаз. Капли росли почти незаметно, но они так росли и падали уже многие тысячи лет.

— Но как?.. — спросил Ом.

— Вода просачивается вниз после дождя, — объяснил Брута. — Скапливается в скалах. Неужели боги не знают таких простых вещей?

— Нам это без надобности. — Ом огляделся. — Пошли отсюда. Не нравится мне это место.

— Всего лишь старый храм. Здесь ничего нет.

— Именно это я и имею в виду.

Храм был наполовину засыпан песком и всяческим мусором. Свет сочился сквозь дырявую крышу и падал на склон, по которому они спустились. Интересно, подумал Брута, сколько источенных ветром камней в пустыне были раньше прекрасными зданиями? Когда-то на этом месте высилась огромная, быть может, величественная башня. А потом пришла пустыня.

Здесь не было слышно даже тихого щебетания богов. Мелкие боги предпочитали держаться подальше от заброшенных храмов — так люди предпочитают держаться подальше от кладбищ. Тишину нарушали только капли воды.

Они капали в небольшое углубление перед сооружением, похожим на алтарь. От углубления вода пробила дорогу к яме, которая казалась поистине бездонной. Рядом валялись несколько статуй, тяжеловесных, однообразных, похожих на вылепленные детьми глиняные фигуры, только воплощенные в граните. Стены когда-то были покрыты барельефами, сейчас осыпавшимися, за исключением нескольких мест, на которых

сохранились странные изображения, напоминавшие главным образом щупальца.

— Что за народ здесь жил? — спросил Брута.

— Понятия не имею.

— А какому богу они поклонялись?

— Тоже не знаю.

— Статуи высечены из гранита, но гранита близости нигде нет.

— Значит, они были очень набожными и притащили его откуда-то.

— А алтарная плита испещрена канавками.

— О. *Чрезвычайно* набожные были люди. Эти канавки предназначены для стока крови.

— Ты действительно думаешь, что здесь приносили в жертву людей?

— Я не знаю! Мне просто не терпится убраться отсюда!

— Почему? Здесь есть вода и прохладно.

— Потому что... здесь жил бог. Могущественный бог. Ему поклонялись тысячи людей. Я чувствую это, понимаешь? Это сочится из стен. Еще один Великий Бог. Обширны были его владения, и могущественно слово. Армии шли вперед во имя его и побеждали, и сражали противника. И все такое прочее. А теперь никто, ни ты, ни я, никто не знает, что это был за бог, как его звали, как он выглядел. Львы ходят на водопой в святое место, а эти мохнатые существа на восьми ногах заползают за алтарь. Кстати, одно из них сидит у твоей ноги, такое с усиками, как ты их называешь? Теперь ты все понимаешь?

— Нет, — ответил Брута.

— Ты не боишься смерти? Ты же человек!

Брута обдумал вопрос. В несколько футов стоял Ворбис и тупо смотрел куда-то вверх.

— Он очнулся, просто не говорит.

— Кого это волнует? Я тебя не о нем спрашивал.

— Ну... иногда... когда я дежурю в катакомбах... в таком месте волей-неволей боишься... я имею в виду, все эти черепа, кости... и в Книге говорится...

— Вот и все, — с горьким торжеством в голосе произнес Ом. — Ты *не знаешь*. Это и только это удерживает вас от сумасшествия. Неуверенность, надежда на то, что в конечном счете все будет не так уж плохо. Но с богами дело обстоит иначе. Мы как раз *знаем*. Слышал историю про воробья, летящего через комнату?

— Нет.

— Не может быть. Ее все слышали.

— Но не я.

— О том, что жизнь похожа на летящего по комнате воробья? Снаружи — сплошная темнота, а он летит по комнате, и это всего лишь один краткий миг тепла и света!

— А окна открыты? — спросил Брута.

— Ты можешь представить себе, каково *быть* этим самым воробьем и знать о темноте все? Знать, что потом вспоминать будет нечего — кроме этого момента тепла и света?

— Не могу.

— Конечно не можешь. А это очень похоже на жизнь бога. Что же касается этого места... это — морг.

Брута окинул взглядом древний мрачный храм.

— А ты знаешь, каково быть человеком?

Голова Ома на мгновение спряталась в панцире, по-другому пожимать плечами он не умел.

— По сравнению с богом? Очень просто. Рождаешься. Соблюдаешь некоторые правила. Делаешь то, что говорят. Умираешь. Забываешь.

Брута пристально смотрел на него.

— Я не прав?

Брута покачал головой. Потом встал и подошел к Ворбису.

Дьякон послушно напился из протянутых рук Бруты. Его словно выключили. Он ходил, он пил, он дышал. Или это был не он — что-то управляло им. Например, его тело. Темные глаза были открыты, но, казалось, они видят то, что Брута видеть никак не мог. Хотя создавалось впечатление, что этими глазами смотрит кто-то живой. Брута был уверен, что, если он уйдет, Ворбис будет сидеть на этих самых каменных плитах до тех пор, пока не упадет. Тело Ворбиса присутствовало здесь, но место нахождения его разума невозможно было отыскать ни в одном атласе.

Вдруг, совершенно неожиданно, Брута почувствовал себя таким одиноким, что даже Ворбис показался ему хорошей компанией.

— Чего ты с ним возишься? Он послал на смерть тысячи людей!

— Да, но, возможно, он думал, что этого желаешь ты.

— Никогда не проявлял столь извращенных желаний.

— Да, тебе было просто наплевать, — кивнул Брута.

— Но я...

— Заткнись!

Ом аж рот разинул от удивления.

— Ты мог помочь людям, — продолжил Брута. — Но ты только топал копытами и ревел, чтобы люди тебя боялись. Ты был похож... на человека,

бьющего палкой осла. А люди, подобные Ворбису, усовершенствовали эту палку, и осел стал верить только в нее.

— Может сойти за притчу, если чуть-чуть подработать, — мрачно произнес Ом.

— Я говорю о реальной жизни!

— Я не виноват, что люди злоупотребляют...

— Виноват! Ты виноват! Если ты запутал сознание людей только для того, чтобы они в тебя верили, значит, ты несешь ответственность и за то, как они потом поступают!

Брута долго смотрел на черепашку, а потом отошел к куче мусора, которая занимала часть разрушенного храма, и принялся рыться в ней.

— Что ты там ищешь?

— Нам нужно во что-то налить воду!

— Ничего ты тут не найдешь. Люди ушли. Земля иссякла, и они ушли. И все взяли с собой. Можешь не утруждаться.

Брута не обратил внимания на его слова. Из-под камней и песка что-то проглянуло.

— И чего ты так беспокоишься об этом Ворбисе? — заныл Ом. — Лет через сто он все равно умрет. Мы все умрем.

Брута вытянул какой-то изогнутый осколок керамики. Он оказался двумя третями широкой чаши, расколотой поперек. Чаша была широкой, как расставленные руки Бруты, но вместе с тем она была разбита, так что никто не удосужился утащить ее.

Она была совершенно бесполезной. Но когда-то люди находили ей применение. Ободок был украшен выпуклыми фигурками. Чтобы немножко отвлечься от зудящего в голове голоса Ома, Брута принялся рассматривать их.

Похоже, фигурки изображали людей. Судя по ножам в руках, разыгрывалось некое древнее религиозное действие (убийство, совершенное во славу бога, убийством не считается). Центр чаши занимала более крупная фигура, несомненно очень важная, скорее всего это и был бог, ради которого все происходило...

— Что? — спросил он.

— Я сказал, мы все умрем. Лет через сто.

Брута продолжил рассматривать фигурки на чаше. Никто не знает, кто был их богом, эти люди давным-давно ушли. В святом месте поселились львы, и...

«...Многоножка пустынная обыкновенная», — подсказала хранящаяся в его памяти обширная библиотека...

...Заползает за алтарь.

— Да, — сказал он, — умрем.

Брута поднял чашу над головой и повернулся.

Ом быстро спрятался в свой панцирь.

— Но здесь... — Брута, стиснув зубы, закачался под весом чаши. — ...

И сейчас...

Он бросил чашу. Она ударилась об алтарь. В разные стороны брызнули осколки древней керамики. Эхо разнеслось по храму.

— ...Мы живы!

Он поднял прячущегося в панцире Ома.

— И мы вернемся домой. Все. Я это точно знаю.

— И кто же это сказал? — раздался приглушенный голос Ома.

— Это сказал я! А если будешь спорить... Из панциря черепахи выйдет очень неплохой сосуд.

— Ты не посмеешь!

— Кто знает! Может, и посмею. Лет через сто мы все умрем, ты сам так сказал.

— Да! Да! — отчаянно завопил Ом. — Но здесь и сейчас...

— Вот именно.

Дидактилос улыбался, а это всегда давалось ему нелегко. Дело не в том, что он был угрюмым человеком, просто он не видел улыбок окружающих. Для улыбки требуется задействовать несколько дюжин мышц, а возмещения усилий — никакого.

Он частенько выступал в Эфебе, но неизменно перед философами, чьи крики «Полный идиотизм!», «Ты это только что придумал!» и другие подобные реплики заставляли его чувствовать себя спокойно и непринужденно. А все потому, что в действительности никто не придавал его словам никакого значения. Все думали не над его речью, а над тем, как бы половчее ответить.

Но эта толпа заставила его вспомнить Бруту. Люди слушали так, словно хотели, чтобы он своими словами заполнил гигантскую пустую яму. Одна беда — он объяснял философию, а они слышали тарабарщину.

— Вы не можете верить в Великого А'Туина, — твердил он. — Великий А'Туин существует. Нет смысла верить в то, что существует на самом деле.

— Кто-то поднял руку, — подсказал Бедн.

— Да?

— Но, господин, наверное, верить стоит только в то, что

действительно существует?.. — спросил молодой человек в форме сержанта Священной Стражи.

— Если что-то существует, в это совсем не обязательно верить, — ответил Дидактилос. — Это просто есть. — Он вздохнул. — Ну что я могу вам сказать? Что вы хотите услышать? Я только описал то, что люди и так знают. Горы возникают и исчезают, а под ними плывет вперед Черепаха. Люди живут и умирают, а Черепаха Двигается. Империи процветают и распадаются, а Черепаха Двигается. Боги приходят и уходят, а Черепаха по-прежнему Двигается. Черепаха Двигается.

— Это и есть истина? — раздался голос из темноты.

Дидактилос пожал плечами.

— Черепаха существует. Мир — это плоский диск. Солнце огибает его один раз в день и тащит за собой свой свет. И это будет происходить — без разницы, что именно вы считаете истиной. Это действительность. А насчет истины не знаю. Это куда более сложное понятие. По правде говоря, я лично думаю, что Черепахе абсолютно наплевать, истинна ли она или нет.

Пока философ продолжал говорить, Симони тихонько отвел Бедна в сторону.

— Они пришли сюда не за этим! Ты можешь что-нибудь сделать?

— Извини? — не понял Бедн.

— Им нужна не философия. А причина, чтобы выступить против церкви! Выступить прямо сейчас! Ворбис мертв, сенобиарх рехнулся, иерархи заняты тем, что втыкают ножи друг другу в спины. Цитадель похожа на большую гнилую сливу.

— В которой еще живут осы, — указал Бедн. — Ты сам говоришь, что вас поддерживает только десятая часть армии.

— Но это свободные люди. Свободные в мыслях. Они будут сражаться не за пятьдесят центов в день, а за нечто большее.

Бедн упорно рассматривал свои руки. Он всегда так поступал, если в чем-то сомневался, словно только на них он мог рассчитывать.

— Наши сторонники сократят преимущество до трех к одному, прежде чем кто-нибудь поймет, что происходит, — с мрачной решимостью произнес Симони. — Ты говорил с кузнецом?

— Да...

— И что? Получится?

— Думаю... что да. Правда, это несколько не то...

— Его отец умер под пытками. А пытали его всего-навсего за то, что он повесил в кузнице подкову, хотя все знают, что у кузнецов — свои обычаи. А сына этого человека забрали в армию. И у него много

помощников. Они буду работать всю ночь. Тебе остается только руководить.

— Я сделал несколько эскизов.

— Хорошо. *Послушай меня*, Бедн. Церковью управляют люди, подобные Ворбису. Вот почему происходят такие жуткие вещи. Миллионы людей погибли... ради какой-то лжи. И мы можем это остановить...

Дидактилос закончил свою речь.

— Он все испортил, — горько промолвил Симони. — Он мог веревки из них вить, а сам лишь перечислил факты. Людей фактами не воодушевишь. Им нужен повод. Нужен символ.

* * *

Они покинули храм перед самым закатом. Лев уполз в тень, но все-таки поднялся на шаткие лапы, чтобы проводить их взглядом.

— Он пойдет за нами, — простонал Ом. — Типичная львиная привычка. Он будет тащиться, милю за милей.

— Мы выживем.

— Мне бы твою уверенность.

— Но у меня есть Бог, в которого я верю.

— Больше разрушенных храмов нам на пути не встретится.

— Встретится что-нибудь другое.

— Не будет даже змей, которых можно съесть.

— Но я иду со своим Богом.

— Только не в качестве закуски. К тому же ты идешь не туда.

— Берег вон там, а я иду в противоположную сторону.

— Именно это я и имел в виду.

— Как далеко может уйти лев с такой раной?

— Какое это имеет значение?

— Непосредственное.

Через полчаса они вышли на след, похожий на черную линию в серебристом свете луны.

— Здесь прошли легионеры. Нам остается лишь идти по их следам, и мы попадем туда, откуда они пришли.

— Ничего у нас не получится!

— Мы путешествуем налегке.

— Да, конечно. Они-то были нагружены едой и водой, — с горечью в голосе произнес Ом. — Как нам повезло, что у нас нет ни того, ни другого.

Брута посмотрел на Ворбиса. Он уже передвигался без посторонней помощи, правда при любом изменении курса его нужно было аккуратно поворачивать.

Но даже Ом вынужден был признать, что по человеческому следу идти куда веселее. В некотором смысле эти следы были живыми, подобно эху. Здесь не так давно прошел человек. Значит, в мире еще остались люди. Где-то кому-то удалось выжить.

Или нет. Через час они подошли к небольшому холмику. На нем лежал шлем, рядом в песок был воткнут меч.

— Много солдат умерло только ради того, чтобы добраться досюда как можно быстрее, — промолвил Брута.

Люди, потратившие время, чтобы похоронить своих мертвых, начертили на песке могильного холмика некий символ. Брута почти ожидал увидеть черепаху, но ветер еще не успел стереть грубое изображение пары рогов.

— Ничего не понимаю, — сказал Ом. — Они напрочь не верят в мое существование, но рисуют на могилах мое стилизованное изображение.

— Это трудно объяснить. Думаю, они поступают так потому, что верят в свое существование, — ответил Брута. — Они — люди, и он был человеком.

Он вытащил меч из песка.

— Зачем он тебе?

— Может пригодиться.

— Против кого?

— Может пригодиться.

Еще через час к могиле подковылял лев, все это время тащившийся по следу Бруты. Он прожил в пустыне шестнадцать лет, и прожил он столь долгую жизнь потому, что не умер, а не умер потому, что не давал пропасть впустую питательному протеину. Лев принялся рыть землю.

Люди постоянно растрачивали попусту полезный протеин — начиная с того самого момента, как стали задумываться, кем именно этот протеин являлся при жизни.

Но, если разобраться, желудок льва — не самое плохое место погребения. Есть места и похуже.

На каменистых островках обитали змеи и ящерицы. Вероятно, они были очень питательными, и каждая обладала своим, неповторимым вкусом.

Воды больше не попадалось.

Зато встречались растения — или нечто в этом роде. Их можно было бы принять за кучу камней, если бы не центральный стебель с цветком ярко розового или лилового цвета.

— Где они берут воду?

— В ископаемых морях.

— Вода, превратившаяся в камень?

— Нет. Вода, просочившаяся в землю тысячи лет назад. Прямо в коренную породу.

— Ты сможешь до нее докопаться?

— Не глупи.

Брута перевел взгляд с цветка на ближний каменный островок.

— Мед, — сказал он.

— Что?

Гнездо пчел находилось высоко над землей в расщелине одной из скал. Жужжание было отчетливо слышно с земли, но добраться до них не представлялось возможным.

— Попытка не удалась, — подвел Ом.

Солнце было уже высоко. От скал веяло накапливающимся теплом.

— Отдохни немножко, — сказал Ом ласково. — А я посторожу.

— Зачем?

— На всякий случай.

Брута подвел Ворбиса к тени от большого валуна и мягко уложил его на землю. Потом лег рядом сам.

Жажда еще не стала мучительной. Он так напился в заброшенном храме, разве что не хлюпал при ходьбе. Быть может, чуть позже им удастся поймать змею... Жизнь не так плоха, если учесть, что многие в этом мире лишены и этого.

Ворбис лежал на боку, его черные на черном зрачки смотрели в пустоту.

Брута постарался уснуть.

Он никогда не видел снов. И сей факт крайне заинтересовал Дидактилоса. Он сказал, что человек, способный помнить все и не видящий снов, должен мыслить очень медленно. «Представь сердце^[9], — говорил он, — почти целиком занятое памятью, на повседневные мысли отводится лишь малая часть его сокращений». Это отчасти объясняло тот факт, почему Брута шевелил губами, когда думал.

Таким образом, это не могло быть сном. Скорее всего, во всем было виновато солнце.

В его голове раздавался голос Ома. Черепашка говорила так, словно поддерживала разговор с некими людьми, слышать которых Брута не мог.

— Мои!

— Уходи.

— Нет.

— Мои!

— Оба!

— *Mou!*

Брута повернул голову.

Черепашка стояла меж двух камней, вытянув шею и раскачиваясь. Был слышен еще какой-то звук, похожий на комариный писк... и звучали обещания.

Они мелькали мимо... что-то говорившие ему лица, формы, видения величия, мгновения блестящих возможностей, они подхватывали его, возносили над миром все выше и выше, все это принадлежало ему, он мог все, нужно лишь поверить в *меня*, в *меня*, в *меня*...

Перед ним появилась картинка. На соседнем камне лежал жареный поросенок, окруженный фруктами, а рядом стояла кружка пива, настолько холодного, что ее стенки покрылись инеем.

— *Mou!*

Брута мигнул. Голоса мигом исчезли. И еда вместе с ними.

Он мигнул еще раз.

Сохранялись лишь какие-то остаточные изображения, он их не видел, а скорее чувствовал. Несмотря на идеальную память, Брута не помнил, что говорили голоса и какие еще картинки ему являлись. В памяти остались только жареная свинина и пиво.

— Это потому, — тихо промолвил Ом, — что они не знают, чем тебя соблазнить. Поэтому предлагают все подряд. Как правило, все начинается с видений еды и плотских наслаждений.

— Пока мы дошли только до еды, — сказал Брута.

— Хорошо, что я их поборол, — кивнул Ом. — С таким молодым и неопытным человеком, как ты, можно многое сотворить.

Брута приподнялся на локтях.

Ворбис не пошевелился.

— До него они тоже пытаются добраться?

— Полагаю, что да. Но не получится. Ничто не входит, ничто не выходит. Никогда не видел такого замкнутого на себя разума.

— Они вернуться?

— О да. Делать им все равно нечего.

— Когда вернуться, — попросил Брута, чувствуя легкое головокружение, — подожди, пока мне не покажут плотские наслаждения.

— Ай-яй-яй.

— Брат Ньюрод относился к ним крайне отрицательно. Но я думаю, врага лучше знать в лицо, а?

Голос Бруты перешел в хрип.

— Впрочем, с меня хватит и видения какого-нибудь прохладительного напитка, — устало произнес он.

Тени были длинными. Он с удивлением осмотрелся.

— И долго они здесь болтаются?

— Весь день. Настойчивые твари. Налетели как мухи.

Почему, Брута узнал на закате.

Он встретил святого Когтея, отшельника и друга всех мелких богов.

— Так-так-так, — промолвил святой Когтей. — В последнее время гости нечасто нас посещают. Верно, Ангус?

Он обращался к пустому месту рядом с собой.

Брута отчаянно пытался сохранить равновесие, потому что колесо принималось угрожающе раскачиваться при малейшем движении. Ворбиса они оставили в пустыне, двадцатью футами ниже. Он сидел, обхватив руками колени, и смотрел в никуда.

Колесо было приколочено горизонтально к макушке тонкого столба. И хватало его только-только, чтобы один человек мог свернуться на нем в неудобной позе. Впрочем, святой Когтей был полностью приспособлен для лежания в неудобной позе. Он был настолько тощим, что ему бы позавидовали даже скелеты. Из одежды на нем присутствовала только минималистическая набедренная повязка, едва различимая под длинными волосами и бородой.

Не заметить прыгавшего на столбе и вопившего «Ау!» и «Идите сюда!» святого Когтея было практически невозможно. В нескольких футах стоял столб пониже, на котором размещался старомодный сортир с дыркой в форме полумесяца на двери. Как объяснил святой Когтей, не стоит отказываться от всех благ цивилизации только потому, что ты — отшельник.

Брута слышал об отшельниках, они являлись своего рода одноразовыми пророками. Все они уходили в пустыню, откуда не возвращались, сделав выбор в пользу жизни отшельника, связанной с грязью и тяготами, с грязью и религиозными медитациями и просто с грязью. Некоторые из них усложняли себе жизнь тем, что наглухо замуровывались в кельях или устраивали какое-нибудь примитивное жилище на макушках столбов. Омнианская церковь поощряла отшельников на том основании, что помешанных следует отправлять туда, где они не смогут доставить тебе много неприятностей и где заботиться о них будет общество, пусть даже состоящее исключительно из львов и ящериц.

— Я подумывал о том, чтобы добавить еще одно колесо, — признался святой Когтей. — Вон там, чтобы утреннее солнышко лучше падало, понимаешь меня?

Брута огляделся. Вокруг, насколько хватало глаз, простирались камни да песок.

— По-моему, здесь солнцу ничего не мешает... — осторожно заметил он.

— Да, но на рассвете секунды кажутся часами, — объяснил святой Когтей. — Кроме того, Ангус говорит, что у нас должен быть внутренний дворик.

— Чтобы устраивать приемы с барбекю, — раздался в голове Бруты голос Ома.

— Гм, — нерешительно произнес Брута. — А какой именно веры ты святой?

Выражение смущения скользнуло по той небольшой части лица святого Когтея, что еще виднелась между бровями и усами.

— Честно говоря, никакой. Произошла ошибка. Родители назвали меня Свярианом Тойдеушем Когтеем, а потом, что действительно удивительно, кто-то обратил внимание на то, как ловко складываются буквы первых двух имен. После этого мой путь в жизни был предначертан.

Колесо закачалось. Кожа святого Когтея казалась почти черной от постоянного загара.

— Отшельничеством пришлось буквально, овладевать на ходу, — продолжил он. — Я — самоучка. Абсолютный. Невозможно отыскать отшельника, который обучит тебя отшельничеству, это несколько портит все представление.

— Э... но у тебя есть... Ангус? — спросил Брута, глядя на то место, где, по его представлению должен был находиться этот Ангус, или, по крайней мере, где он находился согласно представлениям святого Когтея.

— Сейчас он там, — резко сказал святой, показывая на совсем другую часть колеса. — Но он отшельничеством не занимается. Не обучен, понимаешь ли. Он здесь так, для компании. Клянусь, я бы просто *сошел с ума*, если бы не Ангус, он меня постоянно подбадривает!

— Да, тут сойти с ума несложно, — согласился Брута и улыбнулся пустому месту, чтобы продемонстрировать свое расположение.

— На самом деле жизнь здесь не так уж плоха. Время тянется достаточно медленно, зато какое наслаждение приносят еда и питье.

Брута отчетливо понял, что именно последует за этим.

— Пиво достаточно холодное? — спросил он.

— Просто ледяное, — просияв, заявил святой Когтей.

— А жареный поросенок?

Улыбку святого Когтея можно было бы назвать маниакальной.

— Румяный и с хрустящей корочкой, — ответил тот.

— Но, наверное, э-э... иногда приходится питаться и ящерицами? Или там змеями?

— Интересно, что ты упомянул об этом. Да. Но крайне редко, чисто для разнообразия.

— И, должно быть, грибами? — уточнил Ом.

— А в этой местности растут грибы? — с невинным видом поинтересовался Брута.

Святой Когтей радостно закивал.

— Да, сразу после сезона дождей. Красные, с белыми пятнышками. После грибного сезона пустыня становится такой *интересной*.

— Кишит гигантскими поющими слизняками лилового цвета? Говорящими столбами пламени? Взрывающимися жирафами? Ты это имеешь в виду? — осторожно спросил Брута.

— Клянусь Господом, да! — воскликнул святой. — Сам не знаю, чего эти твари тут делают. Может, грибы их привлекают?

Брута кивнул.

— А ты ловко ведешь разговор, парень, — одобрительно хмыкнул Ом.

— Но иногда... такое ведь случается, что порой ты пьешь... самую обычную воду? — спросил Брута.

— Как ни странно, случается, — не стал спорить святой Когтей. — Вокруг столько вкуснейших напитков, но зачастую я испытываю совершенно необъяснимую жажду. Видимо, это какое-то пристрастие... пристрастие к воде. А ты как считаешь?

— Возможно, возможно... Бывает такое, хочется, и все тут, — заметил Брута. Он говорил осторожно, словно вываживал пятидесятифунтовую

рыбу леской, рассчитанной ровно на пятьдесят один фунт.

— Очень странно, — задумался святой Когтей. — Вокруг столько ледяного пива, а я...

— А где ты берешь эту самую воду? — невинно поинтересовался Брута.

— Растения, похожие на камни, видел?

— Это с такими крупными цветами?

— Ага. Так вот, если разрезать мясистую часть листьев, оттуда можно добыть с полпинты воды, — объяснил отшельник. — Но должен предупредить: на вкус — моча мочой.

— Думаю, уж это мы как-нибудь перетерпим, — произнес Брута иссушенными губами.

Он попятился к веревочной лестнице, которая являлась единственной связью святого с землей.

— Точно не хочешь остаться на ужин? — поинтересовался святой Когтей. — Сегодня среда, а по средам подают молочного поросенка с отборными, пропитанными солнцем, свежими, как роса, фруктами.

— Э-э, много дел, — ответил Брута, спустившийся уже до середины раскачивающейся лестницы.

— Великолепные ликеры?

— Как-нибудь в другой раз...

Брута поднял Ворбиса, тот послушно двинулся следом. Святой Когтей провожал их печальным взглядом.

— А на десерт скорее всего будут мятные конфеты! — закричал он, сложив руки рупором. — Нет?

Очень скоро фигуры превратились в точки на песке.

— И, возможно, будут видения плотских наслажд... Нет, вру. Они бывают по пятницам, — пробормотал святой Когтей.

Сейчас, когда гости ушли, воздух снова наполнился жужжанием и писком мелких богов. Их было несколько триллионов.

Святой Когтей улыбнулся.

Он, несомненно, был помешанным. Иногда он и сам догадывался об этом. Но придерживался твердого мнения, что сумасшествие не стоит растрачивать понапрасну. Он ежедневно вкушал пищу богов, пил редкие выдержанные вина, ел фрукты, которые не соответствовали не только сезону, но и действительности. Необходимость иногда выпивать по нескольку глотков противной воды или жевать лапку ящерицы он считал не такой уж высокой ценой за даримые ему наслаждения.

Он повернулся к парившему в воздухе, уставленному яствами столу.

Все это... А взамен мелкие боги хотели всего-навсего, чтобы кто-нибудь узнал о них, поверил в их существование.

Сегодня на десерт были желе и мороженое.

— Нам больше достанется, правда, Ангус?

— Да, — ответил Ангус.

Война в Эфебе закончилась. Она продолжалась недолго, особенно после того, как в бой вступили рабы. Слишком много было узких улочек, слишком много засад, и слишком твердой была решимость. Как правило, считается, что свободные люди всегда торжествуют над рабами, но, возможно, тут все зависит от вашей точки зрения на свободу.

Кроме того, командир эфебско-омнианского гарнизона с перепугу заявил, что с этого момента рабство отменяется, чем привел рабов в неопишущую ярость. Какой был смысл выслуживаться и горбатиться, чтобы стать свободным, если ты лишен права иметь рабов? И вообще, а что они будут есть?

Омниане так и не поняли, что произошло, а неуверенные в себе люди сражаются из рук вон плохо. Да и Ворбис куда-то подевался. Когда его не было рядом, несомненные истины выглядели не такими уж несомненными.

Тиран был освобожден из заключения. Первый день он провел за тщательным составлением писем в прочие маленькие страны, расположившиеся вдоль побережья.

Пора было что-то делать с этой Омнией.

Брута пел.

Голос его отражался от скал. Стаи скалби побороли в себе привычку ленивых пешеходов и в страхе разлетались, оставляя позади кучи перьев. Змеи забились в расщелины.

В пустыне можно жить. Или, по крайней мере, выжить.

Возвращение в Омнию было лишь вопросом времени. Еще один день...

Ворбис шел чуть позади. Он ничего не говорил, а когда к нему обращались, не подавал виду, что понимает то, что ему говорят.

Ом подпрыгивал в ранце Бруты и начинал страдать от острой депрессии, которую испытывает любой реалист в присутствии неумного оптимиста.

Вымученный напев «И Железные Когти Безбожников Напрочь Порвут» стих. Впереди показалась небольшая каменистая осыпь.

— Мы живы, — подвел итог Брута.

— Пока.

— И мы неподалеку от дома.

— Неужели?

— Совсем недавно я видел дикого козла.

— Их еще много тут шляется.

— Козлов?

— Богов. Те, что мы встречали раньше, были хилятиками, можешь мне поверить.

— Что ты имеешь в виду?

Ом вздохнул.

— Это же логично, сам подумай. Наиболее сильные божества болтаются у края пустыни, где есть дичь... я имею в виду — люди. А слабых вытесняют туда, где есть только песок и почти невозможно встретить человека...

— Сильные боги, — задумчиво произнес Брута. — Боги, которые знают, как быть сильными.

— Правильно.

— Но не ведают, что значит быть слабым...

— Что? Так они не просуществовали бы и пяти минут. В этом мире бог пожирает бога.

— Возможно, это отчасти объясняет природу богов. Сила передается по наследству. Как грех.

Он помрачнел.

— Если не считать того, что... это не так. Я имею в виду, как раз грех по наследству не передается. Придется поговорить с людьми, когда вернемся домой.

— И они будут тебя слушать?

— Говорят, мудрость приходит именно из пустыни.

— Только та, что нужна людям. А еще грибы.

На рассвете Брута подоил козу. Она никуда не убежала, так как Ом успокоил ее мысли. Брута заметил, что Ом даже не предложил убить ее.

Потом они отыскали тень. Здесь росли кусты, низкие, колючие, каждый крошечный листик был защищен розеткой шипов.

Ом встал на страже, но мелкие боги на краю пустыни менее назойливы и куда более коварны. Скорее всего, они заявятся ближе к полудню, когда солнце превратит землю в огненный ад. Он их услышит, а пока можно подкрепиться.

Он пополз по кустам, колючки скользили по панцирю, не причиняя ему ни малейшего вреда. Миновал другую черепаху — только в эту

никакой бог не вселялся — и был удостоен взгляда, которым черепаха смотрит всегда, когда размышляет, есть поблизости что-нибудь, что можно съесть, или кто-нибудь, с кем можно заняться любовью. Ни о чем другом нормальные черепахи не думают.

В общем, он прополз мимо и наконец отыскал пару несъеденных листьев.

Периодически он возвращался, чтобы проверить спящих.

А потом он увидел, как Ворбис сел, внимательно огляделся, взял в руку камень, рассмотрел его со всех сторон — и обрушил на голову Бруты.

Брута даже не застонал.

После чего Ворбис встал и направился напрямик туда, где в кустах прятался Ом. Раздвинув ветки, он поднял ту самую черепашку, которую недавно повстречал Ом.

Некоторое время Ворбис держал ее в поднятой руке и смотрел на смешно шевелящиеся лапки, после чего размахнулся и швырнул черепашку об скалу.

Потом поднял Бруту, с видимым усилием взвалил его на плечо и зашагал в сторону Омнии.

Все это заняло каких-то несколько секунд.

Ом с трудом заставил себя не спрятаться в панцирь, что является инстинктивной реакцией черепахи на страх.

Ворбис уже скрывался за скалами.

Вот он совсем скрылся из виду.

Ом было пополз вперед, но, заметив скользившую по земле тень, резко остановился и спрятался в панцирь. Это была знакомая тень, тень, которая вызывает у всякой черепахи поистине смертельный ужас.

Орел камнем упал на то место, где барахталась в песке раненая черепаха, и, лениво взмахнув крыльями, взмыл обратно в небо.

Ом наблюдал за орлом, пока тот не превратился в точку. Когда от этой точки отделилась другая, поменьше, и полетела на камни внизу, он отвернулся.

Орел опускался медленно, предвкушая трапезу.

Ветер раскачивал ветки кустов, шевелил песок. Ому показалось, что он слышит колкие, насмешливые голоса мелких богов.

Святой Когтей, встав на колени, разломил жесткий пухлый лист растения.

«Приятный парень, — думал он. — Правда, разговаривает сам с собой, но этого и следовало ожидать. Пустыня по-разному действует на людей.

Правда, Ангус?»

— Да, — ответил Ангус.

Ангус наотрез отказался пить противную воду, сказал, что его от нее пучит.

— Как хочешь, — пожал плечами святой Когтей, а потом воскликнул: — Так-так, а вот и угощение.

Нечасто можно встретить в пустыне многоножку обыкновенную, а здесь под одним камнем он нашел сразу трех.

Смешно, но иногда хочется пожевать чего-нибудь такого — даже когда на обед были превосходные свиные суши в кляре, приправленные пармезаном, анчоусами, кари и обложенные клубнями ямса.

Он как раз выковыривал из зубов остатки второй многоножки, когда на гребне бархана за его спиной показался лев.

Лев испытывал странное чувство благодарности. Он чувствовал, что должен догнать тот кусок еды, который так заботился о нем, — догнать и символически от него отказаться. Но сейчас прямо перед ним сидел еще один кусок еды, который не обращал на него ни малейшего внимания и которому он был абсолютно ничем не обязан.

Он двинулся вперед и очень скоро перешел на бег.

Совершенно не подозревая о нависшей над ним опасности, святой Когтей принялся за третью многоножку.

Лев прыгнул...

И все закончилось бы совсем печально для святого Когтея, если бы Ангус не треснул льва камнем по уху.

Брута стоял в пустыне, только песок был черным, как, впрочем, и небо, а солнце отсутствовало вовсе, хотя все заливал яркий свет.

«А, — подумал он. — Значит, это сон».

Тысячи людей шли по пустыне и не обращали на него никакого внимания. Они словно не замечали даже, что идут в толпе.

Брута попытался помахать им рукой, но не смог пошевелиться. Он попытался заговорить, но слова испарились прямо во рту.

А потом он очнулся.

Сначала он увидел свет, струившийся из окна. Потом пару ладоней, сложенных в виде священных рогов.

С некоторым усилием, голова его раскалывалась от боли, Брута поднял взгляд туда, где эти руки соединялись с туловищем, шея...

— Брат Ньюрод?

Наставник послушников поднял голову.

— Брута?

— Да?

— Слава Ому!

Брута, втянув шею, попытался оглядеться.

— Он здесь?

— ...Здесь? Как ты себя чувствуешь?

— Я...

Голова болела, спину жгло так, словно он лежал на углях, и почему-то ныли колени.

— Ты сильно обгорел на солнце, — промолвил Ньюрод. — И при падении сильно стукнулся головой.

— При каком-таком падении?

— ...Падении? Со скалы. Ты был вместе с *Пророком!* — воскликнул Ньюрод. — Ты совершал странствие вместе с Пророком. Подумать только, один из *моих* послушников...

— Я помню... пустыню... — откликнулся Брута, осторожно ощупывая голову. — Но... Пророк?..

— ...Пророк. Поговаривают, ты станешь епископом или даже иамом, — возвысил голос Ньюрод. — Благо прецедент есть. Наисвятейший святой Бобби стал епископом потому, что странствовал по пустыне с пророком Урном, а он был всего лишь ослом.

— Но я не... помню... никакого пророка. Там был только я и...

Брута замолчал. Ньюрод довольно улыбался.

— Ворбис?

— Он милостиво поведал мне обо всем, — кивнул Ньюрод. — Мне повезло, когда он вернулся, я находился на Месте Сетований. Это случилось как раз после молитв, вознесенных к Сестине. Сенобиарх уже собирался уходить... ну, ты знаешь церемонию. И тут появился Ворбис. Весь в пыли и с ослом. А на спине осла лежал ты.

— Не помню никакого осла, — признался Брута.

— ...Осла. Он одолжил его на какой-то ферме. Пророка сопровождала целая толпа!

Ньюрод аж покраснел от возбуждения.

— И он объявил месяц Джаддры и наложил на всех двойную епитимью, совет вручил ему Посох и Узду, а сенобиарх отбыл в скит в Сканте!

— Ворбис — Восьмой Пророк... — неверяще промолвил Брута.

— ...Пророк. Конечно.

— А... черепашки с ним не было? Он про черепаху ничего не говорил?
— ...Про черепаху? Причем здесь черепахи? — удивился Ньюрод, но выражение его лица тут же смягчилось. — Ну да, Пророк говорил, что на тебя подействовало солнце. А еще он говорил, ты уж меня прости, что ты твердил в бреду совсем странные вещи.
— Он говорил об этом?
— Он не отходил от твоей постели три дня. Это было так трогательно...
— А как давно... как давно мы вернулись?
— ...Вернулись? Почти неделю назад.
— Неделю?!
— Он сказал, что путешествие сильно утомило тебя.
Брута уставился в стену.
— Также он приказал привести тебя к нему сразу, как только ты придешь в себя, — добавил Ньюрод. — На этом он особо настаивал. — Судя по тону, Ньюрод еще не был окончательно уверен в состоянии сознания Бруты. — Ты идти сможешь? Если хочешь, тебя могут отнести послушники.
— Я должен увидеться с ним прямо сейчас?
— ...Сейчас? Немедленно. Наверное, тебе не терпится поблагодарить его.

* * *

Об этих частях Цитадели Брута знал только по слухам. Брат Ньюрод тоже никогда не бывал здесь. Несмотря на то что про него в приказе ничего не говорилось, брат Ньюрод предпочел отправиться вместе с Брутой и всю дорогу суетился вокруг юноши, которого несли два крепких послушника. Специально для Бруты были доставлены носилки, обычно использовавшиеся для переноски совсем ветхих старших жрецов.

В центре Цитадели, сразу за храмом, был обнесенный стеной сад. Брута, как настоящий профессионал садового дела, сразу осмотрел окрестности. На этой скале не было и дюймового слоя естественной почвы, каждая лопата земли, на которой росли тенистые деревья, была доставлена сюда вручную.

Посреди сада, в окружении епископов и иамов, стоял Ворбис. Когда Бруту поднесли ближе, дьякон обернулся.

— А, мой пустынный спутник, — произнес он приветливо. — И, если

не ошибаюсь, брат Ньюрод. Братья мои, хочу сообщить вам, что намереваюсь назначить Бруту архиепископом.

Священнослужители принялись возбужденно перешептываться и нервно покашливать. Ворбис посмотрел на епископа Трима, который был архивариусом Цитадели.

— Ну, с формальной точки зрения, он еще не посвящен в сан, — неуверенно промолвил епископ Трим. — Но, конечно, как все мы знаем, есть прецедент...

— Э-э... Урн... осел! — быстро выпалил Ньюрод, но потом, поняв, что выразился несколько нескладно, тут же прикрыл рот ладонью и покраснел от стыда и смущения.

Ворбис улыбнулся.

— Добрый брат Ньюрод прав, — кивнул он. — Осел тоже не был посвящен в сан, правда, вполне возможно, в те далекие дни требования не были столь суровыми, как нынче.

Раздался хор угодливого хихиканья, характерного для людей, чья работа, а возможно, и жизнь тоже целиком зависела от капризов человека, любящего отпускать не слишком остроумные шутки.

— Но осла произвели всего лишь в епископы, — напомнил епископ Трим, которого коллеги меж собой называли не иначе как Самоубийцей.

— И надо сказать, он этому посту вполне *соответствовал*, — резко произнес Ворбис. — А теперь все свободны, включая поддьякона Ньюрода.

Ньюрод даже побледнел, услышав о столь резком повышении по службе.

— Но архиепископ Брута останется, — добавил Ворбис. — Мы желаем говорить с ним.

Иерархи удалились.

Ворбис расположился на каменном кресле под бузиной. Дерево было древним и огромным, совсем не похожим на недолговечных родственников, что росли за пределами сада. На ветвях уже зрели ягоды.

Пророк сидел, положив руки на каменные подлокотники и скрестив пальцы. Некоторое время он тяжелым взглядом мерил Бруту.

— Ты... поправился? — спросил он наконец.

— Да, господин, — ответил Брута. — Но, господин, я не могу быть епископом, я ведь не умею даже...

— Уверяю, эта работа особого ума не требует, — успокоил его Ворбис. — Иначе епископы с ней не справлялись бы.

Снова воцарилась долгая тишина.

Когда Ворбис снова заговорил, могло показаться, что каждое свое слово он достает с огромной глубины.

— Мы уже говорили о природе действительности?

— Да.

— И о том, что постигаемое не всегда является фундаментальной истиной?

— Да.

Снова пауза. Высоко в небе парил орел, высматривавший на земле черепах.

— Наши странствия по пустыне... Вряд ли у тебя сохранились о них четкие воспоминания.

— Отнюдь.

— Этого и следовало ожидать. Солнце, жажда, голод...

— Мою память запутать очень трудно, господин.

— Ах да, помню, помню...

— Вот и я тоже, мой господин.

Ворбис чуть наклонил голову и искоса посмотрел на Бруту, словно пытался что-то спрятать за своим лицом.

— Со мной в пустыне говорил Великий Бог Ом.

— Все верно, господин. Он говорил. Каждый день.

— Знаешь, Брута, у тебя сильная, хотя и примитивная вера. Я прекрасно разбираюсь в людях.

— Да, господин. Господин?

— Слушаю тебя, мой Брута.

— Ньюрод сказал, что *вы*, господин, вывели *меня* из пустыни.

— Помнишь, что я говорил о фундаментальной истине, Брута? Конечно, помнишь. Есть физическая пустыня, но есть еще и пустыня в душе. Мой Бог вел меня, а я вел тебя.

— А. Да. Понимаю.

Парившая по спирали точка, которая на самом деле была орлом, вдруг на мгновение застыла. Потом орел сложил крылья и камнем упал вниз...

— В той пустыне мне было многое дано, Брута. Многое было познано. Теперь я должен поделиться своими знаниями со всем миром. Это святая обязанность пророка. Пойти туда, где еще никто не бывал, и вернуться с истиной.

...Обгоняя даже ветер. Сейчас его мозг и тело исполняли обязанности простой оболочки, в которой воплотилась сама целеустремленность...

— Я не ожидал, что это произойдет так скоро. Но мои шаги направлял Великий Ом. А теперь, когда сенобиархия в наших руках, мы станем... ее

использовать.

Орел упал на склон холма, схватил что-то и опять начал набирать высоту...

— Я всего лишь послушник, господин Ворбис. Я — не епископ, если даже меня станут так называть.

— Ничего, ты привыкнешь.

Обычно процесс формирования мыслей Бруты был довольно-таки длительным, но как раз сейчас одна такая мысль обретала форму. Она касалась позы, в которой сидел Ворбис, его голоса...

Ворбис боялся Бруты.

«Почему он меня боится? Из-за пустыни? Кому какое дело до того, что произошло на самом деле? Скорее всего, так было всегда. Вероятно, это осел, а вовсе не Урн, нашел в пустыне оазис, забил там копытами льва и обеспечил своего хозяина водой.

Или это из-за Эфеба? Но кто меня слушает? И опять-таки — кому какое дело? Он — Пророк сенобиарх. Он может приказать убить меня. Все его поступки правильны. Все его слова правдивы.

Фундаментально правдивы...»

— Я хочу показать тебе нечто удивительное, — сказал Ворбис и встал. — Ты идти можешь?

— О да. Ньюрод несколько перестарался. Я страдаю в основном от солнечных ожогов.

Когда они выходили из сада, Брута заметил то, на что раньше не обратил внимания. В саду дежурили вооруженные луками священные стражники. Они стояли повсюду, в тени деревьев, в кустах — не слишком заметные, но и не старающиеся спрятаться.

Лестница вела из сада в лабиринт подземных тоннелей, которые были проложены под храмом и, несомненно, под всей Цитаделью. За ними на почтительном расстоянии бесшумно двинулись два стражника. Брута шел за Ворбисом по тоннелям, пока они не оказались в зоне ремесленников, где кузницы и мастерские располагались вокруг одного огромного фонаря. Дым и едкие пары поднимались по стенам из обтесанного камня.

Ворбис прошел прямо к большой нише, освещенной красным светом горнов. Несколько рабочих толпились вокруг чего-то широкого и выпуклого.

— Смотри, — сказал Ворбис. — А, что думаешь?

Это была черепаха.

Литейщики и кузнецы постарались на славу, они даже воспроизвели узор на панцире и чешуйки на лапках. Черепаха была около восьми футов

длиной.

У Бруты зашумело в ушах.

— По стране ходит губительная ересь, верно? — усмехнулся Ворбис. — Мятежники считают, что живут на спине Великой Черепахи. Так пусть же они и умрут на ней.

Только после слов Ворбиса Брута разглядел кандалы, прикрепленные к каждой железной лапе. Человека можно было разложить на черепашьем панцире и надежно сковать по рукам и ногам.

Он наклонился. Да, внизу была предусмотрена топка. Некоторые аспекты мышления квизииции оставались неизменными.

Такая масса железа будет нагреваться целую вечность, боль будет нарастать постепенно. Значит, мятежник вполне успеет раскаяться, все вспомнить и рассказать...

— Ну, что думаешь? — осведомился Ворбис.

— Очень оригинально.

— Это послужит хорошим уроком для всех готовых свернуть с пути истинного знания, — кивнул Ворбис.

Когда Брута выпрямился, Ворбис посмотрел на него так внимательно, словно пытался прочесть мысли в его голове.

— А теперь оставь меня, — велел Ворбис. — Отдыхай сколько угодно... сын мой.

Брута медленно брел по Месту Сетований, погрузившись в непривычные мысли.

— День добрый, ваше преподобие.

— Ты уже знаешь?

Лицо Себе-Рублю-Руку Достаба расплылось в улыбке, точно солнце вошло над кувшином теплого холодного-как-лед шербета.

— Ходят слухи, — произнес он загадочно. — Возьми плитку Клатчской Услады. Бесплатно. Или леденец-напалочник.

Народу на площади собралось больше, чем обычно. Даже горячие пирожки Достаба продавались как горячие пирожки.

— Сегодня здесь людно, — заметил Брута, думая совсем о другом.

— Время Пророка, — пожал плечами Достаб, — в лице которого является миру Великий Бог. Думаешь, сейчас людно? Подожди пару-другую деньков. Тут яблоку будет негде упасть.

— А что должно случится?

— Ты в порядке? Выглядишь несколько бледновато.

— Что должно случится?

— Судилище. Ну, сам понимаешь... Книга Ворбиса... Э-э, — Достаб наклонился ближе. — Может, по старой памяти подкинешь намек? Бог там ничего не говорил касательно пользы той или иной пищевой отрасли?

— Не знаю. Кажется, ему хочется, чтобы люди выращивали побольше салата.

— Правда?

— Это только предположение.

Достаб криво усмехнулся.

— Да, конечно, но это *твое* предположение! Как говорится, намек понял, немедленно седлаю верблюда и выезжаю. Странное дело, но я знаю, где можно приобрести несколько акров хорошо орошаемой земли. Может, стоит прикупить ее прямо сейчас, опередить толпу?

— Знаешь, вреда не будет.

Достаб подобрался еще ближе. Это было не трудно. Достаб мог подобраться к чему угодно и к кому угодно. Даже крабы завидовали тому, как ловко он передвигается боком.

— Забавно, правда? — спросил он. — Я имею в виду... Ворбиса.

— Забавно?

— Наводит на определенные мысли. Урн, наверное, тоже был самым обычным человеком, ходил, как ты и я, ковырялся в носу... Забавно.

— Да что забавно-то?

— Все.

Достаб заговорщически усмехнулся Бруте и тут же продал паломнику со стертymi ногами лечебную скипидарную мазь, о чем тот еще не раз пожалеет.

Брута добрал до своей опочивальни. В это время дня здесь никого не было — пребывание в опочивальне не поощрялось, ибо вид твердого как камень матраса мог навеять греховные мысли. Нехитрый Брутин скарб куда-то исчез. Возможно, у него теперь есть отдельная келья, только ему об этом еще никто не сказал.

Брута чувствовал себя совершенно потерянным.

Он лег на койку — на всякий случай — и обратился с молитвой к Ому. Ответа не последовало. Все как прежде, Бог опять перестал ему отвечать — вот только раньше Брута и не ждал никакого ответа, а поэтому не особо беспокоился. Бог все слышит — но если каждого верующего удостаивать ответом?..

А теперь слышать стало некому.

С таким же успехом он мог обращаться к самому себе и самому же себе отвечать.

Как Ворбис.

Эта мысль не желала уходить. Замкнутый на себе разум — кажется, так говорил Ом. Ничто не входит, ничто не выходит. Значит, Ворбис способен слышать только далекое эхо собственной души. И из этого он выкует Книгу Ворбиса, и Брута даже знал, какими будут Заповеди. Там будет вестись речь о священных войнах и крови, о крестовых походах и крови, о благочестии и крови.

Брута встал, чувствуя себя полным дураком. Однако мысли и не думали уходить.

Он был епископом, но понятия не имел, чем занимаются епископы. Епископов он видел только издалека, когда они проплывали мимо, словно спустившиеся на землю облака. Он же умел только одно.

Какой-то прыщавый мальчик рыхлил мотыгой огород. Он с изумлением уставился на Бруту, когда тот попытался отобрать у него мотыгу, и настолько оторопел, что некоторое время наотрез отказывался выпускать из рук инструмент.

— Я все-таки епископ, — сказал ему Брута. — Кроме того, я некоторое время наблюдал за тобой — ничего ты не умеешь. Пойди и займись чем-нибудь другим.

Брута с яростью набросился на сорняки. Его не было всего несколько недель, а вся земля покрылась зеленым ковром.

«Ты стал епископом. Потому что был хорошим. И есть железная черепаха. На тот случай, если станешь плохим. Потому что...»

...В пустыне были два человека, но Ом разговаривал только с одним.

Раньше он этого не понимал.

Ом разговаривал именно с ним. Да, надо признать, он говорил не совсем то, что приписывали ему пророки. Возможно, он вообще не говорил ничего из того, что ему приписывают...

Брута дошел до конца борозды, после чего переключился на фасоль.

Лю-Цзе внимательно следил за ним из своей хижины, полускрытой среди земляных куч.

Еще один амбар. За последние дни Бедну довелось посетить немало амбаров.

Они начали с телеги и целую уйму времени потратили на то, чтобы максимально уменьшить ее вес. Основной проблемой стал привод. Его устройство пришлось обдумывать особенно тщательно. Шар хотел вращаться значительно быстрее, чем соглашались вращаться колеса. Возможно, это была какая-то изощренная метафора.

— И я не могу заставить ее ехать задом! — воскликнул он.

— Не волнуйся, — успокоил его Симони. — Задом ехать и не придется. Как дела с броней?

Бедн расстроено махнул рукой.

— Это деревенская кузница! Длина машины двадцать футов. Захарос способен делать пластины только несколько футов длиной. Я пытался приколотить их к раме, но она разваливается под их весом.

Симони посмотрел на скелет паровой тележки и сложенные рядом пластины брони.

— Ты когда-нибудь бывал в бою, Бедн? — спросил он.

— Нет. У меня плоскостопие. К тому же я не слишком силен.

— А тебе известно, что такое «черепаха»?

Бедн почесал в затылке:

— Э-э, ладно. Ответ: маленькое земноводное в панцире — правильно? Потому что ты *знаешь*, что я это знаю.

— Я имею в виду «черепаха» из щитов. Когда ты атакуешь крепость или стену, а противник бросает на тебя все, что у него есть, каждый солдат поднимает свой щит и... сцепляет его со щитами других солдат. Выдерживает очень большой вес.

— Перекрытие, — пробормотал Бедн.

— Как чешуйки, — кивнул Симони.

Бедн задумчиво посмотрел на тележку.

— «Черепаха», говоришь? — уточнил он.

— Но с тараном, — добавил Симони.

— С этим-то нет проблем, — рассеяно произнес Бедн. — Ствол дерева, закрепленный на раме. Большой железный наконечник. Насколько я помню, двери сделаны из бронзы?

— Да, но очень большие.

— Значит, скорее всего, они полые. Или литые бронзовые пластины закреплены на дереве. Во всяком случае, я бы так сделал.

— То есть они не из сплошной бронзы? Все говорят, что они вылиты из бронзы.

— Я бы тоже так говорил.

— Господа, прошу прощения...

Вперед выступил плотный мужчина в форме дворцовой стражи.

— Это сержант Фергмен, — представил его Симони. — Да, сержант?

— Храмовые двери усилены клатчской сталью. После той войны, что случилась во времена лжепророка Зога. И открываются только наружу. Как ворота шлюза на канале, понимаете? Если их таранить, они только

застрянут в косяке, и их вообще не вышибешь.

— Тогда как же они открываются? — удивился Бедн.

— Сенобиарх поднимает руку, и дыхание Великого Бога отворяет их, — ответил сержант.

— Я имею в виду в *логическом* смысле?

— О. Один из дьяконов прячется за занавесом и тянет на себя рычаг. Но... когда я дежурил в склепах, то видел там одно помещение с... с какими-то решетками... А еще было слышно, как где-то течет вода...

— Гидравлика, — хмыкнул Бедн. — Так я и знал.

— Туда можно проникнуть? — уточнил Симони.

— В это помещение? Почему нет? Его никто не охраняет.

— Он в одиночку сможет открыть двери? — повернулся Симони.

— Гм? — откликнулся Бедн.

Юноша задумчиво потирал подбородок молотком и, казалось, пребывал в совсем другом, каком-то своем мире.

— Я спросил, сможет ли Фергмен заставить эту, как ее, гидру работать?

— Гм? Э-э, вряд ли, — рассеянно ответил Бедн.

— А ты?

— Что?

— Ты сможешь заставить ее работать?

— О. Вероятно. Это всего лишь трубки плюс давление.

Бедн задумчиво смотрел на паровую тележку. Симони многозначительно кивнул сержанту, приказывая удалиться, а сам попробовал предпринять мысленный межпланетный перелет в тот мир, в котором пребывал Бедн.

Он тоже попытался посмотреть на тележку.

— Как скоро ты сможешь закончить?

— Гм?

— Я спросил...

— Завтра, не раньше чем под вечер. И то если будем работать всю ночь.

— Но она понадобится нам послезавтра на рассвете! У нас не будет времени проверить, как она работает!

— Она заработает с первого раза, — заверил Бедн.

— Правда?

— Я ее создал. И знаю о ней все. Ты знаешь все о мечях и копьях, а я — о деталях, которые вращаются. Зарботает с первого раза.

— Хорошо. Ну, у меня еще есть кое-какие дела...

— Ага.

Бедн остался в амбаре один. Он задумчиво посмотрел на молоток, потом на железную тележку.

Омниане совершенно не умеют выплавлять бронзу. А железо... Разве ж это железо? Жалкое подобие. Их медь? Просто ужасна. И сталь, которая разбивается после первого удара. За многие годы квизиции удалось извести всех хороших кузнецов.

Он сделал все, что мог, но...

— Один заход — да, два — может быть, ну, максимум три. И то, на третий лучше не надеяться, — тихо пробормотал он.

* * *

Ворбис восседал на своем каменном кресле в саду. Вокруг были разбросаны бумаги.

— Итак?

Стоящий на коленях человек даже не осмелится поднять голову. Рядом, с обнаженными мечами, стояли двое стражников.

— Люди Черепахи... они что-то замышляют, — выдавил человек визгливым от страха голосом.

— Ну разумеется, — кивнул Ворбис. — Конечно замышляют. Но что именно?

— Они придумали... как раз когда вас назначили сенобиархом... какое-то устройство, машину, которая движется сама... Она должна проломить двери храма...

Голос его стих.

— И где же это устройство сейчас?

— Не знаю. Они покупали у меня железо. Это все, что мне известно.

— То устройство железное?

— Да. — Человек глубоко вздохнул, жадно втягивая воздух, и едва не поперхнулся. — Говорят... стражники говорят, что мой отец в тюрьме и вы можете... Умоляю...

Ворбис посмотрел на мужчину сверху вниз.

— Но ты боишься, — сказал он, — что я могу бросить в тюрьму и тебя тоже. Ты считаешь меня способным на такое. Боишься, что я могу подумать, мол, этот человек связался с еретиками и богохульниками, а поэтому стоит его на всякий случай...

Человек по-прежнему тупо пялился в землю. Ворбис ласково взял его

за подбородок и поднял с земли. Наконец глаза мужчины оказались на уровне его глаз.

— Ты поступил правильно, — промолвил он и глянул на одного из стражников. — Отец этого человека еще жив?

— Да, господин.

— Самостоятельно передвигаться может?

Инквизитор пожал плечами.

— Э-э, да, господин.

— Освободи его немедленно, вверь заботам сына и отпусти обоих домой.

Во взгляде доносчика сражались целые армии надежды и страха.

— Спасибо, господин, — только и смог вымолвить он.

— Ступай с миром.

Ворбис проводил его взглядом до выхода из сада, а потом небрежным взмахом руки подозвал одного из старших инквизиторов.

— Нам известно, где он живет?

— Да, господин.

— Хорошо.

Инквизитор замялся.

— А это... устройство, господин?

— Он говорил со мной. Машина, которая движется сама? Это противоречит здравому смыслу. Где ее мускулы? Где ее разум?

— Конечно, господин.

Инквизитор, которого звали дьяконом Кусьпом, оказался на своем нынешнем посту, сам того не желая. Он так до конца и не понял, хочет он повышения или нет, так как в основном он хотел причинять людям боль. Желание это было достаточно незамысловатым, и квизиция предоставляла неограниченные возможности для его удовлетворения. Он был одним из тех людей, которые до колки боялись Ворбиса, но в то же время преклонялись перед ним. Причинять людям боль ради собственного удовольствия... это можно понять. Однако Ворбис причинял людям боль только потому, что так решил: боль причинить следует. В его поступках не было никаких чувств, наоборот, даже присутствовала некоторая доля суровой любви.

Кусьп по собственному опыту знал, что у человека, оказавшегося перед эксквизитором, напрочь отшибает всякое воображение, выдумать что-то в такой ситуации крайне сложно. Устройства, которые движутся сами по себе, — такого просто не может быть, и тем не менее на всякий случай он решил усилить охрану...

— Как бы там ни было, — продолжил Ворбис, — завтра, во время церемонии, следует ожидать беспорядков.

— Господин?

— Я знаю, о чем говорю.

— Конечно, господин.

— Ты опытный инквизитор, и тебе наверняка известна грань, за которой человеческие сухожилия и мускулы уже не выдерживают.

У Кусяпа сложилось впечатление, что Ворбис абсолютно безумен, но в особом смысле. К обычному безумию Кусяп уже привык и научился иметь с ним дело. Безумцы вокруг кишмя кишели, а в подвалах квисизии многие из них становились еще более безумными. Но Ворбис давно перешел эту красную черту и построил по другую сторону некую Логическую конструкцию. Рациональные мысли, составленные из безумных элементов...

— Да, господин, — ответил он.

— Так вот, а мне известна грань, за которой не выдерживают сами люди.

Была ночь, несколько холодная для этого времени года.

Лю-Цзе старательно подметал пол темного бара. Периодически он доставал откуда-то из-под рясы тряпку и принимался что-нибудь тщательно натирать.

Он тщательно вытер Движущуюся Черепаху, грозно затаившуюся в полумраке амбара.

Потом добрался до горна и остановился там посмотреть на бушующее пламя.

Выплавка действительно хорошей стали требует крайней сосредоточенности. Неудивительно, что вокруг кузниц вечно толпятся боги. Столько возможностей допустить ошибку. Чуть-чуть напутать в ингредиентах, секундное промедление и...

Бедн, который уже засыпал на ходу, недовольно заворчал, когда кто-то растолкал его и сунул что-то в руки.

Это была чашка чая. Он посмотрел на маленькое круглое лицо Лю-Цзе.

— О, спасибо. Большое спасибо.

Кивок, улыбка.

— Почти закончили, — сказал Бедн, обращаясь, скорее, к самому себе. — Осталось только охладить. Очень *медленно*. В противном случае она начнет кристаллизоваться, понимаешь?

Кивок, улыбка, кивок.

Это был *хороший* чай.

— Отливка не так уж в'жна... — пробормотал Бедн, едва не падая. — Вот р'чаги 'правления...

Лю-Цзе аккуратно подхватил его и усадил на кучу угля. Потом еще какое-то время смотрел на пламя. Стальной слиток тускло светился в форме.

Он вылил на него ведро холодной воды, подождал, пока рассеется огромное облако пара, потом вскинул метлу на плечо и убежал.

Люди, которые всегда считали Лю-Цзе лишь неясной фигурой, неторопливо размахивавшей метлой, поразились бы скорости его бега, особенно если учитывать тот факт, что недавно ему исполнилось шесть тысяч лет, а питался он только бурым рисом и зеленым чаем с кусочком прогорклого масла.

Приблизившись к воротам Цитадели, он замедлил свой бег и принялся мести улицу. Он подметал ее, пока не подошел к воротам, потом обмел вокруг них, кивнул и улыбнулся стражнику. Тот сначала смерил его свирепым взором, но потом решил не связываться с полоумным стариком. Лю-Цзе отполировал ручки ворот и, не переставая подметать, двинулся по переулкам и галереям к садику Бруты.

Там, среди дынь, он увидел сторбившуюся фигуру.

Лю-Цзе отыскал циновку и поспешил обратно в сад, к сторбившейся фигуре Бруты, на коленях у которого лежала мотыга.

За свою долгую жизнь он перевидал бесчисленное множество искаженных страданиями лиц, целые цивилизации не видели столько страдающих людей, но лицо Бруты... страшнее зрелища он не видел ни разу. Он накинул циновку на плечи епископа.

— Я его не слышу, — прохрипел Брута. — Может, он слишком далеко? Надеюсь на это. Он остался где-то там... В милях отсюда!

Лю-Цзе улыбнулся и кивнул.

— Все повторится снова. *Он* никогда никому не говорил, как можно поступать, а как — нет! Его это просто не интересовало!

Лю-Цзе опять кивнул и улыбнулся. Зубы были желтыми. На самом деле это был двухсотый комплект.

— А следовало бы немножко поинтересоваться.

Лю-Цзе удалился в свой угол, но скоро вернулся оттуда, держа в руках неглубокую чашу с каким-то чаем. Он кивал, улыбался и протягивал ее Бруте, пока тот не взял чашку и не сделал глоток. На вкус чай напоминал горячую воду с привкусом лаванды.

— Ты совсем не понимаешь, о чем я говорю, да? — спросил Брута.

— Не все, — ответил Лю-Цзе.

— Так ты *можешь* говорить?

Лю-Цзе прижал к губам морщинистый палец.

— Большой секрет.

Брута смотрел на щуплого старичка. «Что я о нем знаю? — мелькнула у него мысль. — О нем вообще никто ничего не знает...»

— Ты говоришь с Богом, — промолвил Лю-Цзе.

— Но откуда?..

— По приметам. Человек, разговаривающий с Богом, живет трудной жизнью.

— Ты прав. — Брута посмотрел на Лю-Цзе поверх чаши. — Что ты здесь делаешь? Ты не омнианин и не эфеб.

— Вырос неподалеку от Пупа. Очень давно. Теперь Лю-Цзе — чужестранец, куда бы он ни пришел. Изучал религию в храме на родине. Теперь хожу туда, где есть работа.

— Возишь землю и подрезаешь растения?

— Конечно. Никогда не был епископом или важной персоной. Они проживают опасные жизни. Всегда вытирал скамьи в церквах, подметал за алтарем. Никто не пристаёт к человеку, который занят полезным трудом. Никто не пристаёт к маленькому человеку. Даже имени его никто не помнит.

— Я тоже хотел стать таким! Но у меня не получилось.

— Тогда найди другой способ. Лю-Цзе учился в храме. У древнего учителя. Если попадал в беду, всегда вспоминал слова древнего и достойного почитания учителя.

— И что же это за слова?

— Древний учитель говорил: «Эй, мальчик! Что ты ешь?! Надеюсь, принес для всех?!» Древний учитель говорил: «Ты плохой мальчик! Почему плохо учил урок?» Древний учитель говорил: «Над чем этот мальчик смеется? Если никто не скажет, зачем он смеется, весь класс остается после уроков!» Если вспомнить эти мудрые слова, жизнь не кажется слишком плохой.

— Что мне делать? Я не слышу его!

— Делай то, что должен. Если Лю-Цзе что-то понимает, этот путь ты должен пройти один.

Брута обхватил руками колени.

— Но он ничего такого мне не говорил! Где его хваленая мудрость? Все остальные пророки возвращались с какими-нибудь заповедями.

- А где они их брали?
- Мне кажется... они сами их придумывали.
- Вот и ты возьми их там же.

* * *

— И ты называешь это философией? — закричал Дидактилос, размахивая палкой.

Бедн обивал песчаную форму с рычага.

— Э-э... *естественной* философией, — поправил он.

Палка со звоном опустилась на корпус Движущейся Черепахи.

— Такому я никогда тебя не учил! — закричал философ. — Философия должна делать жизнь лучше!

— Она и сделает жизнь лучше. Для многих людей, — возразил Бедн. — Поможет свергнуть тирана.

— А потом? — спросил Дидактилос.

— Что потом?

— А потом ты разберешь ее на части? — спросил старик. — Расплющишь? Снимешь колеса? Выбросишь все эти шипы? Сожжешь чертежи, когда цель будет достигнута?

— Ну... — нерешительно произнес Бедн.

— Ага!

— Что, ага? А что, если сохранить ее? Как средство устрашения других тиранов?

— Думаешь, тираны не сумеют сделать такую же?

— Тогда я сделаю... еще больше! — закричал Бедн.

Плечи Дидактилоса бессильно опустились.

— Да, — сказал он, — в этом я не сомневаюсь. Тогда все в порядке. О боги, подумать только, а я волновался. Ладно, пойду отдохну где-нибудь...

Он вдруг стал выглядеть сгорбленным и очень старым.

— Учитель? — неуверенно окликнул Бедн.

— Не называй меня так. — Дидактилос на ощупь пробирался к выходу из амбара. — Как я вижу, о человеческой натуре ты уже узнал все, что только можно. Ха!

Великий Бог Ом вверх тормашками скатился в ирригационную канаву и приземлился на сорняки, которыми заросло ее дно. Схватившись ртом за какой-то корешок и подтянувшись, он все-таки сумел перевернуться.

Формы мыслей Бруты то возникали, то исчезали в его сознании. Слов он различить не мог, но этого и не требовалось. Не нужно смотреть на рябь на воде, чтобы понять, куда течет река.

Периодически, когда впереди показывалась сверкающая в сумерках точка Цитадели, он начинал мысленно кричать — громко, изо всех сил:

— Подожди! Только дождись меня! Не нужно этого делать! Мы можем отправиться в Анк-Морпорк! Это страна блестящих возможностей! С моим умом и твоей... и тобой мир станет нашим кальмаром! Зачем отказываться от столь...

А потом он скатывался в очередную борозду. Раз или два высоко в небесах мелькал силуэт орла.

— Зачем соваться в мясорубку? Эта страна *заслуживает* Ворбиса! Овцы *заслуживают* того, чтобы их погоняли!

Все было точно так же, когда его первого верующего забили камнями. Конечно, к тому времени у него были сотни других верующих. Но как было тоскливо... Как тревожно. Первый верующий навсегда остается в твоей памяти. Именно он придает тебе форму.

Черепахи не слишком приспособлены для передвижения по пересеченной местности. Для этого нужны либо лапы подлиннее, либо борозды помельче.

Ом определил, что по прямой он проходит не более четверти мили в час, а Цитадель находилась по меньшей мере в двадцати милях. Иногда, например, по оливковым рощам, удавалось двигаться быстрее, но потом каменистая местность и ограды полей лишали его преимущества.

А еще в его голове постоянно жужжали мысли Бруты, словно какая надоедливая пчела вилась вокруг.

— Что у тебя есть? У него есть армия! У тебя есть армия? Сколько у тебя дивизий? — предпринял очередную попытку Ом, но докричаться опять не удалось.

Подобные мысленные крики отнимали много энергии, а запас энергии у отдельно взятой черепахи весьма ограничен. Ом нашел на земле гроздь винограда и принялся жадно поедать ее, вымазался с головы до лап, но силы все равно были на исходе.

А потом наступила ночь. Здесь ночи были не такими холодными, как в пустыне, но и не такими уж теплыми. Кровь его остывала, и он вынужден был ползти медленнее. Движение мыслей тоже затормозилось.

Теряешь тепло — теряешь скорость.

Ом забрался на муравейник...

— Ты умрешь! Погибнешь!

...И скатился кубарем с другой стороны.

* * *

Приготовления к инаугурации пророка-сенобиарха начались задолго до рассвета. Во-первых, — и совсем не в соответствии с традицией, — дьяконом Кусьпом и некоторыми его коллегами был произведен тщательный обыск храма. Они искали ловушки и тыкали пиками в углы, где могли притаиться лучники. У дьякона все-таки была голова на плечах, хотя и привернутая не по резьбе. Несколько отрядов он послал в город, чтобы произвести облаву на обычных подозреваемых. Квизиция всегда придерживалась мнения, что некоторых подозреваемых надо оставлять на свободе. Чтобы точно знать, где их найти, — в случае какой срочной надобности.

После этого дюжина жрецов помельче осмотрели храм и выгнали из него всех афритов, джинов и демонов. Дьякон Кусьп молча следил за их работой. Сам он сверхъестественными существами никогда не занимался, зато прекрасно знал, что может сделать точно выпущенная стрела с ничего не подозревающим животом.

Кто-то похлопал его по груди. Он чуть не задохнулся от этого внезапного вторжения реальной жизни в ход его мыслей и машинально потянулся за кинжалом.

— О, — сказал он через мгновение.

Лю-Цзе кивнул, улыбнулся и показал метлой, что Дьякон Кусьп стоит именно на том месте, которое он, Лю-Цзе, хотел бы подмести.

— Привет, желтопузый.

Кивок, улыбка.

— Ни словечка ведь не понимаешь, придурок?

Улыбка, улыбка.

— Вот кретин!

Улыбка. Улыбка. Внимательный взгляд.

Бедн чуть отступил назад.

— Итак, — промолвил он, — ты точно все понял?

— Пару раз плюнуть, — ответил Симони, удобно расположившийся в седле Движущейся Черепахи.

— Повтори, — велел Бедн.

— Загружаем-топку, — скороговоркой выпалил Симони. — Когда-

красная-стрелка-укажет-на-XXVI, поворачиваем-бронзовый-кран; когда-засвистит-бронзовый-свисток, тянем-на-себя-большой-рычаг. Управление осуществляется веревками.

— Правильно, — кивнул Бедн, все еще испытывающий некоторые сомнения. — Учти, это очень точный прибор.

— А я — профессиональный солдат, — успокоил его Симони, — а не какой-нибудь суеверный крестьянин.

— Хорошо, хорошо. Ну... если ты так *уверен*...

У них даже осталось немножко времени внести в конструкцию Движущейся Черепахи последние изменения. Края панциря стали зубчатыми, колеса оцетинились острыми шипами. И конечно, паровая труба... Насчет ее он испытывал некоторые сомнения, но...

— Все просто, — еще раз попытался успокоить его Симони. — Никаких проблем не будет.

— Тогда дайте нам один час. Вы должны оказаться у храма в тот самый момент, когда мы откроем двери.

— Хорошо. Понятно. Тогда вам пора. Сержант Фергмен покажет дорогу.

Бедн снова посмотрел на паровую трубу и прикусил губу. «Не знаю, какой эффект она произведет на врага, — подумал он, — но лично у меня от нее чуть сердечный приступ не случился».

Брута проснулся — или, по крайней мере, перестал пытаться спать. Лю-Цзе ушел. Скорее всего, опять что-нибудь подметает.

Юноша побродил немного по пустым коридорам отделения послушников. До инаугурации нового сенобиарха оставались считанные часы. Сначала нужно было провести великое множество церемоний. На Место Сетований придет каждый, кто хоть что-то из себя представляет, но еще больше придет тех, кто вообще ничего из себя не представляет. Мелкие храмы опустели, нескончаемые молитвы остались недопетыми. Можно было бы сказать, что Цитадель вымерла — если бы не чувствовался неразличимый ухом рев десятков тысяч пока что молчащих людей. Солнечный свет струился через световые колодцы.

Никогда прежде Брута не чувствовал себя таким одиноким. По сравнению с сегодняшним днем пустыня была праздником веселья. Вчера вечером... вчера вечером, когда рядом сидел Лю-Цзе, все казалось таким понятным. Вчера вечером он готов был немедленно выступить против Ворбиса. Вчера вечером он думал, что все-таки шанс у него есть. Вчера вечером было возможно все. Беда «вчерашнего вечера» состоит в том, что

за ним всегда следует «сегодняшнее утро».

Он добрал до кухни, потом вышел на улицу. Пара поваров, занятых приготовлением ритуального блюда из мяса, хлеба и соли, не обратили на юношу никакого внимания.

Прислонившись к стене одной из скотобоен, он опустился на землю. Где-то рядом находились запасные ворота. Скорее всего, сегодня никто его не остановит, и ему удастся уйти. Сегодня стражники будут смотреть за тем, чтобы в Цитадель не проник кто-нибудь нежелательный.

Он мог просто взять и уйти. Пустыня — вот достаточно приятное место, разве что голод и жажда немножко мешают, но... Жизнь святого Когтея с его безумием и грибами начинала обретать определенную привлекательность. Одно дело — когда тебя дурят, и совсем другое — когда ты сам себя обманываешь; главное — делать это хорошо и не допускать промашек, чтобы самому себя случаем не разоблачить. Жизнь в пустыне настолько проще...

Ворота охраняли с полдюжины стражников, и взгляды у стражей были далеко не сочувствующими. Он вернулся на свое место за углом и мрачно уставился на землю.

Если бы Ом был жив, он бы наверняка подал хоть какой-нибудь знак...

Решетка рядом с сандалиями Бруты приподнялась на несколько дюймов и скользнула в сторону. Юноша с изумлением уставился на образовавшуюся в земле дыру.

Оттуда появилась голова в капюшоне, посмотрела на него и нырнула обратно. Из-под земли донесся жаркий шепот. Затем голова появилась снова, но на сей раз за ней последовало тело. Человек поднялся, откинул капюшон, заговорщически улыбнулся Бруте, прижал палец к губам и вдруг, без предупреждения, бросился на него, явно лелея некий злой умысел.

Брута покатился по булыжникам и, увидев блеснувший металл, в отчаянии вскинул руки. Блеск ножа на солнце был ярким и каким-то... окончательным.

— Стой!

— Почему это? Мы же договорились: в первую очередь убиваем жрецов!

— Только не этого!

Брута рискнул посмотреть в сторону. Вторая появившаяся из-под земли фигура тоже была облачена в грязную рясу, но прическу ежиком не узнать было нельзя.

— Бедн? — попытался произнести Брута.

— А ну, заткнись, — велел второй человек, прижав лезвие ножа к

горлу Бруты.

— Брута? — покачал головой Бедн. — Ты жив?

Брута перевел взгляд на человека с ножом, как бы говоря, что лично он в этом совсем не уверен.

— Все в порядке, — махнул рукой Бедн.

— В порядке? Он же жрец.

— Но он на нашей стороне. Верно, Брута?

Брута попытался кивнуть. «Я готов встать на сторону кого угодно, — горько подумал он. — Но было бы крайне приятно, если бы хоть кто-нибудь для разнообразия оказался на моей».

Рука исчезла с его губ, но нож у горла остался. Обычно медлительные мысли Бруты заструились, словно ртуть.

— Черепаха Двигается? — рискнул произнести он.

Нож тоже исчез, хоть и с явной неохотой.

— Я ему не верю! — рявкнул мужчина. — Давай хоть в дыру его запихнем, что ли?

— Брута — один из нас, — повторил Бедн.

— Все правильно, — подтвердил Брута. — Только из вас — это из кого?

Бедн наклонился чуть ближе.

— Как твоя память?

— К сожалению, в порядке.

— Отлично. Ты теперь, главное, ни во что не лезь... что бы ни случилось. Помни о Черепахе. Впрочем, да, ты же ничего не забываешь.

— А что должно случиться?

Бедн похлопал его по плечу. Брута невольно вспомнил о Ворбисе. Дьякон, которого никогда не интересовали обычные человеческие чувства, любил касаться людей руками.

— Тебе этого лучше не знать, — промолвил Бедн.

— А я и так не знаю.

— Вот и ладненько. Продолжай не знать дальше.

Плотный мужчина указал ножом на уходившие в скалу тоннели.

— Мы идем или нет? — осведомился он.

Бедн побежал за ним следом, но вдруг остановился и обернулся.

— Ты тут поосторожнее, — предупредил он. — Нам очень нужно то, что у тебя в голове!

Брута проводил их взглядом.

— Мне оно тоже не мешает, — пробормотал юноша.

Он снова остался один.

Но потом вдруг подумал: «Погодите-ка. Я вовсе не обязан оставаться один. В конце концов, я — епископ. И по крайней мере, я могу посмотреть на церемонию. Ом исчез, близится конец света. Почему бы не полюбоваться, как оно все будет?»

Шлепая сандалиями, Брута направился к Месту Сетований.

Слоны, они же офицеры, они же епископы, двигаются по диагонали. Поэтому часто оказываются там, где короли их не ждут.

— Идиот! Не ходи *туда*! Не ходи!

Солнце висело высоко в небесах. Можно даже сказать, оно уже клонилось к закату — если верить теории Дидактилоса о скорости света, но в вопросах относительности огромное значение имеет точка зрения наблюдателя. С точки зрения Ома, солнце было золотистым шаром, приколотенным посреди жаркого оранжевого неба.

Он поднялся по очередному склону и уставился слезящимся глазом на далекую Цитадель. Мысленно он слышал язвительные насмешки мелких богов.

Мелкие божества не любят потерпевших поражение богов. Ой как не любят. Они чувствуют себя обманутыми. Падшие боги напоминают им о смертности.

Его изгонят в самое сердце пустыни, и никто туда никогда не придет. Никогда. До самого конца света.

Бог неуютно поежился в своем панцире.

Бедн и Фергмен беспечно шагали по тоннелям Цитадели, причем беспечность их была настолько очевидной, что не могла не привлечь к себе пристального и острого, как наконечник стрелы, внимания, если бы хоть кто-нибудь проявил к ним интерес. Но здесь сновали только те, кто был занят совершенно необходимыми и жизненно важными делами. Кроме того, не рекомендуется слишком пристально смотреть на стражников, потому что они могут точно так же посмотреть в ответ.

Симони сказал, что Бедн сам вызвался на это задание. Вот только Бедн этого что-то не припоминал. Сержант знал, как пройти в Цитадель, — здесь все верно. Бедн был знаком с гидравликой. Превосходно. И вот он уже идет, позвякивая инструментами на поясе, по сухим тоннелям. Логическая связь тут явно была, но установил ее кто-то другой.

Фергмен завернул за угол и остановился у большой решетки, поднимающейся до самого потолка. Решетка была очень ржавой. Когда-то здесь стояла дверь, на что указывали остатки петель на каменной стене.

Бедн присмотрелся и увидел за решеткой тускло блестящие трубы.

— Эврика! — воскликнул он.

— Собираешься принять ванну? — спросил Фергмен.

— Ты, главное, следи, чтобы никто не пришел.

Бедн выбрал короткий ломик и вставил его между решеткой и каменной стеной. «Дайте мне фут хорошей стали и стену, о которую можно опереться... ногой... — Решетка со скрипом пошла вперед и выскочила из стены с глухим звуком. — И я изменю мир».

Он вошел в длинное, темное, сырое помещение и даже присвистнул от восхищения.

Здесь никто ничего не обслуживал в течение — ну сколько нужно времени, чтобы железные петли превратились в рассыпающуюся ржавчину? — а все по-прежнему работало!

Огромные, сделанные из свинца и железа ковши и переплетение огромных труб...

Вот оно, дыхание Господа.

Вероятно, последнего человека, который знал, как здесь все работает, замучили до смерти много лет назад. Или сразу же после того, как было закончено строительство. Убийство создателя было традиционным методом патентной защиты.

Вот — рычаги, а там, над ямами в каменном полу, — противовесы. Вероятно, для управления устройством требуются всего несколько сотен галлонов воды. Но эту воду нужно откуда-то закачать...

— Сержант?

Фергмен выглянул из-за двери. Он выглядел обеспокоенным, как атеист в грозу.

— Что?

Бедн ткнул пальцем:

— Видишь уходящую в стену шахту? Ниже цепной передачи?

— Ниже чего?

— Больших таких колес с шипами.

— Да.

— Куда идет эта шахта?

— Не знаю. Вообще-то, в той стороне находится Колесо Наказания.

— А.

Дыхание Бога в итоге оказалось потом людей. «Дидактилосу понравилась бы эта шутка», — подумал Бедн.

Он вдруг услышал звуки, которые, вероятно, раздавались все время, но только сейчас смогли пробиться сквозь его сосредоточенность. Они были

едва слышны, отражались эхом, но это были звуки голосов. И доносились они из труб.

Сержант, судя по выражению его лица, тоже услышал голоса.

Бедн прижал ухо к металлу. Слова разобрать было невозможно, но общий религиозный ритм был достаточно знакомым.

— В храме идет служба, — сказал он. — Вероятно, двери резонируют, и звук по трубам доходит сюда.

Фергмен все еще выглядел настороженно.

— Боги здесь совсем ни при чем, — пожал плечами Бедн и вновь сконцентрировал внимание на трубах. — Все очень просто, — пояснил Бедн, скорее себе, чем Фергмену. — Вода наполняет резервуары в противовесах и нарушает равновесие. Один комплект грузов опускается, другой поднимается по шахте в стене. Вес двери не имеет значения. По мере того как нижние грузы опускаются, ковши переворачиваются, и вода из них выливается. Вероятно, работает безотказно. Идеальное равновесие в каждый момент движения. Прекрасно продумано.

Он заметил выражение лица Фергмена.

— Вода наливается, потом выливается, и двери открываются, — устало проговорил он. — Значит, остается только подождать... какой там знак нам должны подать?

— Пройдя главные ворота, они подуют в трубу, — быстро ответил Фергмен, довольный тем, что и он пригодился.

— Правильно.

Бедн поднял взгляд на грузы и ковши. Бронзовые трубы были густо покрыты коррозией.

— На самом деле лучше еще раз все проверить. Мы должны твердо знать, что делаем, — сказал он. — Скорее всего, двери не сразу начинают открываться, значит, у нас в запасе как минимум пара минут.

Он сунул руку под рясу, пошарил там и достал нечто, напомнившее Фергмену изощренный пыточный инструмент. Бедн, видимо, это почувствовал и с расстановкой произнес:

— Это раз-вод-ной ключ.

— Да?

— Он откручивает.

С несчастным видом Фергмен кивнул:

— Да?

— А это бутылка с маслом, чтобы легче откручивалось.

— Как славно.

— Подсади-ка меня. На отсоединение клапана может уйти время,

лучше позаботиться об этом заранее.

Бедн подтянулся и под монотонный гул церковной службы, доносившийся сверху, полез в недра древнего механизма.

К пророкам Себе-Рублю-Руку Достаб относился крайне положительно. Он бы не возражал и против конца света, если бы это позволило ему получить концессию на продажу зрителям всяческих религиозных статуэток, уцененных икон, прогорклых конфет, забродивших фиников и гнилых маслин на палочках.

Книга пророка Бруты так и не вышла в свет, зато миру выпала исключительная возможность познакомиться с версией Достаба — сразу после так называемого Обновления некий предприимчивый писец сделал кое-какие записи, и вот что поведал ему Достаб.

I. Я стоял возле статуи Урна, когда вдруг увидел рядом Бруту. Все старались держаться от него подальше, потому что он был архиепископом, а если толкать архиепископов, рано или поздно можно нажать большие неприятности.

II. Я сказал ему: «Приветствую, ваше преосвященство», — и предложил йогурт, причем практически за бесценок.

III. Он ответил: «Спасибо, что-то не хочется».

IV. Тогда я сказал: «Но он очень полезен для здоровья. Это *живой* йогурт».

V. Он ответил, что и сам это видит.

VI. А вообще, он смотрел на двери. Только что прозвучал третий гонг, и все знали, что ждать придется еще несколько часов. Брута выглядел несколько унылым, но не потому, что съел йогурт, который, должен признать, из-за жары прескверно вонял. То есть в тот день он вел себя несколько живее обычного, даже приходилось постоянно стучать по нему ложкой, чтобы он не вылез из... Я просто пытаюсь объяснить, что было с йогуртом. Ладно, ладно. Добавить немного цвета? Людям нравится, когда есть цвет? Так вот, он был зеленым.

VII. Брута просто стоял и смотрел. И тогда я спросил: «Есть проблемы, ваше преподобие?» Он что-то пробормотал, обращаясь явно не ко мне, но что именно он сказал, я не расслышал, а потому поинтересовался: «К кому это ты обращаешься?» А он ответил: «Неважно. Если бы он был здесь, то подал бы мне знак».

VIII. В слухах о том, что я позорно бежал с Места Сетований, нет ни слова правды. Просто там собралось столько людей, что меня оттеснили. И я никогда не был другом квизиции. Я продавал им кое-какие свои товары,

но всегда по завышенной цене.

IX. В общем, он протолкался сквозь строй стражников, сдерживавших толпу, и встал прямо у дверей, и никто не знал, как поступить с ним, он же был архиепископом. А потом я услышал, как он сказал нечто вроде: «Я нес тебя через пустыню, верил в тебя всю свою жизнь, так сделай для меня хоть это».

X. Гм, примерно так он и выразился, если я правильно помню. Йогурта не желаешь? Со скидкой. А леденец-напалочник?

Цепляясь челюстями за стебли и подтягиваясь на мышцах шеи, Ом перелез через увитую ползучими растениями стену. Свалился с другой стороны. Цитадель ближе не стала.

Мысли Бруты горели в его сознании, словно маяк. Все люди, напрямую общающиеся с каким-нибудь богом, немного безумны, именно это безумие и управляло сейчас юношей.

— Слишком рано! — кричал Ом. — Тебе нужны сторонники! Одного тебя мало! Нужно все делать по порядку! У тебя даже учеников еще нет! Кто будет твоими апостолами?!

* * *

Симони повернулся и последний раз окинул взглядом Движущуюся Черепаху. Под панцирем скорчившись сидели тридцать человек. Настоящая машина смерти.

Стоящий внизу капрал отдал честь.

— Стрелка достигла нужного деления, сержант.

Засвистел бронзовый свисток.

Симони взялся за рулевые канаты. «Вот какой должна быть война, — подумал он. — Да, именно такой. Пара-другая таких Черепах, и с войнами будет покончено раз и навсегда».

— Разойдись! — отдал он приказ.

И потянул на себя большой рычаг.

Хрупкий металл с треском переломился.

Дайте человеку рычаг подлиннее, и он непременно перевернет мир. Только рычаги попадают все какие-то хрупкие, потому-то и нужна точка опоры.

А в самом сердце водопроводной системы храма Бедн сражался с

упрямой гайкой. Он покрепче перехватил ключ и снова надавил. Гайка упорно не поддавалась. Тогда он изменил положение и нажал посильнее.

Печально заскрипев, труба изогнулась и переломилась...

Струя воды ударила прямо ему в лицо. Он бросил ключ и попытался зажать дыру рукой, но вода все равно пробивалась сквозь пальцы и стекала по канавке к одному из грузов.

— Останови! Останови ее! — закричал он.

— Кого? — спросил Фергмен, наблюдавший за происходящим снизу.

— Воду! Воду останови!

— Но как?

— Труба не выдержала и сломалась!

— Но я думал, именно это нам и нужно.

— Еще рано!

— Ты орать-то перестань! Вокруг полно стражников, а ты тут разоряешься!

Бедн отпустил трубу, стянул с себя рясу и попытался заткнуть пробойну. Ряса моментально намокла, но еще через мгновение вылетела из трубы, шлепнулась о свинцовую плиту и, оставляя мокрый след, заскользила вниз. Остановилась она, только когда заткнула трубу, подающую воду к грузам. Вода, переливаясь через край канавки, потекла на пол.

Бедн посмотрел на груз. Тот пока не сдвинулся с места, и Бедн немного успокоился. В любой момент рясу можно будет вытащить и...

— Вы, оба... А ну ни с места!

Бедн оглянулся и оцепенел.

У разломанной решетки стоял коренастый мужчина в черной рясе, а за его спиной высился стражник, выразительно державший обнаженный меч.

— Кто вы такие? И что здесь делаете?

Бедн отреагировал почти мгновенно.

Он гневно ткнул пальцем в клапан.

— Куда вы смотрите вообще?! — воскликнул он. — У вас же тут утечка! Честно говоря, удивительно, и как тут все держится?!

Мужчина шагнул в комнату. Некоторое время он с сомнением смотрел на Бедна, потом перевел взгляд на фонтан воды, бьющий из трубы, потом снова взглянул на Бедна.

— Но ты не... — только и успел произнести он.

Услышав за спиной глухой стук, он резко обернулся. Но стражник уже валялся на полу, сраженный обломком трубы, который сжимал в руках Фергмен. Тогда инквизитор быстро развернулся обратно — и прямо в

живот ему въехал гаечный ключ Бедна. Бедн не мог похвастаться большой физической силой, но ключ был длинным, а всю остальную работу исполнил хорошо известный принцип рычага. Скорчившись, инквизитор попятился к одному из грузов.

Дальше все происходило очень медленно — так, словно время превратилось в патуку. Пытаясь сохранить равновесие, дьякон Кусьп схватился за груз. Тот, в свою очередь, когда к весу воды добавился вес массивного дьякона, медленно двинулся вниз. Кусьп попробовал схватиться выше. Груз тоже опустился ниже, почти целиком скрывшись в яме. Кусьп попытался схватиться за что-нибудь еще, но вокруг был только воздух, и дьякон свалился на медленно ползущий вниз груз.

Еще некоторое время Бедн видел его лицо, а потом груз скрылся в полумраке.

Дайте мне рычаг, и я изменю мир. Мир дьякона Кусьпа изменился. Он просто перестал существовать.

Стоящий над поверженным стражником Фергмен занес трубу для очередного удара.

— А ведь я его знаю, — ухмыльнулся он. — Сейчас ты у меня...

— Плюнь на него!

— Но...

Над их головами с грохотом пришла в действие цепная передача. Откуда-то издалека донесся скрип бронзы о бронзу.

— Пора убираться отсюда! — крикнул Бедн. — Одни боги знают, что сейчас творится наверху!

А тем временем на панцирь неподвижной Движущейся Черепахи сыпались удары.

— Проклятие! Проклятие! — орал Симони и колотил ее снова и снова. — Пошла! А ну вперед! Ты что, омнианского не понимаешь! Пошла, говорю!

Время от времени неподвижная машина выбрасывала облака дыма, но двигаться даже не думала.

Оглянувшись по сторонам, Великий Бог Ом вздохнул и полез вверх по склону невысокого холма. Делать было нечего. Оставался только один способ попасть в Цитадель.

У него — один шанс на миллион.

А Брута упорно стоял у огромных дверей, не обращая внимания на

толпу и перешептывающихся стражников. Квизиция имела право арестовать любого — но задержать архиепископа, притом пользующегося благосклонностью самого Пророка?

«Пожалуйста, дай мне хотя бы какой-нибудь знак», — билась в голове у Бруты одинокая мысль.

Двери задрожали и начали открываться.

Брута сделал шаг вперед. Он был несколько не в себе. Лишь малая частица его разума еще действовала и могла думать. «Неужели великие пророки чувствуют себя так *все время?*» — подумала эта самая частичка.

Тысячи собравшихся внутри храма людей в замешательстве стали оглядываться. Хор младших иамов оборвал свои унылые песнопения. Брута двинулся вперед по проходу. Казалось, во всем храме он был единственным человеком, действующим осмысленно.

Ворбис стоял в самом центре, под сводом купола. Навстречу Бруте кинулись было стражники, однако Ворбис тут же остановил их мягким, но решительным жестом.

Брута оглянулся по сторонам. Здесь был посох Урна, мантия Бездна и сандалии Сены. Купол поддерживали массивные статуи четырех первых пророков. Прежде он ни разу их не видел, зато слышал об этих святых каждый день начиная с самого раннего детства.

Но какой в них теперь смысл? Никакого. Когда такой человек, как Ворбис, становится пророком, все на свете теряет свой смысл. Ведь сенобиархом должен стать человек, не сумевший отыскать во внутреннем пространстве своей головы ничего, кроме собственных мыслей...

Он вдруг осознал, что жест Ворбиса не только остановил стражников, которые, впрочем, окружили Бруту, будто живая изгородь, но и создал в храме абсолютную тишину. В которой раздался голос Ворбиса:

— А, мой Брута. Мы пытались разыскать тебя, но все было тщетно. Однако ты все ж пришел...

Брута замедлил шаг. Когда он ворвался в храмовые двери, им что-то двигало — но это «нечто» безвозвратно испарилось.

Остался только Ворбис.

Улыбающийся.

«Тебе нечего сказать, — подумала та частичка Бруты, которая еще сохранила способность мыслить. — Да и никто не станет тебя слушать. На твои слова никто не обратит внимания. Ну расскажешь ты людям правду об Эфебе, о брате Мурдаке и пустыне... Но твои слова все равно не станут для них *фундаментальной истиной*».

Фундаментальная истина. Таков мир, в котором живет Ворбис.

— Что-нибудь не так? — спросил Ворбис. — Ты хочешь что-то сказать?

Черные зрачки на черных белках заслонили все остальное, затягивая, словно две пропасти.

Тут разум Бруты наконец сдался, и заработало его тело. Не замечая рванувшихся к нему стражников, он машинально вскинул руку.

Ворбис лишь улыбнулся ему и услужливо подставил под удар свою щеку.

Однако Брута успел-таки остановить уже движущуюся вперед ладонь.

— Нет, не буду, — хрипло промолвил он.

И тогда, в первый и последний раз, он увидел действительно разъяренного Ворбиса. Много раз он видел дьякона рассерженным, но тот гнев приводился в действие разумом, он включался и выключался по мере необходимости. Сейчас же на поверхность вышло нечто другое, неконтролируемое. Оно промелькнуло по лицу Ворбиса и исчезло, однако Брута успел его заметить.

А потом Бруту обхватили крепкие руки стражников. Ворбис сделал шаг вперед, похлопал юношу по плечу, заглянул ему в глаза и мягко произнес:

— Выпороть его, но смотрите, не забейте до смерти. Пусть огонь доведет дело до конца.

Один из иамов явно хотел что-то сказать, однако, увидев выражение лица Ворбиса, осекся.

— Исполняйте приказ!

Мир тишины. Ни единого звука, только свист ветра в перьях.

Отсюда мир кажется круглым блином, окаймленным полоской моря. Все видно от горизонта до горизонта. Ярко светит солнце.

Но глаза устремлены на землю, они пытаются различить знакомые формы...

...И вот, там, в полях, на границе пустыни...

...На маленьком холме...

...Двигается крошечный панцирь, оскорбительно выставленный напоказ...

Орел беззвучно сложил крылья и стрелой ринулся к земле, весь мир закружился вокруг крошечного силуэта, который стал теперь центром внимания птицы.

Ближе, ближе...

...Когти выпущены...

...Схватить...

...И вверх...

Брута открыл глаза.

Спину раздирала мучительная боль, но он уже научился отключать свои чувства.

Сейчас он лежал распластавшись на какой-то поверхности. Руки и ноги его что-то держало, очевидно кандалы. А сверху — голубое небо. Сбоку — величественный фасад храма.

Чуть повернув голову в другую сторону, он увидел безмолвную толпу. И коричневый металл железной черепахи. В нос ударил запах дыма.

Кто-то поправил кандалы на его руке. Брута поднял глаза на инквизитора. Что-то следует сказать... Ах, да.

— Черепаха Двигается? — пробормотал он.

— Только не эта, мой друг, — вздохнул инквизитор.

Мир под Омом закружился. Орел стремительно набирал высоту, необходимую для того, чтобы наверняка расколоть черепаший панцирь, а разум Великого Бога оцепенел от экзистенциального ужаса — подобный ужас испытывает всякая черепаха, из-под лапок у которой вдруг взяли и выдернули землю. Ясными оставались только мысли Бруты, паренек стоял на пороге смерти...

«Я лежу на спине, становится все жарче, и я умру...»

Осторожно, осторожно. Сосредоточься, *сосредоточься*. Он выпустит тебя в любое мгновение...

Ом вытянул тощую шею, оглядел птичье тело — вот оно, нужное место, — раздвинул головой коричневые перышки между орлиными лапами и сомкнул челюсти.

Орел изумленно мигнул. Никогда еще черепаха не поступала *так* с орлом.

В маленьком серебристом мире его разума внезапно прозвучали мысли Ома:

— Мы ведь не хотим причинять друг другу боль, верно?

Орел снова мигнул.

Воображение у орлов развито очень плохо; орлиного ума хватает ровно настолько, чтобы осознавать лишь самые простые факты. Но даже этого воображения хватило, чтобы представить, что произойдет, если выпустить из когтей тяжелую черепаху, вцепившуюся челюстями в твое самое интимное и жизненно важное место.

Из глаз его потекли слезы.

А потом в орлином сознании появилась еще одна мысль.

— Итак, давай договоримся. В противном случае, ты — меня... я — твои. Понимаешь? Очень важно, чтобы мы друг друга понимали. А сейчас я хочу, чтобы ты сделал следующее...

Орел взмыл в потоке восходящего теплого воздуха и поспешил к сверкающей вдали Цитадели.

Ни одна черепаха прежде так не поступала. Ни одна черепаха во всей множественной вселенной. Но, с другой стороны, обычным черепахам не знаком неписанный девиз квизиции, гласящий: «Cuis testiculos habes, habeas cardia et cerebellum».

«Если ты завладел их, э-э, вниманием, считай, ты завладел их душами и сердцами».

Бедн пробирался сквозь толпу, Фергмен двигался следом. В этом и преимущество и недостаток всякой гражданской войны, по крайней мере в самом ее начале, — все одеты одинаково. Куда проще узнавать врагов, одетых в одежду другого цвета или говорящих с каким-нибудь смешным акцентом. Их даже можно называть «косоглазыми» или еще как-нибудь. Очень упрощает жизнь.

«Эй, — внезапно подумал Бедн. — Это же почти философская мысль. Жаль только, я не доживу, чтобы поведать ее хоть кому-нибудь».

Большие храмовые двери были приоткрыты. Толпа безмолвствовала и напряженно внимала. Он вытянул шею, пытаясь разглядеть, что происходит, но потом вдруг заметил стоявшего рядом легионера.

Это был Симони.

— Но я думал...

— Она не работает, — с горечью в голосе произнес Симони

— А ты?..

— Мы все сделали правильно! Что-то сломалось!

— Скорее всего, виновата местная сталь, — нахмурился Бедн. — Много мелких деталей и...

— Теперь это уже без разницы, — махнул рукой Симони.

Его вялый голос заставил Бедна посмотреть туда, куда смотрела вся толпа.

Он увидел еще одну железную черепаху — точный макет, установленный над решеткой из железных прутьев, на которой пара инквизиторов разводила огонь. А к спине черепахи был прикован...

— Кто это?

— Брута.

— Что?!

— Я понятия не имею, что произошло. Он ударил Ворбиса... Или не ударил. Или сказал ему что-то. В общем, привел того в бешенство. Ворбис немедленно остановил церемонию и...

Бедн бросил взгляд в сторону храма. Бритый череп дьякона ярко блестел на солнце, выделяясь среди грив и бород церковных иерархов, что толпились в замешательстве в храмовых дверях.

— Надо срочно что-то предпринять, — решительно промолвил Бедн.

— Но что?

— Можно взять штурмом лестницу и спасти его.

— Их значительно больше, чем нас, — возразил Симони.

— А когда их было меньше? Не могло же их число словно по волшебству увеличиться?

Симони взял его за руку.

— Ты ведь философ, верно? — спросил он. — Вот и размышляй логически. Посмотри на людей!

Бедн оглядел толпу.

— Ну и что?

— Происходящее не нравится им, — объяснил Симони. — Послушай, Брута в любом случае умрет. Но если он умрет вот так, как сейчас, это будет иметь очень важное значение. Люди могут не понимать, действительно не понимать, форму вселенной и всякие прочие премудрости, но они будут помнить, что Ворбис сделал с живым человеком. Согласен? Неужели ты не осознаешь, что смерть Бруты станет символом? Мы получим его наконец — тот символ, в котором так нуждаемся!

Бедн смотрел на такого далекого Бруту. С паренька сорвали всю одежду, кроме набедренной повязки.

— Символ, значит? — переспросил он. В горле у него резко пересохло.

— Он просто обязан им стать.

Дидактилос как-то назвал этот мир очень забавным местом. Он был прав... Человека намереваются живьем зажарить, но ради соблюдения приличий оставляют ему набедренную повязку. В таком мире, если не смеяться, можно сойти с ума.

— Да, — кивнул Бедн, повернувшись к Симони. — Теперь я точно уверился, что Ворбис — это зло. Он сжег мой город. Цортцы иногда тоже так поступали, а мы в ответ сжигали их города. Это была самая обычная война. Часть истории. Он врет, обманывает, рвется к власти и делает это

только ради себя. Но так поступают многие. А в Ворбисе... Знаешь, что в нем самое страшное?

— Конечно, — ответил Симони. — Это то, что он делает с...

— Самое страшное — это то, что он делает с *тобой*.

— Как это?

— Он превращает других людей в свои копии.

Симони сжал его руку словно тисками.

— Ты говоришь, что я похож на *него*!

— Ты как-то сказал, что с готовностью убьешь его, — напомнил Бедн. — А теперь ты даже стал думать, как он...

— Значит, штурм, говоришь? — хмыкнул Симони. — Ну, на нашей стороне человек четыреста. И так, я подаю знак, и несколько сотен атакуют несколько тысяч? Он умрет, умрет в любом случае, и мы тоже умрем! Но ради чего?

Лицо Бедна посерело от ужаса.

— И ты не знаешь?!

На них уже стали коситься.

— Ты действительно не знаешь?! — воскликнул он.

* * *

Небо было голубым. Солнце еще недостаточно поднялось, чтобы превратить небеса в привычную для Омнии медную чашу.

Брута повернул голову в сторону небесного светила. Оно парило над горизонтом, но, если верить теории Дидактилосо касательно скорости света, на самом деле оно уже клонилось к закату.

На солнце напозла круглая голова Ворбиса.

— Что, жарковато, а, Брута? — поинтересовался он.

— Тепло.

— Скоро будет еще теплее.

В толпе возникли какие-то беспорядки. Раздались крики. Ворбис не обратил на них внимания.

— Ты ничего не хочешь сказать? — спросил он. — Неужели ты даже не способен кинуть мне в лицо какое-нибудь проклятие?

— Ты никогда не слышал Ома, — прошептал Брута. — И никогда не верил. Ты никогда, никогда не слышал его голоса. Это было обычное эхо, гуляющее в твоей голове.

— Правда? Но я — сенобиарх, а ты будешь сожжен за предательство и

ересь. Ну и что, помог тебе твой Ом?

— Справедливость восторжествует, — сказал Брута. — Если нет справедливости, значит, нет ничего.

Он вдруг услышал слабый голосок — слишком слабый, чтобы можно было разобрать слова.

— Справедливость? — переспросил Ворбис. Мысль о справедливости, казалось, привела его в бешенство. Он повернулся к толпе епископов. — Вы его слышали? Он говорит, что справедливость восторжествует! Но Ом уже вынес решение! Через меня! Вот она, справедливость!

На солнце появилась точка, которая становилась все больше, быстро приближаясь к Цитадели. «Левее, левее, выше, выше, левее, правее, немного левее...» — приказывал чей-то голосок. Металл под Брутой становился все горячее.

— Он идет, — промолвил Брута.

Ворбис махнул рукой в сторону величественного фасада храма.

— Вот это построили люди, — сказал он. — Мы его построили. А что сделал Ом? Идет, говоришь? Пусть приходит! Пускай рассудит нас!

— Он идет, — повторил Брута. — Бог идет.

Люди со страхом посмотрели вверх. На какой-то краткий миг весь мир затаил дыхание и стал ждать, несмотря на весь накопленный опыт, какого-нибудь чуда.

«Чуть левее и выше, на счет три. Раз, два, ТРИ...»

— Ворбис, — прохрипел Брута.

— Что? — рявкнул дьякон.

— Сейчас ты умрешь.

Это было сказано шепотом, но слова отразились от бронзовых дверей и разнеслись по всему Месту Сетований...

Люди взволновались, сами не зная почему.

Орел пронесся над площадью так низко, что кое-кто вынужден был пригнуться. Затем птица скользнула над крышей храма и улетела в сторону гор. Люди успокоились. Это был всего лишь орел. Хотя на мгновение, всего на одно мгновение всем показалось...

Никто и не заметил падающее на землю крошечное пятнышко.

Чем верить в каких-то богов, лучше верьте в черепах. Они куда реальнее.

Свист ветра в сознании Бруты, и голос...

— вотгадствогадствогадствопомогитенетнеттольконетнетгадств

Даже Ворбис затаил дыхание. На секунду, когда он увидел орла, ему было показалось, но нет...

Он поднял руки и блаженно улыбнулся небу.

— Мне очень жаль... — сказал Брута.

Один или двое человек, внимательно наблюдавших за Ворбисом, потом рассказывали, что времени хватило ровно на то, чтобы изменилось выражение его лица, прежде чем два фунта черепахи, несущейся со скоростью три метра в секунду, ударили его точно промеж глаз.

Это было настоящее откровение.

И оно не прошло бесследно для собравшихся на площади людей. Для начала, они тут же всем сердцем уверовали.

Брута услышал топот ног по лестнице, почувствовал, как чьи-то руки рвут цепи.

А потом услышал голос:

I. Он Мой.

Великий Бог воспарил над Великим Храмом, разрастаясь и меняя форму, — это вера тысяч и тысяч людей мощным потоком хлынула в него. Появлялись люди с орлиными головами, быки с золотыми рогами, но все они переплетались друг с другом и тут же сгорали.

Четыре молнии ударили из облака и разорвали оковы Бруты.

II. Он — Сенобиарх И Пророк Пророков.

Голос богоявления отразился от далеких гор и вернулся мощным эхом.

III. Возражения Есть? Нет? Отлично.

Облако тем временем превратилось в сверкающую золотую фигуру высотой с храм. Затем фигура начала наклоняться, пока лицо ее не оказалось всего в футах от Бруты, и прошептала так, что шепот громом разнесся по всей площади.

IV. Не Волнуйся. Это Только Начало. Ты И Я, Парень, Ты И Я! Эти Людишки Еще Узнают, Что Такое Мольбы И Скрежет Зубовный.

Еще одна молния ударила в двери Великого Храма. Они с треском захлопнулись, а потом раскаленная добела бронза расплавилась и потекла вниз, стирая вековые заповеди.

V. Ну, Пророк?

Брута с трудом поднялся. С одной стороны его поддерживал Бедн, а с другой — Симони.

— М-м? — неуверенно произнес он.

VI. Каковы Твои Заповеди?

— По-моему, заповеди должен даровать именно ты, — произнес Брута. — Я даже придумать ничего не могу...

Мир, затаив дыхание, ждал.

— Как насчет «Думай Своей Головой?» — предложил Бедн, с изумлением и ужасом глядя на олицетворение бога.

— Нет, — возразил Симони. — Попробуй что-нибудь навроде: «Сплоченность Общества — Ключ К Прогрессу».

— Как-то чересчур напыщенно, тебе не кажется? — заметил Бедн.

— Может, я могу помочь, — раздался из толпы голос Себе-Рублю-Руку Достаба. — По-моему, все с радостью восприняли бы что-нибудь о льготах для производителей пищевых полуфабрикатов.

— Чтоб людей не убивали. Нам это не помешало бы! — выкрикнул кто-то еще.

— Неплохое начало, — согласился Бедн.

Народ не сводил с Избранного глаз. Брута вырвался из поддерживающих рук и, покачиваясь, встал перед толпой.

— Не-е-е-т, — сказал Брута. — Нет. Я раньше тоже так думал, но это не годится. Точно не годится.

«Сейчас, — подумал он. — Сейчас, иначе... Единственный подходящий момент в истории. Завтра будет поздно, и в следующем месяце тоже будет поздно. Либо сейчас, либо никогда».

Все смотрели на него.

— Говори, — сказал Симони. — Чем тебе это не нравится? По-моему, эту заповедь сложно оспорить.

— Я не могу объяснить... — промолвил Брута. — Думаю, главное — это то, как ведут себя люди. Я считаю... нужно всегда поступать так, как правильно, а не так, как велят боги. В следующий раз боги могут сказать что-нибудь другое.

VII. А Мне Понравилась Заповедь О Том, Что Убивать Нельзя, — сказал Ом сверху.

VIII. Звучит Совсем Неплохо. Поторопись же. Мне Уже Пора Кого-Нибудь Сокрушить.

— Вот видишь? — покачал головой Брута. — Нет, никого сокрушать не надо. Ты тоже должен следовать заповедям.

Ом ударил по крыше храма.

IX. Ты Мне Приказываешь? Здесь? СЕЙЧАС? МНЕ?

— Не приказываю. Прошу.

X. Это Еще Хуже, Чем Приказывать!

— Исключений быть не должно.

Ом снова ударил по храму. Рухнула одна из стен. Часть толпы, еще не успевшая удрать с Места Сетований, удвоила свои усилия.

XI. Должно Быть Наказание! Иначе Не Будет Порядка!

— Нет.

XII. Ты Мне Не Нужен! Теперь У Меня Достаточно Верующих!

— Но ты получил их благодаря мне. И, возможно, не надолго. Все повторится. Так раньше случалось. Так случается постоянно. Именно поэтому умирают боги. Они не верят в людей. Но у тебя есть шанс. Тебе нужно только... верить.

XIII. Что? Выслушивать Глупые Молитвы? Заботиться О Сопливых Детях? Вызывать Дождь?

— Иногда. Не всегда. Можно поторговаться.

XIV. ТОРГОВАТЬСЯ?! Я Не Торгуюсь! Только Не С Людьми!

— А сейчас поторгуйся, — предложил Брута. — Пока у тебя есть шанс. Или настанет день, и тебе придется торговаться с Симони или с кем-нибудь, похожим на него. Или с Бедном, или с кем-нибудь, похожим на него.

XV. Я Могу Тебя Уничтожить.

— Да, я полностью в твоей власти.

XVI. Я Могу Раздавить Тебя, Как Яйцо.

— Да.

Ом помолчал.

А потом он сказал:

XVII. Ты Не Можешь Использовать Слабость Как Оружие.

— Ничего другого у меня нет.

XVIII. Тогда Почему Я Должен Уступать?

— Не уступать, а поторговаться. Заключи со мной сделку с позиции силы. Иначе настанет день, когда тебе придется торговаться с позиции слабости. Мир склонен к переменам.

XIX. Ха! Тебе Нужна Конституционная Религия?

— Почему нет? Другая ведь не сработала.

Ом прислонился к храму, его гнев постепенно стихал.

Глава II, стих I. Очень хорошо. Но только на время. — Туманное лицо расплылось в ухмылке. — Скажем, Лет На Сто, Да?

— А что будет после?

II. Посмотрим.

— Согласен.

Палец длиной с дерево распрямился, опустился и дотронулся до Бруты.

III. Ты Обладаешь Даром Убеждения. Он Тебе Пригодится. Флот Уже Рядом.

— Эфебский? — спросил Симони.

IV. И Цортский. И Джелибейбский. И Клатчский. Флоты Всех Свободных Стран Побережья. Чтобы Уничтожить Омнию Во Имя Добра. Или Зла.

— У вас не слишком много друзей, — хмыкнул Бедн.

— Даже мне *мы* не слишком нравимся, а я сам из *нас*, — пожал плечами Симони и посмотрел на бога. — Ты нам поможешь?

V. Но Ты Даже Не Веришь В Меня!

— Не верю, но я практичный человек.

VI. И Храбрый. Объявить О Приверженности Атеизму Перед Лицом Самого Господа...

— Знаешь, от этого ведь ничего не изменится, — ответил Симони. — Не надейся, что тебе удастся убедить меня только тем, что ты существуешь!

— Не надо нам никакой помощи, — твердо заявил Брута.

— Что? — не понял Симони. — Чтобы победить, нам потребуется сильная армия!

— Верно. И у нас ее нет. Значит, придется пойти другим путем.

— Ты чокнулся.

— Возможно, ты прав.

— Мы должны сражаться!

— Не сейчас.

Симони в ярости сжал кулаки:

— Но... Просто *выслушай*... Мы умирали ради лжи, многие века мы умирали ради лжи. — Он махнул рукой в сторону бога. — А теперь у нас есть правда, ради которой стоит умереть!

— Нет. Люди должны умирать ради лжи. Правда слишком драгоценна, чтобы ради нее умирать.

Симони открывал и закрывал рот, подыскивая нужные слова. Наконец, он отыскал их, почерпнул из начального образования.

— Мне всегда говорили: умереть во имя бога — это самое прекрасное, что может сделать человек в своей жизни, — пробормотал он.

— Так говорил Ворбис. А он был... дураком. Ты можешь умереть во имя страны, за свой народ, за свою семью, а во имя бога ты должен жить полной жизнью до окончания дней своих.

— И как долго они продлятся?

— Посмотрим.

Брута посмотрел на Ома.

— Ты ведь больше не предстанешь перед нами в таком виде?

Глава III, стих I. Нет. Одного Раза Вполне Достаточно.

— Помни о пустыне.

II. Я Буду Помнить.

— Пойдем-ка со мной.

Брута подошел к телу Ворбиса и поднял его.

— Я думаю, — сказал он, — они высадутся на берег со стороны Эфеба. Каменистый берег им не подходит, а утесы — тем более. Я встречу их там. — Он опустил взгляд на Ворбиса. — Кто-то должен пойти им навстречу.

— И ты собираешься идти один?

— Десяти тысяч точно не хватит, а вот один человек вполне может справиться.

Он спустился по лестнице.

Бедн и Симони смотрели ему вслед.

— Он погибнет, — покачал головой Симони. — От него не останется и мокрого места на песке. — Он повернулся к Ому. — Ты можешь его остановить?

III. Вполне Возможно, Это Выше Моих Сил.

Брута дошел уже до середины Места Сетований.

— Мы его не бросим, — сказал Симони.

IV. Хорошо.

Ом проводил их взглядом. А потом остался один, если не считать тысяч людей, толпившихся по краям огромной площади. Он не знал, что сказать им. Именно поэтому ему были нужны такие люди, как Брута. Именно поэтому всем богам нужны такие люди, как Брута.

— Э-э, прошу прощения...

Бог опустил глаза.

V. Да?

— Гм, вряд ли ты у меня что-то купишь, но...

VI. Назови Свое Имя.

— Достаб, о Господи.

Торговец нерешительно переступал с ноги на ногу.

— Можно попросить тебя об одной маленькой заповеди? В которой бы говорилось, к примеру, о том, что по средам все обязаны есть йогурт? Знаешь, в середине недели йогурт так плохо идет.

VIII. Ты Предстал Перед Самим Богом, А Все, О Чем Ты Думаешь, — Это О Своей Мелкой Выгоде?

— Ну-у, — задумчиво промолвил Достаб, — мы могли бы договориться. Куй железо, пока горячо, как говорят инквизиторы. Ха-ха! Двадцать процентов. Что скажешь? За вычетом накладных расходов, конечно...

Великий Бог Ом улыбнулся.

IX. Думаю, Из Тебя Получится Неплохой Мелкий Пророк, Достаб.

— Конечно, конечно. Именно это мне и нужно. Просто пытаюсь свести концы с концами.

X. Черепах Трогать Нельзя.

Достаб наклонил голову.

— М-м, да ладно, — наконец кивнул он. — Но... ожерелья из черепахового панциря... гм-м... броши, конечно. Черепаховые...

XI. НЕТ!

— Понял, понял. Все понял. Отлично. Тогда черепашки статуэтки. Фигурки всякие. Да-а. Знаешь, я уже думал о них. Отличная форма. Кстати, а ты не мог бы заставить их раскачиваться, когда нужно? Очень полезно для бизнеса. Статуя Урна каждый раз, когда наступает пост, начинает раскачиваться, представляешь? Говорят, в ее постаменте какой-то поршень вделан. Тем не менее очень способствует популяризации пророков.

XII. Ты Меня Рассмешил, Мелкий Пророк. Можешь Продавать Своих Черепах Где Угодно.

— Честно говоря, — продолжал Достаб, — я тут набросал несколько эскизов, рассчитал приблизительную стоимость...

Ом исчез. С небольшим раскатом грома. Достаб задумчиво посмотрел на свои эскизы.

— Хотя, конечно, стоимость можно поставить и повыше, — закончил он мысль, скорее для себя самого.

Тень Ворбиса огляделась.

— А, пустыня, — констатировал он.

Черный песок под усеянным звездами небом был абсолютно неподвижным и выглядел необычайно холодным.

Ворбис не планировал умереть так быстро. На самом деле... он даже не помнил, как умер...

— Пустыня, — повторил он, на сей раз несколько неуверенно.

Никогда в своей... жизни он не чувствовал неуверенности. Чувство это было неизведанным и пугающим. Неужели обычные люди часто испытывают его?

Он взял себя в руки.

Смерть был потрясен. Очень немногим удавалось сохранить после смерти старое мышление.

Удовольствия от своей работы Смерть не получал. Он вообще не понимал, что такое удовольствие. Но есть такая штука, как удовлетворение.

— Так, — сказал Ворбис, — пустыня. А что потом?

— СУДИЛИЩЕ.

— Ну да, конечно.

Ворбис попытался сосредоточиться и не смог. Он чувствовал, как уверенность куда-то уходит. А она не оставляла его никогда.

Он медлил, как человек на пороге знакомой комнаты, открывший дверь и не обнаруживший за ней ничего, кроме бездонной пропасти. Воспоминания еще были живы. Он чувствовал их. И форма их была правильной. Просто он не мог вспомнить, какими они были. А еще был голос... Конечно, но был ли он? Он мог вспомнить только звук собственных мыслей, эхом отражающийся в его голове.

А сейчас ему предстояло перейти через пустыню. Что в этом страшного?..

Пустыня — это то, во что ты веришь.

Ворбис всмотрелся вглубь себя.

И смотрел еще долго.

Пока не опустился на колени.

— Я ВИЖУ, ТЫ ЗАНЯТ, — промолвил Смерть.

— Не покидай меня! Здесь так *пусто*!

Смерть окинул взглядом бескрайнюю пустыню. Потом щелкнул пальцами, и к нему прискакала белая лошадь.

— Я ВИЖУ ТЫСЯЧИ ЛЮДЕЙ, — сказал он, запрыгивая в седло.

— Но где? Где?

— ОНИ ЗДЕСЬ. РЯДОМ С ТОБОЙ.

— Я никого не вижу!

Смерть подобрал поводья.

— И ТЕМ НЕ МЕНЕЕ, — пожал плечами он.

Лошадь двинулась вперед.

— Я не понимаю! — закричал Ворбис.

Смерть остановился.

— ВОЗМОЖНО, ТЫ УЖЕ СЛЫШАЛ ЭТУ ФРАЗУ, — задумчиво проговорил он. — АД — ЭТО ДРУГИЕ ЛЮДИ.

— Да, конечно.

Смерть кивнул.

— СО ВРЕМЕНЕМ, — сказал он, — ТЫ ПОЙМЕШЬ, ЧТО ЭТО НЕПРАВДА.

Первые корабли подошли к мелководью, и солдаты горохом посыпались из них, погружаясь в волны по шею.

Никто так и не понял, кто именно командует флотом. Большинство прибрежных стран ненавидели друг друга не по каким-то личным причинам, а на исторической основе. С другой стороны, если разобраться, нужно ли какое-то командование? Все и так знали, где находится Омния. Страны, пославшие свои флоты, ненавидели Омнию больше, чем других своих соседей. Теперь возникла необходимость того, чтобы... она перестала существовать.

Генерал Аргависти Эфебский считал себя главнокомандующим, потому что он мстил за нападение на Эфеб, хотя кораблей у него было мало. Зато император Борворий Цортский точно знал, что командует он, потому что у него было больше кораблей. В то время как адмирал Рам-ап-Эфан Джелибейбский тоже считал себя главнокомандующим, потому что был человеком, который всегда считал себя командующим чего-либо. Единственным капитаном, который не считал себя главнокомандующим флота, был Прыт Бендж, рыбак из племени болотных кочевников, о существовании которых другие страны даже не подозревали, — лодка Бенджа просто оказалась на пути флота и была вынуждена пойти вместе со всеми. В связи с тем, что его племя свято верило в то, что во всем мире живет лишь пятьдесят один человек, поклонялось гигантскому тритону, разговаривало на совершенно непонятном для других языке и никогда не видело металла или огня, капитан большую часть времени пребывал с озадаченной улыбкой на лице.

Когда суда наконец достигли берега, каменистого и неприветливого, а не покрытого илом и не заросшего тростником, каким пристало быть настоящему берегу, капитан Прыт Бендж вытащил свою тростниковую лодку на гальку и присел рядом, заинтересованно следя за тем, что же будут делать эти типы в шляпах с перьями и блестящих кольчугах.

Генерал Аргависти осмотрел берег.

— Нас не могли не заметить, — заявил он. — Почему же в таком случае нам позволили занять столь выгодный плацдарм?

Барханы окутывала легкая дымка. На берегу появилась точка, которая то увеличивалась, то сокращалась в мерцающем свете.

Солдаты хлынули на берег.

Генерал Аргависти заслонил от солнца глаза.

— Этот парень просто стоит там, — спустя некоторое время констатировал он.

— Возможно, он шпион, — предположил Борворий.

— Ерунда. Как он может быть шпионом в собственной стране? — возразил Аргависти. — Кроме того, будь он шпионом, он бы попытался к

нам подкрасться. Шпионы обычно крадутся — так их и определяют.

Фигура продолжала стоять у подножия бархана. Что-то странное было в ней. Аргависти встречался со многими неприятельскими армиями и знал, что нормально, а что — нет. Одинокая фигурка на неприятельском берегу — это абсолютно ненормально. Он вдруг понял, что не может отвести от нее глаз.

— У него что-то в руках, — сказал наконец Аргависти. — Сержант? Пойдите и приведите этого человека сюда.

Спустя несколько минут сержант вернулся.

— Он сказал, что встретится с вами на берегу, сэр.

— Я разве не приказывал привести его сюда?

— Он отказался идти, сэр.

— У тебя что, меча с собой не было?

— Был, сэр. Я его даже немного потыкал, но он все равно не пожелал сдвинуться с места, сэр. Кстати, у него мертвое тело, сэр.

— На поле боя? С каких это пор на поле боя разрешается приносить свои трупы?

— Кстати... сэр...

— Что?

— Он говорит, что, вероятно, является местным сенобиархом. И хочет обсудить условия мирного договора.

— Правда? Мирного договора? Знаем мы, какие у Омнии мирные договоры. Передай ему... нет. Возьми пару солдат и притащи его сюда.

Брута шел между солдатами через организованный беспорядок военного лагеря. «По идее, я должен испытывать страх, — говорил он себе. — В Цитадели я боялся всего. А сейчас — нет. Я уже пережил страх, оставил его позади».

Периодически солдаты подталкивали его. Противнику не позволялось свободно идти по лагерю, даже если он сам сюда пришел.

Его подвели к раскладному столу, за которым сидели крупные мужчины в военной форме различных стилей и еще какой-то человек с кожей оливкового цвета, потрошивший рыбу и с надеждой смотревший на всех.

— Итак, — сказал Аргависти, — ты — сенобиарх Омнии?

Брута бросил тело Ворбиса на песок. Глаза всех присутствующих опустились.

— Я его знаю, — сказал Борворий. — Это же Ворбис! Наконец-то его убили. И перестань предлагать мне рыбу. Кто-нибудь знает этого человека? — указал он на Прыта Бенджа.

— Его убила черепаха, — сказал Брута.

— Правда? Не удивлен. Никогда не доверял этим мерзким созданиям, вечно ползают повсюду. Послушай, я же сказал, не хочу я твоей рыбы! Он — не из моих людей, это я точно знаю. Может, из ваших?

Аргависти раздраженно махнул рукой.

— Кто тебя послал, мальчик?

— Никто. Я сам пришел. Но можно сказать, что я пришел из будущего.

— Ты — философ? А где тогда твои губка и мочалка?

— Вы пришли, чтобы объявить войну Омнии. Я не считаю это разумным.

— С точки зрения Омнии, разумеется.

— С любой точки зрения. Скорее всего, вы нас победите. Но не всех. А что вы будете делать потом? Оставьте тут гарнизон? Навсегда? Следующее поколение будет мстить. Его будет мало интересовать, почему вы так поступили. Вы превратитесь в угнетателей. И они будут сражаться. Возможно даже, одержат победу. После чего начнется другая война. А когда-нибудь много позже люди будут недоуменно вопрошать друг у друга: «И почему они тогда не договорились? Там, на берегу, прежде чем все это началось. Прежде чем погибло столько людей». Сейчас у нас есть шанс. По-моему, нам очень повезло.

Некоторое время Аргависти молча смотрел на него, а потом ткнул локтем Борвория.

— О чем это он?

Борворий, которому мыслительный процесс давался лучше, чем прочим главнокомандующим, спросил:

— Ты говоришь о капитуляции?

— Да.

Аргависти взорвался.

— Ты не можешь так поступать!

— Кто-то из нас должен сдаться. Прошу, выслушайте меня. Ворбис мертв. Он заплатил сполна.

— Нет, не сполна. А ваши солдаты? Они пытались разграбить наш город!

— Ваши солдаты подчиняются приказам?

— Несомненно!

— И если ты им прикажешь, они убьют меня на месте, не раздумывая?

— Не сомневаюсь в этом!

— Но я же безоружен.

Неловкая пауза на палящем солнце.

— Когда я приказываю, они подчиняются и... — начал было Аргависти.

— Нас послали сюда не для переговоров, — резко произнес Борворий. — Смерть Ворбиса ничего не меняет — в фундаментальном смысле. Мы пришли сюда, чтобы Омния перестала представлять угрозу нашим странам.

— Она уже ее не представляет. Мы пошлем материалы и людей для восстановления Эфеба. И золото, если хотите. Мы сократим армию. И так далее. Считайте нас побежденными. Мы даже откроем Омнию для других религий, если кто-нибудь захочет построить тут храмы.

Громовой голос эхом отозвался в голове у Бруты. Словно человек за твоей спиной сказал вдруг: «Бей красную даму черным королем», а ты-то считал, что играешь самостоятельно...

I. Что?

— Это будет способствовать... конкуренции, — сказал Брута.

II. Другие Боги? Здесь?

— Побережье станет зоной свободной торговли. Я хочу, чтобы Омния заняла достойное место среди дружественных стран.

III. Я слышал, Ты Упомянул Других Богов.

— Ее место на дне моря, — сказал Борворий.

IV. А Нельзя Ли Вернуться К Вопросу О Других Богах?

— Прошу меня извинить, — бодро произнес Брута. — Мне надо помолиться.

Даже Аргависти не стал возражать против этого. У сумасшедших есть свои преимущества, как у святого Когтея, молившегося всем, кто соглашается его выслушивать. Люди побаивались мешать тебе, резонно опасаясь, что могут сделать только хуже.

— Да? — едва слышно спросил Брута.

V. Как Мне Кажется, Вопрос О Поклонении В Омнии Другим Богам Еще Не Обсуждался?

— Но тебе же будет лучше! — воскликнул Брута. — Люди скоро поймут, что другие боги — ничто по сравнению с тобой, верно? — вкрадчиво осведомился он и скрестил пальцы за спиной.

VI. Это — Религия, Мальчик, А Не Контрольная Закупка! Ты Не Должен Подвергать Своего Бога Испытанию Рыночными Законами!

— Прости меня. Я понимаю, тебя беспокоит появление новых божеств...

VII. Меня? Беспокоит? Эта Толпа Постоянно Прихорашивающихся Девочек и Накаченных Мужиков С Курчавыми Бородами?

— Отлично. Значит, договорились?

VIII. Да Они По Сравнению Со Мною... Что?

— А сейчас мне пора вернуться к этим людям.

Его внимание привлекло какое-то движение в барханах.

— О нет! — простонал он. — Идиоты...

Он развернулся и быстро, со всех ног, кинулся к главнокомандующим.

— Нет! — отчаянно кричал он. — Это совсем не то, что вы думаете.

Выслушайте меня! Умоляю, *выслушайте!*

Но солдаты уже увидели армию.

Она выглядела внушительной, быть может, более внушительной, чем была на самом деле. Когда люди узнают, что к берегу причалил огромный флот с явным намерением заняться серьезным мародерством и грабежом, а потом еще эти вражеские солдаты — они, конечно, из цивилизованных стран, но все-таки — начнут привлекать местных девушек посвистыванием и всякими неприличными жестами, производить на них впечатление сверкающими доспехами и всякими потребительскими товарами, ну, не знаю, бронзовыми зеркальцами, что ли, при виде которых женщины обычно теряют голову, иногда даже можно подумать, что с местными парнями не все в порядке... В общем, при виде вражеской армии люди либо убегают в горы, либо хватают какой-нибудь предмет, которым удобнее всего размахивать, велят бабушкам спрятать семейные драгоценности в комод и готовятся к сражению.

Во главе армии катилась железная тележка. Из трубы ее валил пар. Бедну, видимо, удалось-таки починить ее.

— Глупцы! Глупцы, — закричал Брута всему миру и побежал дальше.

Солдаты уже успели перестроиться в боевой порядок, и их командующий, кем бы он ни был, весьма удивился, увидев, как его армию атакует один-единственный человек.

Борворий поймал Бруту, когда он уже подбегал к оцетинившемуся копыями строю.

— Понятно, — хмыкнул он. — Ты занимал нас разговорами, выигрывая своей армии время.

— Нет! Я не хотел этого!

Борворий прищурился. Он не смог бы пережить многочисленные войны, если бы был таким уж глупцом.

— Возможно, ты и в самом деле не хотел этого, — кивнул он. — Но это уже неважно. Послушай меня, мой невинный маленький жрец. Иногда война неизбежна. Словами уже ничего не решишь. Есть... другие силы. А теперь... возвращайся к своим людям. Возможно, мы оба будем живы,

когда вся эта мясорубка закончится, вот тогда и поговорим. Сначала сражение, а все разговоры — потом. Вот как бывает, мальчик. Это — история. А теперь уходи.

Брута отвернулся.

I. Хочешь, Я Их Сражу?

— Нет!

II. Я Могу Превратить Их В Пыль. Только Скажи.

— Нет, это еще хуже войны.

III. Но Ты Говорил, Что Бог Должен Защищать Свой Народ.

— Что с нами будет, после того как я велю тебе сокрушить честных, невинных людей?

IV. Мы Выживем?

— Нет, не делай этого.

Омниане собирались на барханах. Многие толпились вокруг бронированной тележки. Брута смотрел на нее сквозь пелену отчаяния.

— Разве я не говорил вам, что пойду один?

Симони, который стоял, прислонившись к борту Движущейся Черепахи, мрачно усмехнулся.

— Ну и чего ты тут добился?

— Пока... ничего.

— Я так и знал. Жаль, что тебе самому пришлось убедиться в этом. Некоторые события сами хотят случиться, понимаешь? Иногда люди хотят встретиться с противником лицом к лицу... вот и все.

— Но если б эти люди только...

— Такой заповеди нет.

Что-то звякнуло, открылась боковая пластина, и из отверстия задом наперед вылез Бедн с гаечным ключом в руке.

— Что это такое? — поинтересовался Брута.

— Машина для сражений, — пояснил Симони. — Черепаха Двигается, помнишь?

— Для сражений с эфебами? — спросил Брута.

Бедн быстро повернулся.

— Что?

— Ты создал эту... штуку... чтобы сражаться с эфебами?

— Нет... конечно нет. — Бедн был явно смущен. — А мы сражаемся с эфебами?

— Все до единого, — подтвердил Симони.

— Но я никогда... Я же сам... Я...

Брута окинул взглядом шипастые колеса и острые, зазубренные

кромки панциря Черепахи.

— Это устройство передвигается само, — забормотал Бедн. — Мы собирались использовать его для... Ну, то есть я никогда не хотел...

— Но сейчас нам очень нужна твоя Черепаха, — перебил его Симони.

— Кому это нам?

— Слушай, а тот длинный носик спереди — что это из него вырывается? — спросил Брута.

— Пар, — с тупым видом ответил Бедн. — Выходящий через предохранительный клапан.

— О.

— Он очень горячий, — продолжил Бедн, совсем упав духом.

— О?

— Честно говоря, может сильно обжечь.

Брута перевел взгляд с паровой трубы на вращающиеся лезвия.

— Очень философская конструкция, — заметил он.

— Мы собирались использовать ее против Ворбиса, — попытался оправдаться Бедн.

— А теперь она будет использована против эфебов. Знаешь, а я думал, это я тупой — пока не встретил философов.

Симони нарушил воцарившееся молчание, похлопав Бруту по плечу.

— Все у нас получится, — промолвил он. — Мы не можем проиграть. В конце концов, — он обнадеживающе улыбнулся, — на *нашей* стороне сам Господь.

Брута резко повернулся. Удар кулаком не был очень искусным, но заставил Симони крутануться на месте и схватиться за подбородок.

— За что? — спросил он. — Ты же сам этого хотел!

— Каждый получает тех богов, каких заслуживает. Но сейчас мне кажется, что мы не заслуживаем никаких. Глупцы. Глупцы. Наиболее разумный человек из всех, встреченных мной в этом году, живет на столбе в пустыне. Глупцы... Думаю, мне стоит к нему присоединиться.

I. Почему?

— Боги и люди, люди и боги, — продолжал Брута. — Все происходит так лишь потому, что так происходило раньше. Как глупо.

II. Но Ты Же Избранный.

— Избери кого-нибудь другого.

Брута принялся проталкиваться сквозь ряды наспех собранной армии. Никто даже не попытался остановить его. Не оглядываясь, он двинулся к тропинке, которая вела в горы.

— Ты что, не собираешься проследить за ходом сражения? Кто-то же

должен увидеть всю картину со стороны.

Дидактилос сидел на камне, скрестив ладони на трости.

— Привет, — кивнул ему Брута. — Добро пожаловать в Омнию.

— Относись ко всему философски, — посоветовал Дидактилос. — Будет гораздо легче, вот увидишь.

— Но это сражение ничем не оправдано!

— Ошибаешься. Оправдано — честью, мезтью и долгом, всем прочим.

— Ты действительно так считаешь? Я полагал, что философы являются сторонниками логического мышления.

Дидактилос пожал плечами:

— Лично мне кажется, что за этой самой логикой многие люди прячут элементарное невежество.

— Я думал, со смертью Ворбиса все закончится...

Дидактилос погрузился в свой внутренний мир.

— Такие люди, как Ворбис, умирают очень долго. Эхо от них разносится по всей истории.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду.

— Как паровая машина Бедна? — осведомился Дидактилос.

— По-моему, он несколько разочаровался в ней.

— Ха! Хотя что-то он понял. Сила действия равна силе противодействия!

— Все так и есть.

* * *

Нечто, похожее на золотистую комету, пронеслось по небу Плоского мира. Ом парил орлом, наполненный свежестью и *силой* веры. По крайней мере, пока. Такая горячая, отчаянная вера длится очень недолго. Человеческий разум не способен ее поддерживать. Но пока она сохранялась, он был *силен*.

Центральный пик Кори Челести высоко возвышался над прочими горами — десять вертикальных миль зеленого льда и снега, а вершину его венчали башни и купола Дунманифестина.

Здесь жили боги Плоского мира.

По крайней мере, те, кто хоть что-то из себя представлял. Долгие годы уходили на то, чтобы добиться чести попасть сюда. Беспрестанные интриги, тяжкий труд... Однако, попав в Дунманифестин, боги только и занимались тем, что много пили, немало брали и морально разлагались.

Впрочем, по этому проторенному пути идут многие правительства.

А еще боги играли, причем в довольно примитивные игры — всякие сложности быстро утомляют богов. Очень странным был и другой факт. Мелкие боги способны много миллионов лет подряд преследовать некую цель, ни на что другое не отвлекаясь, тогда как верховные боги обладают сосредоточенностью обычного комара.

А стиль? Если бы боги Плоского мира были людьми, то даже гипсовых слоников они бы сочли несколько авангардными.

В конце главного зала были двухстворчатые двери.

Они задрожали от громopodobного стука.

Боги на мгновение отвлеклись от своих занятий, пожали плечами и снова отвернулись.

Двери с треском распахнулись.

Ом прошагал по щепкам с таким видом, будто ищет что-то важное, но времени у него крайне мало.

— Итак... — сказал он.

Сидящий на троне Слепой Ио, Бог Грома, поднял на Ома свои многочисленные глаза и угрожающе замахнулся молотом.

— Кто ты такой?!

Ом прошагал к трону, схватил Слепого Ио за грудки и что было сил стукнул лбом.

В наше время в богов грома практически никто уже не верит...

— Ой!

— Послушай, дружок. У меня нет времени болтать с каким-то слюнтяем в простыне. Где боги Эфеба и Цорта?

Ио, схватившись за нос, махнул рукой в сторону центра зала.

— А фить-то фафем? — прогнусавил он.

Ом зашагал по залу.

В центре зала стояло нечто похожее на круглый столик, на самом деле оказавшееся моделью Плоского мира. Там были черепаха, слоны и все прочее. Впрочем, модель выглядела на диво реально, словно ты видел мир одновременно издалека и вблизи.

Что-то не так было с расстояниями, возникало ощущение огромных пространств, сжатых до невозможности. Кроме того, реальный Плоский мир не был покрыт сетью светящихся линий, проходящих над самой поверхностью. Ну, или в паре миль над ней.

Ом никогда не видел этой модели прежде, но сразу понял, что это такое. Волна и частица; карта и местность, для которой эта карта составлена. Если бы он всмотрелся в крошечный блестящий купол на

вершине крошечного Кори Челести, то, несомненно, увидел бы самого себя, смотрящего на еще более маленькую модель... И так далее, вплоть до той самой точки, в которой вселенная сворачивается, словно хвост аммонита — существа, жившего миллионы лет назад и не верившего в богов вовсе...

Боги толпились вокруг модели и внимательно за чем-то наблюдали.

Ом отпихнул локтем мелкую Богиню Изобилия. Над миром парили кости, глиняные фигурки и фишки для игры. Не нужно было быть всемогущим, чтобы понять, что тут происходит.

— Он уфарил меня по гносу!

Ом обернулся.

— У меня отличная память на лица, дружок. Так что убери свое личико подальше, пока оно у тебя еще осталось.

Он снова вернулся к игре.

— Э-э, прошу прощения, — раздался голос где-то на уровне его пояса.

Ом опустил глаза увидел очень большого тритона.

— Да?

— Здесь нельзя такое поведение. Сокрушение не допускается. Только не здесь. Такие правила. Хочешь драться, твои люди сражаются с его людьми.

— А ты кто такой?

— Я — П'танг-П'танг.

— Ты — бог?

— Определенно.

— Да? И сколько у тебя почитателей?

— Пятьдесят один.

Возникла некая пауза. Затем тритон с надеждой посмотрел на Ома и спросил:

— А это много? Не умею считать.

Он указал на грубо вылепленную фигурку на побережье Омнии.

— Но делаю ставку!

Ом посмотрел на фигурку маленького рыбака.

— Когда он погибнет, у тебя останется ровно пятьдесят верующих, — сказал он.

— Больше или меньше, чем пятьдесят один?

— Намного меньше.

— Определенно?

— Да.

— Этого никто не говорил.

Несколько дюжин богов следили за побережьем. Ом смутно припомнил эфебские статуи. Там была некая богиня с неумело высеченной из камня совой. Точно.

Ом почесал в затылке. В голову приходили мысли, не достойные бога. Отсюда, сверху, все казалось очень простым. Обычная игра. Здесь быстро забываешь, что те, кто остался внизу, вовсе не играют. Там гибнут люди. Их рубят на куски. «А мы — те же орлы, — подумал он. — Иногда мы учим черепах летать.

И, подняв их повыше, отпускаем».

— Там, внизу, гибнут люди, — промолвил он, обращаясь к оккультному миру в целом.

Цортский Бог Солнца даже не обернулся на него.

— Они для этого и нужны, — пожал плечами он.

В руке Бог Солнца держал коробку для игральных костей, очень напоминавшую человеческий череп с рубинами в глазницах.

— Ну да, конечно, — согласился Ом. — А я как-то и забыл про это.

Он некоторое время смотрел на череп, а потом повернулся к Богине Изобилия.

— Что это такое, милашка? Рог изобилия? Можно посмотреть? Спасибо.

Достав из рога фрукты, Ом толкнул локтем Бога-Тритона.

— На твоём месте, друг, я бы не связывался с этими шулерами.

— А один — это меньше, чем пятьдесят один? — спросил П'танг-П'танг.

— То же самое, — твердо ответил Ом. Он не сводил глаз с затылка цортского божка.

— Но у тебя верующих тысячи, — заметил Бог-Тритон. — Ты и бьешься за тысячи.

Ом задумчиво потер лоб. «Я слишком много времени провел там, внизу, — подумал он. — Никак не могу отвыкнуть мыслить по-земному».

— Чтобы у тебя были тысячи верующих, — промолвил он, — нужно биться за каждого человека.

Он похлопал Бога Солнца по плечу.

— Эй, солнышко!

Когда бог обернулся, Ом сломал рог изобилия об его голову.

Это был очень необычный раскат грома. Он смущенно заикался, как сверхновая звезда, оглушительные волны звука разрывали небо. Песок фонтанировал и кружился вокруг лежавших ничком тел на берегу. Молнии

били в землю, яркие искры мерцали на наконечниках стрел и остриях мечей.

Симони поднял взгляд к грохочущей тьме.

— Что, черт возьми, происходит? — Он толкнул локтем лежащее рядом тело.

Это оказался Аргависти, и они с ненавистью уставились друг на друга.

Раскаты грома сотрясали небо. Волны накатывались друг на друга и набрасывались на флот. Корпус одного корабля с внушающим ужас изяществом наваливался на корпус другого, стоны и треск дерева прекрасно гармонировали с басовитыми раскатами грома.

В песок, прямо рядом с головой Симони, воткнулся обломок бруса.

— Если останемся здесь, мы покойники! — крикнул он. — Бежим!

Шатаясь, они двинулись сквозь брызги и песок, мимо съезжившихся от страха и молящихся солдат, мечущихся в поисках укрытия.

Наконец Симони и Аргависти добрались до Черепахи и нырнули под нее.

Но, как выяснилось, эта мысль пришла в голову не только им. В полумраке виднелись неясные фигуры. На ящике с инструментами сидел подавленный Бедн. Откуда-то воняло потрошеной рыбой.

— Боги разгневались, — заметил Борворий.

— Просто взбесились, — согласился Аргависти.

— Я и сам в не слишком хорошем настроении, — фыркнул Симони. — Боги? Ха!

— Не самое удачное время заявлять о неверии в богов, — заметил Рам-ап-Эфан.

Крупный град застучал по панцирю.

— Удачнее не придумаешь, — возразил Симони.

Осколок рога изобилия врезался в Черепаху и со свистом от ricochetил. Механизм качнуло.

— Но чем мы их так прогневали? — недоумевал Аргависти. — Мы же делаем то, что они хотят.

Борворий попытался улыбнуться.

— Вот они, боги, — промолвил он. — И с ними плохо, и без них нельзя...

Кто-то ткнул Симони локтем в бок и передал ему намокшую сигарку. Это был цортский солдат. Поборов неприязнь, Симони жадно затянулся.

— Хороший табак, — похвалил он. — Тот, что выращиваем мы, воняет, как верблюжий навоз.

Он передал окурок следующей сгорбленной фигуре.

— СПАСИБО.

Борворий достал откуда-то флягу.

— Отправимся в ад горяченькими! — предложил он.

— Да уж... — рассеянно ответил Симони, а потом заметил флягу. — А, ты об этом. Не откажусь. Все равно — ад. Но что уж переживать? Э-эх, спасибо...

— Передай дальше.

— БЛАГОДАРЮ.

Раздался очередной раскат грома, и Черепаха опять закачалась.

— Г'н и'химбе бо?

Все посмотрели на куски рыбы, а потом перевели взгляды на полное доброжелательности лицо Прыга Бенджа.

— Я могу выгрести угли из топки, — предложил Бедн.

Кто-то похлопал Симони по плечу. Какие-то странные мурашки побежали по телу сержанта.

— СПАСИБО, ДРУГ. НО МНЕ ПОРА.

Он вдруг почувствовал движение воздуха, словно сама вселенная вздохнула. Поспешно оглянувшись, Симони успел заметить, как один из кораблей поднимается на пришедшей с моря огромной волне и разбивается об один из барханов.

Крики людей окрасили ветер.

Солдаты молча взирали на происходящее.

— Там же были люди! — воскликнул Аргависти.

Симони отбросил флягу:

— Ну-ка, пошли.

Они дружно кинулись к обломкам корабля и принялись разгребать их. Было использовано абсолютно все, что Бедн знал о рычагах и даже еще чуть-чуть. Но что характерно, пока они ворочали тяжелые балки, пока разгребали шлемами песок, никто из них не поинтересовался, а кого, собственно, они откапывают и в какую форму эти люди одеты.

С ветром пришел горячий, заряженный электричеством туман, а море и не думало успокаиваться.

Симони схватился за очередной брус, попытался поднять его и вдруг почувствовал, что вес резко уменьшился, словно кто-то взялся за другой конец. Он поднял голову и уставился на Брута.

— Только ничего не говори, — предупредил Брута.

— Это все божьих рук дело?

— Я не...

— Я должен знать!

— Это все лучше, чем если бы мы сами делали это с собой, верно?

— Но на кораблях — люди!

— А никто не обещал, что их ждет приятная прогулка!

Симони отбросил огромный кусок обшивки. Под ним лежал солдат, доспехи и плюмаж на шлеме были заляпаны грязью и кровью, так что даже нельзя было сказать, какой армии он принадлежит. Но солдат еще дышал.

— Послушай! — Симони старался перекрыть ветер. — Я не собираюсь сдаваться! Вам меня не победить! Я делаю это не ради какого-то там бога, неважно, существует он или нет! Я делаю это ради людей! *И перестань улыбаться!*

На песок упали игральные кости. Некоторое время они искрились и потрескивали, но потом вдруг испарились.

Море успокоилось. Обрывки тумана свернулись и превратились в ничто. В воздухе еще висела дымка, однако сквозь нее уже проступило солнце — оно больше смахивало на яркое пятно, прилипшее к куполу неба, но все равно...

И снова возникло ощущение, будто вселенная вздохнула.

Внезапно вокруг появились боги, полупрозрачные и мерцающие. Солнечные лучи отражались от золотистых кудрей, крыльев и лир.

А затем боги разом заговорили, слова одних опережали слова других или чуть запаздывали — так обычно происходит, когда группа людей старается в точности повторить слова, которые им приказали произнести.

Ом тоже стоял в толпе, как раз за спиной цортского Бога Грома. Наверное, только Брута заметил, что правая рука Бога Грома была спрятана за спиной, словно кто-то, если можно такое себе представить, сильно выкрутил ее и держал.

Каждый солдат услышал слова богов на своем языке. Но общий их смысл был таков:

I. Это — Не Игра.

II. Здесь И Сейчас Вы Живы.

А потом все закончилось.

— Из тебя получится хороший епископ, — сказал Брута.

— Из меня? — не понял Дидактилос. — Я — философ.

— Вот и здорово. Епископ-философ нам сейчас весьма пригодится.

— А еще я эфеб.

— Отлично. Значит, ты придумаешь самый хороший метод управления страной. Жрецам тут доверять нельзя. Они не умеют мыслить правильно.

Как и солдаты.

— Ну спасибо, — фыркнул Симони.

Они сидели в саду сенобиарха. Высоко в небе парил орел и высматривал на земле все, что угодно, только не черепаху.

— А знаешь, идея демократии мне нравится. Когда под рукой есть человек, которому никто не верит, управлять страной гораздо легче, — сказал Брута. — И все счастливы. Подумай об этом. Симони?

— Да?

— Назначаю тебя главой квизиции.

— *Что?*

— Я хочу остановить то, что там творится. И остановить безжалостно.

— Хочешь, чтобы я казнил всех инквизиторов?

— Это было бы слишком просто. Я не хочу ничьей смерти. Ну, может, только тех, кто получал от своей работы особое наслаждение... Но только их. А где Бедн?

Движущаяся Черепаха по-прежнему стояла на берегу, полузасыпанная принесенным бурей песком. Но Бедн не особо стремился откапывать свое изобретение.

— Насколько я припоминаю, он вроде бы возился с механизмом дверей, — ответил Дидактилос. — Паренек всегда любил ковыряться во всяких замысловатых штуковинах.

— И нам следует особо позаботиться о том, чтобы ему всегда было с чем возиться. Иригация, архитектура... И все остальное.

— А сам-то ты чем займешься? — спросил Симони.

— Буду копировать библиотеку.

— Но ты же не умеешь ни читать, ни писать, — удивился Дидактилос.

— Зато я умею видеть и рисовать. Я сделаю по две копии каждой книги. Одна будет храниться здесь.

— Если спалить все Семикнижье, места ого-го сколько будет! — воскликнул Симони.

— Сжигать мы ничего не станем. Всему свое время.

Брута посмотрел на мерцающую линию пустыни. Как это ни смешно, но счастливым он себя чувствовал только там.

— А потом... — начал было он.

— Да?

Брута перевел взгляд на поля и деревни вокруг Цитадели и вздохнул.

— А потом мы займемся делами, — закончил он. — И будем делать их каждый день.

Прыт Бендж греб домой в некоторой задумчивости.

Последние деньки выдались крайне удачными. Он познакомился с новыми людьми, продал много рыбы. Мало того, он встретился с самим П'Танг-П'Тангом и его прислужниками! Бог-Тритон лично разговаривал с ним и взял с него клятвенное обещание никогда, никогда не объявлять войну какой-то там стране, о которой Прыт Бендж никогда и не слышал даже. И тем не менее Прыт Бендж с радостью дал эту клятву^[10].

А еще новые люди научили его удивительному способу испускать молнии. Бьешь по камню чем-нибудь твердым, появляются маленькие молнии, которые падают на что-нибудь сухое, и оно становится красным и горячим, как солнце. Если добавить немного дерева, огонь станет больше; если положить на него рыбу, она почернеет, но если рыбу положить и быстро снять, она станет не черной, а коричневой и очень вкусной — вкуснее в своей жизни он ничего не пробовал, впрочем, пробовал он не так уж и много. Помимо всего этого ему подарили ножи, сделанные не из камня, и ткань, сделанную не из тростника. Да и вообще, жизнь улыбалась Прыте Бенджу и его народу.

Он никак не мог понять, почему *стольким* людям хочется треснуть бедного дядюшку Пачи Моджа камнем по башке, но это определенно ускоряло технический прогресс.

Исчезновения Лю-Цзе не заметил никто, даже Брута. Незаметно пришел, незаметно ушел... Незаметность — один из профессиональных секретов монаха истории.

На самом деле Лю-Цзе упаковал свою метлу, прихватил любимые горы бонсай и тайными проходами да окольными путями побрел домой, в затерянную среди центральных гор долину, где его поджидал аббат.

Аббат играл в шахматы на длинной террасе, с которой открывался чудесный вид на горы. В садах пузырились фонтаны, ласточки влетали в окна.

— Все прошло хорошо? — спросил аббат, не отрывая взгляда от доски.

— Очень хорошо, господин, — ответил Лю-Цзе. — Правда, пришлось немного *подтолкнуть* события.

— Нельзя так поступать, — промолвил аббат, задумчиво поглаживая пешку. — Мало-помалу, но когда-нибудь ты переступишь через границу

дозволенного.

— Такова современная история, господин, — откликнулся Лю-Цзе. — Очень некачественный материал, господин. Все время приходится латать то здесь, то там...

— Да, да...

— В древние времена история была куда лучше.

— Раньше все было лучше, чем сейчас. Такова суть вещей.

— Да, господин. Господин?

Аббат с легким раздражением оторвался наконец от игры.

— Э-э... в книгах говорится, что, после того как погиб Брута, началась эпоха ужасных войн?

— Ты же знаешь, что сейчас мое зрение оставляет желать лучшего, Лю-Цзе. Я редко заглядываю в книги.

— Так вот, господин, все... все немножко поменялось.

— Но закончилось все благополучно?

— Да, господин, — с облегчением ответил монах истории.

— Это главное. Следующее задание получишь через несколько недель.

Почему бы тебе не отдохнуть немножко?

— Благодарю, господин. Может быть, я отправлюсь в лес и понаблюдаю там за падающими деревьями.

— Неплохая тренировка, очень неплохая. Ты ничуть не изменился, все время думаешь о работе, да?

Когда Лю-Цзе ушел, аббат посмотрел на своего соперника.

— Очень хороший работник, — заметил он. — Твой ход.

Соперник долго и пристально изучал диспозицию.

Аббат ждал, что с минуты на минуту должен прийти в действие некий план, сработает некая адская ловушка, давно планируемая его противником. Но вдруг его соперник поднял свой костяной палец и постучал по одной из фигур.

— НАПОМНИ-КА ЕЩЕ РАЗ, — попросил он. — КАК ХОДЯТ ЭТИ МАЛЕНЬКИЕ ФИГУРКИ С ЛОШАДИНЫМИ ГОЛОВАМИ?

В конце концов Брута все-таки умер и при не совсем обычных обстоятельствах.

Однако он дожил до весьма преклонного возраста, что довольно часто случается со служителями церкви. Данное некогда обещание Брута сдержал — каждый день он занимался какими-нибудь делами.

Однажды на рассвете он проснулся и подошел к окну. Встречать рассвет было его любимым занятием.

Двери Великого Храма заменить так и не удалось. Даже Бедн не смог придумать, как убрать огромную грудку расплавленного металла. Поэтому пришлось просто сделать над ней лестницу. Через год или два люди приняли их решение и даже начали считать лестницу своего рода символом. Не чего-нибудь определенного, но символом. Определенно символично.

Восходящее солнце отразилось от медного купола библиотеки. Брута мысленно отметил себе, что неплохо бы узнать, как продвигаются дела со строительством нового крыла. Слишком много людей стало посещать библиотеку — библиотекари жаловались.

Народ приходил в библиотеку буквально отовсюду. Она была самой большой неволшебной библиотекой в мире. В Цитадель перебралась добрая половина эфебских философов, и даже появилась пара собственных, омнианских. Даже жрецы приходили сюда, чтобы ознакомиться с собранием книг по религии. Сейчас оно насчитывало тысячу двести восемьдесят три религиозных книги, и все они, если верить написанному внутри, были «наиглавнейшими и единственными в своем роде». В общем, шутка удалась. Как говорил Дидактилос, если не смеяться, то что остается?

Брута как раз завтракал, когда вошел поддьякон, в обязанности которого входило уточнять встречи на день и тактично напоминать о том, что Брута снова надел кальсоны поверх верхнего платья.

Дьякон смущенно поздравил Бруту.

— Гм? — промычал тот, обливаясь размазней с ложки.

— Сегодня ровно сто лет, — пояснил поддьякон. — Со времени вашего странствия по пустыне.

— Правда? А я думал, что прошло лет пятьдесят. Ну максимум шестьдесят, вряд ли больше.

— Сто лет, господин. Мы сверились с записями.

— Правда? Целых сто лет? Прошло уже сто лет?

Брута аккуратно отложил ложку и уставился на пустую белую стену. Поддьякон тоже повернулся, чтобы посмотреть, что могло так заинтересовать сенобиарха, но увидел только чистую белую стену.

— Сто лет... — пробормотал Брута. — Гм? Бог мой. Я и забыл. — Он рассмеялся. — Я забыл. Сто лет, да? Но здесь и сейчас мы...

Поддьякон обернулся.

Потом побледнел и подошел ближе.

— Господин?

Он кинулся за помощью.

Тело Бруты с некоторым изяществом повалилось на стол. Миска опрокинулась, и каша потекла на пол.

А потом Брута поднялся. На свой труп он даже не посмотрел.

— Ха! Я ждал тебя, — сказал он.

Прислонившийся к стене Смерть выпрямился.

— ТЕБЕ ОЧЕНЬ ВЕЗЛО.

— Но столько еще можно было сделать...

— ДА. КАК ВСЕГДА.

Следом за костлявой фигурой Брута прошел сквозь стену, но там вместо столь знакомого туалета оказался... черный песок.

Свет был ярким и хрустально чистым, на черном небе мерцали звезды.

— А, значит, пустыня действительно есть. И сюда попадает каждый? — спросил Брута.

— КТО ЗНАЕТ...

— А что там, в конце пустыни?

— СУДИЛИЩЕ.

Брута тщательно обдумал услышанное.

— Да, но *какой* именно конец имеется в виду? — уточнил он.

Смерть усмехнулся и отошел в сторону.

То, что Брута сначала принял за камень, оказалось сгорбленной фигурой, охватившей колени руками и, казалось, парализованной страхом.

Он долго смотрел на нее.

— Ворбис? — вдруг позвал он.

А затем посмотрел на Смерть.

— Но ведь Ворбис умер целых сто лет назад?

— ДА. ОН ДОЛЖЕН БЫЛ САМ ПРОЙТИ ЭТОТ ПУТЬ. В ОДИНОЧКУ. ОДНАКО ОН ИСПУГАЛСЯ...

— И он сидит здесь целых сто лет?

— ВОЗМОЖНО, МЕНЬШЕ. ВРЕМЯ ЗДЕСЬ ДРУГОЕ. МОЖНО СКАЗАТЬ, ЧТО ВРЕМЯ ЗДЕСЬ — ЛИЧНОЕ ДЕЛО КАЖДОГО.

— А, ты хочешь сказать, что здесь сто лет могут пролететь как одна секунда?

— А МОГУТ ПРЕВРАТИТЬСЯ В ВЕЧНОСТЬ.

Черные зрачки на черных белках с мольбой смотрели на Бруту. Он не задумываясь машинально протянул к Ворбису руку... но дотронуться не решился.

— ОН БЫЛ УБИЙЦЕЙ, — пояснил Смерть. — И СОЗДАТЕЛЕМ УБИЙЦ. МУЧИТЕЛЕМ, ЛИШЕННЫМ СОСТРАДАНИЯ. ЗЛОБНЫМ. БЕССЕРДЕЧНЫМ. БЕСЧУВСТВЕННЫМ.

— Да, я знаю. Он — Ворбис, — кивнул Брута.

Ворбис менял людей. Иногда он менял их настолько, что они становились мертвыми. Но он менял их всегда. И в этом заключался его триумф.

Брута вздохнул.

— А я — это я, — промолвил Брута.

Ворбис неуверенно поднялся на ноги и двинулся за Брутой через пустыню.

Смерть еще долго смотрел им вслед.

notes

Примечания

1

Который приверженцы омнианства упорно называют Полюсом.

2

Безразмерного типа, сорт — с надежными затяжными винтами.

Или пожал бы. Если бы был там. Но его не было. Значит, плечами он не пожимал.

4

Чтобы поддержать одного человека, чья голова витает в облаках, требуется целых сорок, твердо стоящих на земле.

Слова — лакмусовая бумажка, определяющая тип разума. Если вы окажетесь рядом с человеком, хладнокровно использующим повеление «приступайте», бегите прочь и как можно быстрее. А если услышите «войдите», то даже не задерживайтесь, чтобы упаковать вещи.

При условии, что он не был бедным, чужеземцем или лишенным данного права в связи с тем, что был сумасшедшим, чересчур легкомысленным или вообще женщиной.

То есть перед тем как местные жители позволили козам пастись где угодно. Козы способны превратить в пустыню любую местность, причем значительно быстрее других животных.

8

Правда, недостаточно сътно.

Как и многие другие древние мыслители, эфебы считали, что мысли возникают в сердце, а мозг является лишь устройством для охлаждения крови.

В языке Прыта Бенджа не было слова, означающего войну, поскольку его народ никогда ни с кем не воевал — жизнь и так не сахар, чтобы еще с кем-то там драться. Поэтому объяснение П'Танг-П'Танга звучало следующим образом: «Помнишь, Пача Модж как-то ударил своего дядю камнем? Так вот, война — это когда очень много бьют по голове».